

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gogolnikolai.ru/> приятного чтения!

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь

Мертвые души. Том второй

Глава I

Зачем же изображать бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства? Что ж делать, если уже такого свойства сочинитель и, заболев собственным несовершенством, уже и не может изображать он ничего другого, как только бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства. И вот опять попали мы в глушь, опять наткнулись на закоулок.

Зато какая глушь и какой закоулок!

Как бы исполинской вал какой-то бесконечной крепости, с наугольниками и бойницами, шли, извиваясь, на тысячу слишком верст горные возвышения. Великолепно возносились они над бесконечными пространствами равнин, то отломами, в виде отвесных стен, известковато-глинистого свойства, исчерченных проточинами и рывтинами, то миловидно округлившимися зелеными выпуклинами, покрытыми, как мерлушками, молодым кустарником, подымавшимся от срубленных деревьев, то, наконец, темными гущами леса, каким-то чудом еще уцелевшими от топора. Река то, верная своим берегам, давала вместе с ними колена и повороты, то отлучалась прочь в луга, затем, чтобы, извившись там в несколько извивов, блеснуть, как огонь перед солнцем, скрыться в рощи берез, осин и ольх и выбежать оттуда в торжестве, в сопровождении мостов, мельниц и плотин, как бы гонявшихся за нею на всяком повороте.

В одном месте крутой бок возвышений убирался гуще в зеленые кудри деревьев. Искусственным насаждением, благодаря неровности гористого оврага, север и юг растительного царства собрались сюда вместе. Дуб, ель, лесная груша, клен, вишняк и терновник, чилига и рябина, опутанная хмелем, то помогая друг <другу> в росте, то заглушая друг друга, карабкались по всей горе, от низу до верху. Вверху же, у самого ее темени, примешивались к их зеленым верхушкам красные крышки господских строений, коньки и гребни сзади скрывшихся изб, верхняя надстройка господского дома с резным балконом и большим полукруглым окном. И над всем этим собранием деревьев и крыш возносились свьше всего своими пятью позлащенными играющими верхушками старинная деревянная церковная церковь. На всех ее главах стояли золотые прорезные кресты, утвержденные золотыми прорезными же цепями, так что издали, казалось, висело на воздухе ничем не поддержанное, сверкавшее горячими червонцами золото. И всё это в опрокинутом виде, верхушками, крышками, крестами вниз, миловидно отражалось в реке, где безобразно-дуплистые ивы, [одни] стоя у берегов, другие совсем в воде, опустивши туда и ветви и листья, точно как рассматривали это чудное изображение, где только не мешала им склизкая бодяга с пловучей яркой зеленью желтых кувшинчиков.

Вид был очень хорош, но вид сверху вниз, с надстройки дома на отдаленья, был еще лучше. Равнодушно не мог выстоять на балконе никакой гость и посетитель. От изумленья у него захватывало в груди дух, и он только вскрикивал: «господи, как здесь просторно!» Без конца, без пределов открывались пространства: за лугами, усеянными рощами и водяными мельницами, в несколько зеленых поясов зеленели леса; за лесами, сквозь воздух, уже начинавший становиться мгlistым, желтели пески. И вновь леса, уже синевшие, как моря или туман, далеко разливавшийся; и вновь пески, еще бледней, но всё желтевшие. На отдаленном небосклоне лежали гребнем меловые горы, блиставшие белизною даже и в ненастное время, как бы освещало их вечное солнце. По ослепительной белизне их у подошв их местами мелькали как бы дымившиеся туманно-сизые пятна. Это были отдаленные деревни; но их уже не мог рассмотреть человеческий глаз. Только вспыхивавшая при солнечном освещении искра золотой церковной маковки давала знать, что это было людное большое селение. Всё это облечено было в тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшие до слуха отголоски соловьев, пропадавшие в пространствах. Гость, стоявший на балконе, и после какого-нибудь двухчасового созерцания ничего другого не мог выговорить, как только: «господи, как здесь просторно!»

Кто ж был жилец и владетель этой деревни, к которой, как к неприступной крепости, нельзя было и подъехать отсюда, а нужно было подъезжать с другой стороны, где врассыпку дубы встречали приветливо гостя, расставляя широко

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru распростертые ветви, как дружеские объятья, и провожая его к лицу того самого дома, которого верхушку видели мы сзади и который стоял теперь весь налицо, имея по одну сторону ряд изб, выказывавших коньки и резные гребни, а по другую – церковь, блиставшую золотом крестов и золотыми прорезными узорами висевших в воздухе цепей? Какому счастливцу принадлежал этот закоулок?

Помещику Тремалаханского уезда, Андрею Ивановичу Тентетникову, молодому тридцатитрехлетнему счастливцу и притом еще и неженатому человеку.

Кто ж он, что ж он, каких качеств, каких свойств человек? У соседей, читательницы, у соседей следует расспросить. Сосед, принадлежавший к фамилии ловких, уже ныне вовсе исчезающих, отставных штаб-офицеров брандеров, изъяснялся о нем выраженьем: «Естественнейший скотина!» Генерал, проживавший в десяти верстах, говорил: «Молодой человек неглупый, но много забрал себе в голову. Я бы мог быть ему полезным, потому что у меня не без связей и в Петербурге, и даже при...» генерал речи не оканчивал. Капитан-исправник давал такой оборот ответу: «А вот я завтра же к нему за недоимкой!» Мужик его деревни на вопрос о том, какой у них барин, ничего не отвечал. Стало быть, мнение о нем было неблагоприятное.

Беспристрастно же сказать – он не был дурной человек, – он просто коптитель неба. Так как уже не мало есть на белом свете людей, которые копят небо, то почему ж и Тентетникову не копить его? Впрочем, вот на выдержку день из его жизни, совершенно похожий на все другие, и пусть из него судит читатель сам, какой у него был характер и как его жизнь соответствовала окружавшим его красотам.

Попутру просыпался он очень поздно и, приподнявшись, долго сидел на своей кровати, протирая глаза. И так как глаза, на беду, были маленькие, то протиранье их производилось необыкновенно долго, и во всё это время у дверей стоял человек Михайло с рукомойником и полотенцем. Стоял этот бедный Михайло час, другой, отправлялся потом на кухню, потом вновь приходил, – барин всё еще протирал глаза и сидел на кровати. Наконец, подымался он с постели, умывался, надевал халат и выходил в гостиную затем, чтобы пить чай, кофий, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, крошивая хлеба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы бессовестно. И два часа просиживал он за чаем. И этого мало, он брал еще холодную чашку и с ней подвигался к окну, обращенному на двор. У окна же происходила всякий день следующая сцена.

Прежде всего ревел Григорий, дворовый человек в качестве буфетчика, относившийся к домоводке Перфильевне почти в сих выражениях: «Душонка ты возмутительная, ничтожность этакая. Тебе бы, гнусной, молчать». – «А не хочешь ли вот этого?» выкрикивала ничтожность, или Перфильевна, показывая кукиш, – баба, жесткая в поступках, несмотря на то, что охотница была до изюму, пастилы и всяких сластей, бывших у нее под замком. – «Ведь ты и с приказчиком сцепишься, мелочь ты анбарная!» ревел Григорий. – «Да и приказчик вор такой же, как и ты. Думаешь, барин не знает вас? ведь он здесь, ведь он всё слышит».

«Где барин?»

«Да вот он сидит у окна; он всё видит».

И точно, барин сидел у окна и всё видел.

К довершению содома, кричал кричмя дворовый ребятишка, получивший от матери затрещину, визжал борзой кобель, присев задом к земле, по поводу горячего кипятка, которым обкатил его, выглянувши из кухни, повар. Словом, всё голосило и верещало невыносимо. Барин всё видел и слышал. И только тогда, когда это делалось до такой степени несносно, что мешало даже ничем не заниматься, высылал он сказать, чтобы шумели потише... За два часа до обеда уходил он к себе в кабинет затем, чтобы заняться серьезно сочинением, долженствовавшим объять всю Россию со всех точек – с гражданской, политической, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно ее великую будущность, словом – всё так и в том виде, как любит задавать себе современный человек. Впрочем, колоссальное предприятие больше ограничивалось одним обдумыванием. Изгрызалось перо, являлись на бумаге рисунки, и потом всё это отодвигалось на сторону, бралась наместо того в руки книга и уже не выпускалась до самого обеда. Книга эта читалась вместе с супом, соусом, жарким и даже с пирожным, так что иные блюда оттого стыли, а другие принимались вовсе

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru нетронутыми. Затем следовала трубка с кофеем, игра в шахматы с самим собой; что же делалось потом до самого ужина, право, и сказать трудно. Кажется, просто ничего не делалось.

И этак проводил время, один-одинешенек в целом <мире>, молодой тридцатидвухлетний человек, сидень-сиднем, в халате и без галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотелось даже подняться вверх, не хотелось даже растворять окна затем, чтобы забрать свежего воздуха в комнату, и прекрасный вид деревни, которым не мог равнодушно любоваться никакой посетитель, точно не существовал для самого хозяина. Из этого может читатель видеть, что Андрей Иванович Тентетников принадлежал к семейству тех людей, которые на Руси не переводятся, которым прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки и которых теперь, право, не знаю, как назвать.

Родятся ли уже такие характеры, или потом образуются, как порождение печальных обстоятельств, сурово обстановкающих человека? Вместо ответа на это, лучше рассказать историю его воспитания и детства.

Казалось, всё клонилось к тому, чтобы вышло из него что-то путное. Двенадцатилетний мальчик, остроумный, полузадумчивого свойства, полуболезненный, попал он в учебное заведение, которого начальником на ту пору был человек необыкновенный. Идол юношей, диво воспитателей, несравненный Александр Петрович одарен был чутьем слышать природу человека. Как знал он свойства русского человека! Как знал он детей! Как умел двигать! Не было шалуна, который, сделавши шалость, не пришел к нему сам и не повинился во всем. Этого мало. Он получал строгой <выговор>, но уходил от него не повесивши нос, но подняв его. И было что-то ободряющее, что-то говорившее: «Вперед! Поднимайся скорее на ноги, несмотря, что ты упал». Не было у него и речи к ним о хорошем поведении. Он обыкновенно гворил: «Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляет о том, чтобы быть умным, тому некогда шалить: шалость должна исчезнуть сама собою». И точно, шалости исчезали сами собою. Презренью товарищей подвергался тот, кто не стремился быть <лучше>. Обиднейшие прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки от самых малолетних и не смели их тронуть пальцем. «Это уж слишком!» – говорили многие: «умники выйдут люди заносчивые». – «Нет, это не слишком», говорил он; «неспособных я не держу долго; с них довольно одного курса, а для умных у меня другой курс». И точно, все способные выдерживали у него другой курс. Многих резвостей он не удерживал, видя в них начало развития свойств душевных и говоря, что они ему нужны, как сыпи врачу: затем, чтобы узнать достоверно, что именно заключено внутри человека.

Как любили его все мальчики! Нет, никогда не бывает такой привязанности у детей к своим родителям. Нет, ни даже в безумные годы безумных увлечений не бывает так сильна неугасимая страсть, как сильна была любовь <к нему>. До гроба, до поздних дней благодарный воспитанник, подняв бокал в день рождения своего чудного воспитателя, уже давно бывшего в могиле, оставался, закрыв глаза, и лил слезы по нем. Его малейшее ободренье уже бросало в дрожь, в радость и в трепет и [толкало] честолюбивое желание всех превзойти. Малоспособных он не держал долго; для них у него был коротенькой курс. Но способные должны были у него выдерживать двойное ученье. И последний класс, который был у него для одних избранных, вовсе не походил на те, какие бывают в других заведениях. Тут только он требовал от воспитанника всего того, что иные неблагоразумно <требуют> от детей, – того высшего ума, который умеет не посмеяться, но вынести всякую насмешку, спустить дураку и не раздражиться, и не выйти из себя, не мстить ни в каком <случае> и пребывать в гордом покое невозмущенной души; и всё, что способно образовать из человека твердого мужа, тут было употреблено в действие, и он сам делал с ними непрерывные пробы. О, как он знал науку жизни!

Учителей у него не было много. Большую часть наук читал он сам. Без педантских терминов, напыщенных воззрений и взглядов, умел он передать самую душу науки, так что и малолетнему было видно, на что она ему нужна. Из наук была избрана только та, что способна образовать из человека гражданина земли своей. Большая часть лекций состояла в рассказах о том, что ожидает юношу впереди, и весь горизонт его поприща умел он очертить <так>, что юноша, еще находясь на лавке, мыслями и душой жил уже там на службе. Ничего не скрывал: все огорченья и преграды, какие только воздвигаются человеку на пути его, все искушения и соблазны, ему предстоящие, собирал он пред ним во всей наготе, не скрывая ничего. Всё было ему известно, точно как бы перебыл он сам во всех званиях и должностях. Оттого ли, что сильно уже развилось честолюбие, оттого ли, что в

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
самых глазах необыкновенного наставника было что-то говорящее юноше: вперед! – это словцо, знакомое русскому человеку, производящее такие чудеса над его чуткой природой, – но юноша с самого начала искал только трудностей, алча действовать только там, где трудно, где больше препятствий, где нужно было показать большую силу души. Немногие выходили из этого курса; но зато это были обкуренные порохом люди. В службе они удержались на самых шатких местах, тогда как многие, и умнейшие их, не вытерпев, из-за мелочных личных неприятностей, бросили всё или же, осовев, обленясь, обезумев и опустившись, очутились в руках взяточников и плутов. Но они не пошатнулись и, зная и жизнь и человека, и умудренные мудростью, возымели сильное влияние даже на дурных людей.

Пылкое сердце честолюбивого мальчишки долго билось при одной мысли о том, что он попадет наконец в это отделение. Что, казалось, могло быть лучше этого воспитателя для нашего Тентетникова. Но нужно же, чтобы в то самое время, когда он переведен был в этот курс избранных, – чего так сильно желал, – необыкновенный наставник скоропостижно <умер>. О, какой был для него удар, какая страшная первая потеря! Ему казалось, как бы[1] всё переменялось в училище: на место Александра Петровича поступил какой-то Федор Иванович. Налег он тот же час на какие-то внешние порядки; стал требовать от детей того, чего можно требовать только от взрослых. В свободной их развязности почудилось ему что-то необузданное. И точно как бы на зло своему предшественнику объявил с первого дни, что для него ум и успехи ничего не значат, что он будет смотреть только на хорошее <поведение>. Странно: хорошего-то поведения и не добился Федор Иванович. Завелись шалости потаенные. Всё было в струнку днем и шло попарно, а по ночам развелись кутежи.

С науками тоже случилось что-то странное. Выписаны были новые преподаватели, с новыми взглядами и новыми углами и точками воззрений. Забросали слушателей множеством новых терминов и слов; показали они в своем изложении и логическую связь и горячку собственного увлечения; но увы! не было только жизни в самой науке. Мертвечиной отозвалась в устах их мертвая наука. Одним словом, всё пошло наыворот. Потерялось уважение к началству и власти. Стали насмехаться и над наставниками, и над преподавателями. Директора стали называть Федькой, Булкой и другими разными именами. Разврат завелся уже вовсе не детский: завелись такие дела, что нужно было многих выключить и выгнать. В два года узнать нельзя было заведения.

Андрей Иванович был нрава тихого. Его не могли увлечь ни ночные оргии товарищей, которые обзавелись какой-то дамой перед самыми окнами директорской квартиры, ни кощунство их над святыней из-за того только, что попался не весьма умный поп. Нет, душа его и сквозь сон слышала небесное свое происхождение. Его не могли увлечь; но он повесил нос. Честолюбье уже было возбуждено, а деятельность и поприща ему не было. Лучше б было и не возбуждать его. Он слушал горячавшихся на кафедрах профессоров, а вспоминал прежнего наставника, который, не горячась, умел говорить понятно. Каких предметов, каких курсов он не слушал: медицину, химию, философию, и даже право, и всеобщую историю человечества в таком огромном виде, что профессор в три года успел только прочесть введение, да развитие общин каких-то немецких городов, – и бог знает, чего он не слушал! Но всё это оставалось в голове его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, он слышал только, что не так должно преподаваться, а как – не знал. И вспоминал он часто об Александре Петровиче, и так ему бывало грустно, что не знал он, куда деться от тоски.

Но молодость счастлива тем, что у ней есть будущее. По мере того, как приближалось время к выпуску, сердце его билось. Он говорил себе: «Ведь это еще не жизнь; это только приготовленье к жизни; настоящая жизнь на службе. Там подвиги». И, не взглянув на прекрасный уголок, так поражающий всякого гостя-посетителя, не поклонившись праху своих родителей, по обычаю всех честолюбцев, понесся он в Петербург, куда, как известно, стремится ото всех сторон России наша пылкая молодежь – служить, блистать, выслуживаться или же просто схватывать вершки бесцветного, холодного, как лед, общественного обманчивого образования. Честолюбивое стремление Андрея Ивановича осадил, однако же, с самого начала его дядя, действительный статский советник Онуфрий Иванович. Он объявил, что главное дело в хорошем почерке, что нужно прежде начать с чистописанья.

С большим трудом и с помощью дядиных протекций, наконец, он определился в какой-то департамент. Когда ввели его в великолепный светлый зал, с паркетными и

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru письменными лакированными столами, походивший на то, как <бы> заседали здесь первые вельможи государства, трактовавшие о судьбе всего государства, и увидел <он> легионы красивых пишущих господ, шумевших перьями и склонивших голову набок, и посадили его самого за стол, предложив тут же переписать какую-то бумагу, как нарочно несколько мелкого содержания – переписка шла о трех рублях, производившаяся полгода, – необыкновенно странное чувство проникло неопытного юношу, как бы за проступок перевели его из верхнего класса в нижний. Сидевшие вокруг его господ показались ему так похожими на учеников. К довершению сходства, иные из них читали глупый пе<реводный> роман, засунув его в большие листы разбираемого дела, как бы занимались самым делом, и в то же время вздрагивая при всяком появлении начальника. Так это всё ему показалось странно, так занятия прежние значительнее нынешних, приуготовление к службе лучше самой службы. Ему стало жалко по школе. И вдруг, как живой, предстал пред ним Александр Петрович – и чуть-чуть он не заплакал. Комната закружилась, перемешались чиновники и столы, и чуть удержался он от мгновенного потемнения. «Нет», подумал он в себе, очнувшись: «примусь за дело, как бы оно ни казалось вначале мелким». Крепясь духом и сердцем, решился он служить по примеру прочих.

Где не бывает наслаждений? Живут они и в Петербурге, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещит по улицам сердитый, тридцатиградусный мороз; взвизгивает исчадь севера, ведьма-вьюга, замаята тротуары, слепя глаза, пудря меховые воротники, усы людей и морды мохнатых скотов, но приветливо, и сквозь летающие перекрестно охлопья, светит вверху окошко где-нибудь и в четвертом этаже: в уютной комнатке, при скромных стеариновых свечках, под шумок самовара, ведется согревающий и сердце и душу разговор, читается светлая страница вдохновенного русского поэта, какими наградил бог свою Россию, и так возвышенно-пылко трепещет молодое сердце юноши, как не водится и под полуденным небом.

Скоро Тентетников свыкнулся с службою, но только она сделалась у него не первым делом и целью, как он полагал было вначале, но чем-то вторым. Она служила ему распределением времени, заставив его более дорожить остававшимися<ся> минутами. Дядя, действительный статский советник, уже начинал было думать, что в племяннике будет прок, как вдруг племянник подгадил. В числе друзей Андрея Ивановича, которых у него было довольно, попалось два человека, которые были то, что называется огорченные люди. Это были те беспокойно-странные характеры, которые не могут переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется в их глазах несправедливостью. Добрые по началу, но беспорядочные сами в своих действиях, требуя к себе снисхождения и в то же время исполненные нетерпимости к другим, они подействовали на него сильно и пылкой речью, и образом благородного негодования против общества, разбудивши в нем нервы и дух раздражительности, и заставили замечать все те мелочи, на которые он прежде и не думал обращать внимание. Федор Федорович Леницын, начальник одного из отделений, помещавшихся в великолепных залах, вдруг ему не понравился. Он стал отыскивать в нем бездну недостатков. Ему показалось, что Леницын в разговорах с высшими весь превращался в какой-то приторный сахар, и – в уксус, когда обращался к нему подчиненный; что будто, по примеру всех мелких людей, брал он на замечанье тех, которые не являлись к нему с поздравлением в праздники, мстил тем, которых имена не находились у швейцара на листе; и, вследствие этого, он почувствовал к нему отвращение нервическое. Какой-то злой дух толкал его сделать что-нибудь неприятное Федору Федоровичу. Он на то наискивался с каким-то особым наслаждением и в том успел. Раз поговорил он с ним до того крупно, что ему объявлено было от начальства – либо просить извинения, либо выходить в отставку. Он подал в отставку. Дядя, действительный статский советник, приехал к нему, перепуганный и умоляющий: «Ради самого Христа! помилуй, Андрей Иванович, что это ты делаешь? Оставляй так выгодно начатый карьер из-за того только, что попался не такой, как хочется, начальник! Помилуй! что ты? что ты? Ведь если на это глядеть, тогда и в службе никто бы не остался. Образумься! Отринь гордость, самолюбье, поезжай и объяснись с ним!»

«Не в том дело, дядюшка», сказал племянник. «Мне не трудно попросить у него извинения. Я виноват: он начальник, и так не следовало говорить с ним. Но дело вот в чем. У меня есть другая служба: триста душ крестьян, имение в расстройстве, управляющий – дурак. Государству утраты немного, если вместо меня сядет в канцелярию другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человек не заплатят податей. Я – что вы подумаете? – помещик [звание это также не бездельно]. Если я позабочусь о сохранении, сбережении и улучшении участи вверенных мне людей и представлю государству триста исправнейших, трезвых,

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
работающих подданных, чем моя служба будет хуже службы какого-нибудь начальника
отделения Леницына?»

Действительный статский советник остался с открытым ртом от изумленья. Такого потока слов он не ожидал. Немного подумавши, начал он было в таком роде: «Но всё же... но как же таки?... как же запропастить себя в деревню? Какое же общество может быть между [мужичьем]? Здесь все-таки на улице попадетя навстречу генерал, князь. Пройдешь и сам мимо какого-нибудь... там... ну, и газовое освещение, промышленная Европа; а ведь там, что ни попадетя, всё это или мужик, или баба. За что ж так, за что ж себя осудить на невежество на всю жизнь свою?»

Но убедительные представления дяди на его племянника не произвели действия. Деревня начинала представляться каким-то привольным приютом, воспитательницею дум и помышлений, единственным поприщем полезной деятельности. Уж он откопал и новейшие книги по части сельского хозяйства. Словом, через недели две после этого разговора был он уже в окрестности тех мест, где пронеслось его детство, недалеко от того прекрасного уголка, которым не мог налюбоваться никакой гость и посетитель. Новое чувство [в нем] встрепенулось. В его душе стали просыпаться прежние, давно не выходявшие внарожу впечатления. Он уже многие места позабыл вовсе и смотрел любопытно, как новичок, на прекрасные виды. И вот, неизвестно отчего, вдруг забилось у него сердце. Когда же дорога понеслась узким оврагом в чашу огромного заглухнувшего леса и он увидел вверху, внизу, над собой и под собой трехсотлетние дубы, трем человекам в обхват, вперемежку с пихтой, вязом и осоком, перераставшим вершину тополя, и когда на вопрос: «чей лес?» ему сказали: «Тентетникова»; когда, выбравшись из леса, понеслась дорога лугами, мимо осиновых рощ, молодых и старых ив и лоз, в виду тянувшихся вдаль возвышений, и двумя мостами перелетела в разных местах одну и ту же реку, оставляя ее то вправо, то влево от себя, и когда на вопрос «чьи луга и поемные места?» отвечали ему: «Тентетникова»; когда поднялась потом дорога на гору и пошла по ровной возвышенности, с одной стороны мимо не снятых хлебов, пшеницы, ржи и ячменя, с другой же стороны мимо всех прежде проеханных им мест, которые все вдруг показались в сокращенном отдалении, и когда, постепенно темнея, входила и вошла потом дорога под тень широких развилыстых дерев, разместившихся врассыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали резные избы мужиков и красные крыши каменных господских строений, большой дом и старинная церковь, и блеснули золотые верхи, когда пылко забившееся сердце и без вопроса знало, куды приехало, – ощущение, непрестанно накоплявшиеся, исторгнувшись, наконец, в громогласных словах: «Ну, не дурак ли я был доселе? Судьба назначила мне быть обладателем земного рая, а я закабалил себя в кропатели мертвых бумаг. Учась, воспитавшись, просветясь, сделав запас сведений, нужных для распространения добра между подвластными, для улучшения целой области, для исполнения многообразных обязанностей помещика, который является в одно и то же время и судьей, и распорядителем, и блюстителем порядка, вверить это место невеже-управителю, а себе предпочесть заочное производство дел между людьми, которых я и в глаза не видал, которых я ни характеров, ни качеств не знаю, – предпочесть настоящему управлению это бумажное, фантастическое управление провинциями, отстоящими за тысячи верст, где не была никогда нога моя и где могу наделать только кучи несообразностей и глупостей».

А между тем его ожидало другое зрелище. Узнавши о приезде барина, мужики собрались к крыльцу. Кички, повязки, повойники, сороки, зипуны и картинно-окладистые бороды красивого населения обступили его кругом. Когда раздались слова: «Кормилец наш! вспомнил...» и невольно заплакали старики и старухи, помнившие и его деда, и прадеда, не мог он сам удержаться от слез. И думал он про себя: «Столько любви! и за что? – За то, что я никогда не видал их, никогда не занимался ими!» И дал он себе обет разделить с <ними> труды и занятия.

И стал он хозяйничать, распоряжаться. Уменьшил барщину, убавив дни работ на помещика и прибавив времени мужику. Дурака-управителя выгнал. [Сам стал входить во всё, показываясь] на полях, на гумне, в овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонок, так что ленивые начинали даже почесываться. Но продолжалось это не долго. Мужик сметлив и он понял скоро, что барин хоть и прыток, и есть в нем тоже охота взяться за многое, но как именно, каким образом взяться, этого еще не смыслит, говорит грамотейно и не вдолбеж. Вышло то, что барин и мужик как-то не то, чтобы совершенно не поняли друг друга, но просто не спелись вместе, не приспособились выводить одну и ту же ноту. Тентетников стал замечать, что на господской земле всё выходило как-то хуже, чем

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru на мужичьей. Сеялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо; он сам присутствовал и приказал выдать даже по чопорухе водки за усердные труды. У мужиков уже давно колосилась рожь, высыпался овес, кустилось просо, а у него едва начинал только идти хлеб в трубку, пятак колоса еще не завязывалась. Словом, стал замечать барин, что мужик просто плутует, несмотря на все льготы. Попробовал было укорить, но получил такой ответ: «Как можно, барин, чтобы мы о господской, то есть, выгоде не радели! Сами изволили видеть, как старались, когда пахали и сеяли, – по чопорухе водки приказали подать». Что было на это возражать? «Да отчего ж теперь вышло скверно?» допрашивал барин. – «Кто его знает, видно, червь подъел снизу. Да и лето, вишь ты, какое: совсем дождей не было». Но барин видел, что у мужиков червь не подьедал снизу, да и дождь шел как-то странно, полосою: мужику угодил, а на барскую ниву хоть бы каплю выронил. Еще трудней ему было ладить с бабами. То и дело отпрашивались они от работ, жалуюсь на тягость барщины. Странное дело. Он уничтожил вовсе всякие приносы холста, ягод, грибов и орехов, наполовину сбавил с них других работ, думая, что бабы обратят это время на домашнее хозяйство, обошьют, оденут своих мужей, умножат огороды. Не тут-то было. Праздность, драка, сплетни и всякие ссоры завелись между прекрасным полом такие, что мужья то и дело приходили к нему с такими словами: «Барин, уйми беса-бабу. Точно чорт какой: житья нет от ней». Хотел он было, скрепя свое сердце, приняться за строгость. Но как быть строгим? Баба приходила такой бабой, так развизгивалась, такая была хворая, больная, таких скверных, гадких наворачивала на себя тряпок; уж откуда она их набирала, бог ее весть. «Ступай, ступай себе только с глаз моих! Бог с тобой!» говорил бедный Тентетников, и вослед за тем видел, как больная, вышед за ворота, схватывалась с соседкой за какую-нибудь репу и так отламывала ей бока, как не сумеет и здоровый мужик. Вздумал он было попробовать какую-то школу между ними завести, но от этого вышла такая чепуха, что он и голову повесил; лучше было и не задумывать. Какая школа! И времени никому не было: мальчик с 10 лет уже был помощником во всех работах и там воспитывался.

В делах судейских и разбирательствах оказались ровно ни к чему все эти юридические тонкости, на которые навели его профессора-философы. И та сторона врет, и другая врет, и чорт их разберет. И видел он, что нужней было тонкостей юридических и философских книг простое познание человека; и видел он, что в нем чего-то недостает, а чего – бог весть. И случилось обстоятельство, так часто случающееся: ни мужик не узнал барина, ни барин мужика; и мужик стал дурной стороной, и барин дурной стороной; и рвение помещика [охладело]. При работах он уже присутствовал без внимания. Шумели ли тихо косы в покосах, метали ль стога, клались ли клади, вблизи ль ладилось сельское дело – его глаза глядели подальше; вдали ль производилась работа – они отыскивали предметы поближе, или смотрели в сторону на какой-нибудь извив [реки], по берегам которой ходил красноносый, красноногий мартын, разумеется – птица, а не человек. Они смотрели любопытно, как [этот мартын], поймав у берега рыбу, держал ее впоперек в носу, как бы раздумывая, глотать или не глотать, – и глядя в то же время пристально вдоль реки, где в отдалении белелся другой мартын, еще не поймавший рыбы, но глядевший пристально на мартына, уже поймавшего рыбу. Или же, зажмурив вовсе глаза и приподняв голову кверху, к пространствам небесным, представлял он обонянью впивать запах полей, а слуху поражаться голосами воздушного певучего населения, когда оно отовсюду, от небес и от земли, соединяется в один звукогласный хор, не переча друг другу. Во ржи бьет перепел, в траве дергает дергун, над <ним> урчат и чиликают перелетающие коноплянки, блеет поднявшийся на воздух барашек, трелит жаворонок, исчезая в свете, и звонами труб отдается турлыкание журавлей, строящих в треугольники свои вереницы в небесах высоко. Откликается вся в звуки превратившаяся окрестность. Творец! как еще прекрасен твой мир в глуши, в деревушке, вдали от подлых больших дорог и городов. Но и это стало ему наскучать. Скоро он и вовсе перестал ходить в поля, засел в комнаты, отказался принимать даже с докладами приказчика. Прежде из соседей завернет к нему бывало отставной гусар-поручик, прокуренный насквозь трубочный куряка, или же резкого направления недоучившийся студент, набравший мудрости из современных брошюр и газет. Но и это стало ему надоедать. Разговоры их начали ему казаться как-то поверхностными, европейски-открытое обращение, с потрепкой по колену, также и низкопоклонства и развязности начали ему казаться уже чересчур прямыми и открытыми. Он решился с ними совсем раззнакомиться и произвел это даже довольно резко. Именно, когда наиприятнейший во всех поверхностных разговорах обо всем представитель уже ныне отходящих полковников-брандеров и с тем вместе передовой начинавшегося нового образа мыслей, Варвар Николаевич Вишнепокромов, приехал к нему затем, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философии, и литературы, и морали, и даже состояния финансов в Англии, – он высрал сказать,

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru что его нет дома, и в то же время имел неосторожность показаться перед окошком. Гость и хозяин встретились взорами. Один, разумеется, проворчал сквозь зубы «скотина!», другой послал ему с досады тоже что-то вроде свиньи. Тем и кончились сношения. С тех пор не заезжал к нему никто. Он этому был ряд и предался обдумыванью большого сочинения о России. Как обдумывалось это сочинение, читатель уж видел. Установился странный, беспорядочный порядок. Нельзя сказать, однако же, чтобы не было минут, в которые как будто пробуждался он ото сна. Когда привозила почта газеты и журналы и попадалось ему в печати знакомое имя прежнего товарища, уже преуспевавшего на видном поприще государственной службы или приносившего посильную дань наукам и делу всемирному, тайная тихая грусть подступала ему под сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездействие свое прорывалась неволью. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. С необыкновенной силой воскресало пред ним школьное минувшее время и представлял вдруг, как живой, Александр Петрович... Градом лились из глаз его слезы [и рыданья продолжались почти весь день].

что значили эти рыданья? Обнаруживала ли ими болеющая душа скорбную тайну своей болезни? что не успел образовать<ся> и окрепнуть начинавший в нем строиться высокий внутренний человек; что, не испытанный измлада в борьбе с неудачами, не достигнул он до высокого состояния возвышаться и крепнуть от преград и препятствий; что, растопившись подобно разогретому металлу, богатый запас великих ощущений не принял последней закалки, и что слишком для него рано умер необыкновенный наставник, и что нет теперь никого во всем свете, кто бы был в силах воздвигнуть шатаемые вечными колебаниями силы и лишенную упругости, немощную волю, кто бы крикнул душе пробуждающим криком это бодрящее слово:

вперед, которого жаждет повсюду на всех ступенях стоящий, всех сословий и званий и промыслов, русской человек.

Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово вперед? кто, зная все силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, одним чародейным мановеньем мог бы устремить нас на высокую жизнь? Какими слезами, какой любовью заплатил бы ему благодарный русской человек. Но веки проходят за веками, позорной ленью и безумной деятельностью незрелого юноши объемлется <...>[2] и не дается богом муж, умеющий произносить его!

Одно обстоятельство чуть было не разбудило его, чуть было не произвело переворота в его характере. Случилось что-то похожее на любовь. Но и тут дело кончилось ничем. В соседстве, в десяти верстах от его деревни, проживал генерал, отзывавшийся, как мы уже видели, не весьма благосклонно о Тентетникове. Генерал жил генералом, хлебосольствовал, любил, чтобы соседи приезжали изъявлять ему почтение, сам визитов не платил, говорил хрипло, читал книги и имел дочь, существо дотоле невиданное, странное. Оно <было> что-то живое, как сама жизнь. Имя ей было Улинька. Воспиталась она как-то странно. Ее учила англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще в детстве. Отцу было некогда. Впрочем, любя дочь до безумия, он мог только избаловать ее. Как в ребенке, возросшем на свободе, в ней было всё своенравно. Если бы кто увидал, как внезапный гнев собирал вдруг строгие морщины на прекрасном челе ее и как она спорила пылко с отцом своим, он бы подумал, что это было капризнейшее создание. Но гнев ее вспыхивал только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурном поступке с кем бы то ни было. Но никогда не гневалась и никогда не споривала она за себя самоё и не оправдывала себя. Гнев этот исчезнул бы в минуту, если бы она увидела в несчастии того самого, на кого гневалась. При первой просьбе о подаении кого бы то ни было, она готова была бросить ему весь свой кошелек, со всем, что в нем ни <было>, не вдаваясь ни в какие рассуждения и расчеты. Было в ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, всё стремилось вослед за мыслью – выражение лица, выражение разговора, движение рук; самые складки платья как бы стремились в ту же сторону и, казалось, как бы она сама вот улетит вослед за собственными словами. Ничего не было в ней утаенного. Ни перед кем не побоялась бы она обнаружить своих мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотелось говорить. Ее очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одна походка была до того бестрепетно-свободна, что всё ей уступало бы неволью дорогу. При ней как-то смущался недобрый человек и немел; самый развязный и бойкий на слова не находил с нею слова и терялся, а застенчивый мог разговариваться с нею, как никогда в жизни своей ни с кем, и с первых минут разговора ему уже казалось, что где-то и когда-то он знал ее и как бы эти самые черты ее ему где-то уже виделись, что случилось это во дни

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
какого-то незапамятного младенчества, в каком-то родном доме, веселым вечером, при радостных играх детской толпы, и надолго после того становился ему скучным разумный возраст человека.

Точно то же случилось с нею и с Тентетниковым. Незъяснимое новое чувство вошло к нему в душу. Скучная жизнь его на мгновение озарилась.

Генерал принимал сначала Тентетникова довольно хорошо и радушно, но сойтись между собою они не могли. Разговоры их оканчивались спором и каким-то неприятным ощущением с обеих сторон, потому что генерал не любил противуречья и возраженья; а Тентетников, с своей стороны, тоже был человек щекотливый. Разумеется, что ради дочери прощалось многое отцу, и мир у них держался, покуда не приехали гостить к генералу родственницы, графиня Болдырева и княжна Юзякина, остальные фрейлины прежнего двора, но удержавшие и донныне кое-какие связи, вследствие чего генерал перед ними немножко подличал. С самого их приезда Тентетникову показалось, что он стал к нему холоднее, не замечал его, или обращался как с лицом бессловесным; говорил ему как-то пренебрежительно:

любезнейший, послушай, братец, и даже ты. Это его, наконец, взорвало. Скрепя сердце и стиснув зубы, он, однако же, имел присутствие духа сказать необыкновенно учтивым и мягким голосом, между тем как пятна выступили на лице его и всё внутри его кипело:

«Я благодарю вас, генерал, за расположение. Словом ты вы меня вызываете на тесную дружбу, обязывая и меня говорить вам ты. Но различие в летах препятствует такому фамильярному между нами обращению». Генерал смутился. Собирая слова и мысли, стал он говорить, хотя несколько несвязно, что слово ты

было им сказано не в том смысле, что старику иной раз позволительно сказать молодому человеку ты (о чине своем он не упомянул ни слова).

Разумеется, с этих пор знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самом начале. Потухнул свет, на минуту было блеснувший, и последовавшие за ним сумерки стали еще сумрачней. Всё поворотило на жизнь, которую читатель видел в начале главы, – на лежанье и бездействие. В доме завелись гадость и беспорядок. Половая щетка оставалась по целому дню посреди комнаты вместе с сором. Панталоны заходили даже в гостиную. На щеголеватом столе перед диваном лежали засаленные подтяжки, точно какое угощенье гостю. И до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашние куры. Взявши перо, бессмысленно чертил он на бумаге по целым часам рогульки, домики, избы, телеги, тройки. Но иногда, всё позабывши, перо чертило само собой, без ведома хозяина, маленькую головку с тонкими чертами, с быстрым пронзительным взглядом и приподнятой прядью волос, и в изумлении видел хозяин, как выходил портрет той, с которой портрета не написал бы никакой знаменитый художник. И еще грустнее ему становилось и, веря тому, что нет на земле счастья, оставался он еще более после того скучным и безответным.

Таково было состояние души Андрея Ивановича Тентетникова в то время, когда, по обыкновению, подсел он к окну глазеть обычным порядком, но, к изумлению своему, не слышал ни Григория, ни Перфильевны; во дворе напротив было некоторое движение и некоторая суета. Поваренок и поломойка бежали отворять ворота. В воротах показались кони, точь-в-точь, как лепят иль рисуют их на триумфальных воротах: морда направо, морда налево, морда посередине. Свыше их, на козлах кучер и лакей, в широком сертуке, опоясавший себя носовым платком. За ними господин в картузе и шинели, закутанный в косынку радужных цветов. Когда экипаж изворотился перед крыльцом, оказалось, что был он не что другое, как рессорная легкая бричка. Господин необыкновенно приличной наружности соскочил на крыльцо с быстротой и ловкостью почти военного человека.

Андрей Иванович струсил. Он принял его за чиновника от правительства. Надобно сказать, что в молодости своей он было замешался в одно неразумное дело. Два философа из гусар, начитавшиеся всяких брошюр, да не докончивший учебного курса эстетик, да промотавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество, под верховным распоряженьем старого плута и масона и тоже карточного игрока, но красноречивейшего человека. Общество было устроено с обширной целью – доставить прочное счастье всему человечеству, он берегов Темзы до Камчатки. Касса денег потребовалась огромная; пожертвованья собирались с великодушных членов

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
неимоверные. Куды это всё пошло, знал об этом только один верховный распорядитель. В общество это затаяли его два приятеля, принадлежавшие к классу огорченных людей, добрые люди, но которые, от частых тостов во имя науки, просвещения и будущих одолжений человечеству, сделались потом формальными пьяницами. Тентетников скоро спохватился и выбыл из этого круга. Но общество успело уже запутаться в каких-то других действиях, даже не совсем приличных дворянину, так что потом завязались дела и с полицией... А потому не мудрено, что, и вышедши и разорвавши всякие сношения с ними, Тентетников не мог, однако же, оставаться покоен. На совести у него было не совсем ловко. Не без страха глядел он и теперь на растворяющуюся дверь.

Страх его, однако же, прошел вдруг, когда гость раскланялся с ловкостью неимоверной, сохраняя почтительное положение головы несколько на бок. В коротких, но определительных словах изъяснил, что уже издавна ездит он по России, побуждаемый и потребностями и любознательностью; что государство наше преизобилует предметами замечательными, не говоря уже об обилии промыслов и разнообразии почв; что он увлекся картинным местоположением его деревни; что, несмотря, однако же, на местоположение, он не дерзнул бы обеспокоить его неуместным заездом своим, если б не случилось, по поводу весенних разлитий и дурных дорог, внезапной изломки в экипаже. Что при всем том, однако же, если бы даже и ничего не случилось в его бричке, он бы не мог отказать себе в удовольствии засвидетельствовать ему лично свое почтение.

Окончив речь, гость с обворожительной приятностью подшаркнул ногой, обутой в щегольской лаковый полусапожек, застегнутый на перламутрные пуговицы, и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнул тут же несколько назад с легкостью резинового мячика.

Успокоившийся Андрей Иванович заключил, что это должен быть какой-нибудь любознательный ученый профессор, который ездит по России, может быть, затем, чтобы собирать какие-нибудь растения или, может быть, предметы ископаемые. Тот же час изъяснил он ему всякую готовность споспешествовать во всем; предложил своих мастеров, колесников и кузнецов; просил расположиться, как в собственном доме; усадил его в большие вольтеровские <кресла> и приготовился слушать его рассказ по части естественных наук.

Гость, однако же, коснулся больше событий внутреннего мира. Уподобил жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вероломными ветрами; упомянул о том, что должен был переменить много должностей, что много потерпел за правду, что даже самая жизнь его была не раз в опасности со стороны врагов, и много еще рассказал он такого, что показывало в нем скорее практического человека. В заключение же речи высморкался он в белый батистовый платок так громко, как Андрей Иванович еще и не слыхивал. Подчас попадаетея в оркестре такая пройдоха-труба, которая когда хватит, то кажется, что крякнуло не в оркестре, но в собственном ухе. Точно такой же звук раздался в пробужденных покоях дремавшего дома, и немедленно вслед за ним воспоследовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловким встряхнутом носового батистового платка.

Читатель, может быть, уже догадался, что гость был не другой кто, как наш почтенный, давно нами оставленный Павел Иванович Чичиков. Он немножко постарел; как видно, не без бурь и тревог было для него это время. Казалось, как бы и самый фрак на нем немножко поизветшал, и бричка, и кучер, и слуга, и лошади, и упряжь как бы поистерлись и поизносились. Казалось бы, как бы и самые финансы даже не были в завидном состоянии. Но выражение лица, приличие, обхождение остались те же. Даже как бы еще приятнее стал он в поступках и оборотах, еще ловче подвертывал под ножку ножку, когда садился в кресла; еще более было мягкости в выговоре речей, осторожной умеренности в словах и выраженьях, более умения держать себя и более такту во всем. Белей и чище снегов были на нем воротнички и манишка, и, несмотря на то, что был он с дороги, ни пушинки не село к нему на фрак, – хоть приглашай сей же час его на именинный обед. Щеки и подбородок выбриты были так, что один слепой мог не полюбоваться приятной выпуклостью круглоты их.

В доме тот же час произошло преобразование. Половина его, дотоле пребывавшая в слепоте, с заколоченными ставнями, вдруг прозрела и озарилась. Всё начало размещаться в осветившихся комнатах, и скоро всё приняло такой вид: комната, определенная быть спальней, вместила в себе вещи, необходимые для ночного туалета; комната, определенная быть кабинетом... Но прежде необходимо знать, что в

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru этой комнате было три стола: один письменный – перед диваном, другой ломберный – между окнами перед зеркалом, третий угольный – в углу, между дверью в спальню и дверью в необитаемый зал с инвалидной мебелью, служивший теперь передней, в который дотоле с год не заходил никто. На этом угольном столе поместилось вынутое из чемодана платье, а именно: панталоны под фрак, панталоны новые, панталоны серенькие, два бархатных жилета и два атласных, сертук. Всё это разместилось один на другом пирамидкой и прикрылось сверху носовым шелковым платком. В другом углу, между дверью и окном, выстроились рядком сапоги: одни не совсем новые, другие совсем новые, лакированные полусапожки и спальные. Они также стыдливо занавесились шелковым носовым платком, – так, как бы их там вовсе не было. На письменном столе тотчас же в большом порядке разместились: шкатулка, банка с одеколоном, календарь и два какие-то романа, оба вторые тома. Чистое белье поместилось в комод, уже находившемся в спальне; белье же, которое следовало прачке, завязано было в узел и подсунуто под кровать. Чемодан, по опростаньи его, был тоже подсунут под кровать. Сабля, ездившая по дорогам для внушения страха вора, поместилась повиснувши тоже в спальне на гвозде, недалеко от кровати. Всё приняло вид чистоты и опрятности необыкновенной. Нигде ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздух как-то облагородился: утвердился приятный запах здорового, свежего мужчины, который белья не занашивает, в баню ходит и вытирает себя мокрой губкой по воскресным дням. В переднем зале покушался было утвердиться на время запах служителя Петрушки. Но Петрушка скоро перемещен был на кухню, как оно и следовало.

В первые дни Андрей Иванович опасался за свою независимость, чтобы как-нибудь гость не связал его, не стеснил какими-нибудь изменениями в образе жизни и не разрушился бы порядок дня его, так удачно заведенный, – но опасения были напрасны. Павел Иванович наш показал необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрил философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обещает столетнюю жизнь. Об уединении выразился весьма счастливо, именно, что оно питает великие мысли в человеке. Взглянув на библиотеку и отозвавшись с похвалой о книгах вообще, заметил, что они спасают от праздности человека. Выронил слов немного, но с весом. В поступках же своих показался он также еще более кстати. Во-время являлся, во-время уходил; не затруднял хозяина запросами в часы неразговорчивости его; с удовольствием играл с ним в шахматы, с удовольствием молчал. В то время, когда один пускал кудреватые облаками трубочный дым, другой, не куря трубки, придумывал, однако же, соответствовавшее тому занятию: вынимал, например, из кармана серебряную с чернью табакерку и, утвердив ее между двух пальцев левой руки, оборачивал ее быстро пальцем правой, в подобье того, как земная сфера обращается около своей оси, или же так по ней барабанил пальцем, в присвистку. Словом, не мешал хозяину. «Я в первый раз вижу человека, с которым можно жить», говорил про себя Тентетников: «Вообще этого искусства у нас мало. Между нами есть довольно людей и умных, и образованных, и добрых, но людей постоянно-ровного характера, людей, с которыми можно бы прожить век и не поссориться, – я не знаю, много ли у нас можно отыскать таких людей. Вот первый человек, которого я вижу». Так отзывался Тентетников о своем госте.

Чичиков, с своей стороны, был очень рад, что поселился на время у такого мирного и смиренного хозяина. Цыганская жизнь ему надоела. Приотдохнуть, хотя на месяц, в прекрасной деревне, в виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и в геморoidalном отношении. Трудно было найти лучший уголок для отдохновения. Весна, долго задерживаемая холодами, вдруг началась во всей красе своей, и жизнь заиграла повсюду. Уже голубели пролески, и по свежему изумруду первой зелени желтел одуванчик; лилово-розовый анемон наклонил нежную головку. Рои мошек и кучи насекомых показались на болотах; за ними в догон бегал уж водяной паук; а за ними всякая птица в сухие тростники собралась отвсюду. И всё собиралось поближе см-отреть> друг друга. Вдруг населилась земля, проснулись леса, луга. В деревне пошли хороводы. Гулянью был простор. Что яркости в зелени! что свежести в воздухе! что птичьего крику в садах! Рай, радость и ликование всего! Деревня звучала и пела, как бы на свадьбе. Чичиков ходил много. Прогулкам и гуляньям был раздолье повсюду. То направлял прогулку свою по плоской вершине возвышений, в виду расстилавшихся внизу долин, по которым повсюду оставались еще большие озера от водополия, и островами на них темнели еще безлистные леса; или же вступал в гущи, в лесные овраги, где столплялись густо деревья, отягченные птичьими гнездами <1 нрзб.>, – каркающих воронов, перекрестными летаньями помрачавших небо. По просохнувшей земле можно было отправляться к пристани, откуда с горохом, ячменем и пшеницей отчаливали первые суда, между тем, в то же время с оглушительным шумом неслась повергаться вода на колеса начинавшей работать

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru мельницы. Ходил <он> наблюдать первые весенние работы, глядеть, как свежая орань черной полосой проходила по зелени, и засеиватель, постукивая рукою о сито, висевшее у него на груди, горстью разбрасывал семена ровно, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону. Чичиков везде побывал. Перетолковал и <пере>говорил и с приказчиком, и с мужиком, и мельником. Узнал всё, обо всем, и что и как, и каким образом хозяйство идет, и думал внутренно: «Какая, однако же, скотина Тентетников! Такое имение и этак запустить. Можно бы иметь пятьдесят тысяч годового доходу!»

Не раз, посреди таких прогулок, приходило ему на мысль сделаться когда-нибудь самому, т. е., разумеется, не теперь, но после, когда обделается главное дело и будут средства в руках, – сделаться самому мирным владельцем подобного поместья. Тут, разумеется, сейчас представлялась ему даже и молодая, свежая, белолицая бабенка, из купеческого или другого богатого сословия, которая бы даже знала и музыку. Представлялось ему и молодое поколение, долженствовавшее увековечить фамилию Чичиковых: резвунчик мальчишка и красавица дочка, или даже два мальчугана, две и даже три девчонки, чтобы было всем известно, что он действительно жил и существовал, а не то, что прошел какой-нибудь тенью или призраком по земле, – чтобы не было стыдно и перед отечеством. Тогда ему начинало представляться даже и то, что недурно бы и к чину некоторое прибавление: статский советник, например, чин почтенный и уважительный... Мало ли чего не приходит в ум во время прогулок человеку, что так часто уносит человека от скучной настоящей минуты, теребит, дразнит, шевелит воображение и бывает ему любо даже тогда, когда уверен он сам, что это никогда не сбудется.

Людям Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они так же, как и он, обжились в ней. Петрушка сошелся очень скоро с буфетчиком Григорием, хотя сначала они оба важничали и дулись друг перед другом нестерпимо. Петрушка пустил Григорию пыль в глаза своею бывалостью в разных местах; Григорий же осадил его сразу Петербургом, в котором Петрушка не был. Последний хотел было подняться и выехать на дальности расстояний тех мест, в которых он бывал, но Григорий назвал ему такое место, какого ни на какой карте нельзя было отыскать, и насчитал тридцать тысяч с лишком верст, так что служитель Павла Ивановича совсем осовел, разинул рот и был поднят на смех тут же всею дворней. Дело, однако ж, кончилось между ними самой тесной дружбой. В конце деревни Лысый Пимен, дядя всех крестьян, держал кабак, которому имя было Акулька. В этом заведении видели их все часы дня. Там стали они свои друзья, или то, что называют в народе: кабацкие завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревне, что ни вечер, пелись песни, заплетались и расплетались весенние хороводы. Породистые стройные девки, каких уже трудно теперь найти в больших деревнях, заставляли его по нескольким часам стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: все белогрудые, белошейные, у всех глаза репой, у всех глаза с поволокой, походка павлином и коса до пояса. Когда, взявшись обеими руками за белые руки, медленно двигался он с ними в хороводе, или же выходил на них стеной, в ряду других парней, и, выходя также стеной навстречу им, громко выпевали усмехаясь горластые девки: «Бояре, покажите жениха!» и тихо померкала вокруг окольность, и раздававшийся далеко за рекой возвращался грустным назад отголосок напева, – не знал он и сам тогда, что с ним делалось. Во сне и наяву, утром и в сумерки, всё мерещилось ему потом, что в обеих руках его белые руки, и движется он в хороводе.

Коням Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и Заседатель, и самый чубарый нашли пребыванье у Тентетникова совсем не скучным, овес отличным, а расположенье конюшен необыкновенно удобным: у всякого стойло, хотя и отгороженное, но через перегородки можно было видеть и других лошадей; так что, если бы пришла кому-нибудь из них, даже самому дальнему, блажь вдруг заржать, можно было ему ответить тем же тот же час.

Словом, все обжились, как дома. Что же касается до той надобности, ради которой Павел Иванович объезжал пространную Россию, то есть до мертвых душ, то насчет этого предмета он сделался очень осторожен и деликатен, если бы даже пришлось вести дело с дураками круглыми. Но Тентетников, как бы то ни было, читает книги, философствует, старается изъяснить себе всякие причины всего: зачем и почему? «Нет, лучше поискать, нельзя ли с другого конца». Так думал он. Раздобаривая почасту с дворовыми людями, он, между прочим, от них разведал, что барин ездил прежде довольно нередко к соседу генералу, что у генерала барышня, что барин было к барышне, да и барышня тоже к барину... но потом вдруг за что-то не поладили

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru и разошлись. Он заметил и сам, что Андрей Иванович карандашом и пером всё рисовал какие-то головки, одна на другую похожие. Один раз, после обеда, обращая по обыкновению пальцем серебряную табакерку вокруг ее оси, сказал он так: «У вас всё есть, Андрей Иванович, одного только не достает».

«Чего?» спросил тот, выпуская кудреватый дым.

«Подруги жизни», сказал Чичиков.

Ничего не сказал Андрей Иванович. Тем разговор и кончился.

Чичиков не смутился, выбрал другое время, уже перед ужином, и, разговаривая о том и о сем, сказал вдруг: «А право, Андрей Иванович, вам бы очень не мешало жениться».

Хоть бы слово сказал на это Тентетников, точно как бы и самая речь об этом была ему неприятна.

Чичиков не смутился. В третий раз выбрал он время уже после ужина и сказал так: «А все-таки, как ни переверочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вам жениться: впадете в ипохондрию».

Слова ли Чичикова были на этот раз так убедительны, или же расположение духа в этот день у него [было] особенно настроено к откровенности, он вздохнул, сказал, пустивши кверху трубочный дым: «На всё нужно родиться счастливецом, Павел Иванович», и рассказал всё, как было, всю историю знакомства с генералом и разрыва.

Когда услышал Чичиков, от слова до слова, всё дело и увидел, что из-за одного слова ты произошла такая история, он оторопел. С минуту смотрел пристально в глаза Тентетникову, не зная, как решить об нем: дурак ли он круглый, или только придурковат, и наконец:

«Андрей Иванович! помилуйте», сказал он, взявши его за обе руки: «какое ж оскорбление? что ж тут оскорбительного в слове ты?»

«В самом слове нет ничего оскорбительного», сказал Тентетников: «не в смысле слова, но в голосе, с которым сказано оно, заключается оскорбление. Ты! – это значит: «Помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нет никого лучше; а приехала какая-нибудь княжна Юзякина – ты знай свое место, стой у порога». Вот что это значит». Говоря это, смиренный и кроткий Андрей Иванович засверкал глазами, в голосе его послышалось раздражение оскорбленного чувства.

«Да хоть бы даже и в этом смысле, что ж тут такого?» сказал Чичиков.

«Как? Вы хотите, чтобы <я> продолжал бывать у него после такого поступка!»

«Да какой же это поступок! Это даже не поступок!» сказал хладнокровно Чичиков.

«Как не поступок?» спросил в изумлении Тентетников.

«Это генеральская привычка, а не поступок: они всем говорят

ты. Да впрочем, почему ж этого и не позволить заслуженному, почтенному человеку?..»

«Это другое дело», сказал Тентетников. «Если бы он был старик, бедняк, не горд, не чванлив, не генерал, я бы тогда позволил ему говорить мне ты и принял бы даже почтительно».

«Он совсем дурак», подумал про себя Чичиков: «оборвышу позволить, а генералу не позволить!» – «Хорошо!» сказал он вслух: «положим, он вас оскорбил, зато вы и поквитались с ним: он вам, и вы ему. Ссориться, оставляя личное, собственное, – это, извините... Если уже избрана цель, уж нужно идти напролом. Что глядеть на то, что человек плюется! Человек всегда плюется: он так уж создан. Да вы не отыщете теперь во всем свете такого, который бы не плевался».

«Странный человек этот Чичиков!» думал про себя в недоумении Тентетников,

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru совершенно озадаченный такими словами.

«Какой, однако же, чудак этот Тентетников!» думал, между тем, Чичиков.

«Андрей Иванович! я буду с вами говорить как брат с братом. Вы человек неопытный – позвольте мне обделать <это дело>. Я съезжу к его превосходительству и объясню, что случилось это с вашей стороны по недоразумению, по молодости и незнанию людей и света».

«Подличать перед ним я не намерен», сказал, оскорбившись, Тентетников: «да и вас не могу на это уполномочить».

«Подличать я не способен», сказал, оскорбившись, Чичиков. «Провиниться в другом проступке, по человечеству, могу, но в подлости – никогда... Извините, Андрей Иванович, за мое доброе желанье, я не ожидал, чтобы слова <мои> принимали вы в таком обидном смысле». Всё это было сказано с чувством достоинства.

«Я виноват, простите», сказал торопливо тронутый Тентетников, схватив его за обе руки. «Я не думал вас оскорбить. Клянусь, ваше доброе участие мне дорого. Но оставим этот разговор. Не будем больше никогда об этом говорить».

«В таком случае, я так поеду к генералу».

«Зачем?» спросил Тентетников, смотря в недоумении ему в глаза.

«Засвидетельствовать почтение».

«Странный человек этот Чичиков!» подумал Тентетников.

«Странный человек этот Тентетников!» подумал Чичиков.

«Я завтра же, Андрей Иванович, около десяти часов утра к нему и поеду. По-моему, чем скорей засвидетельствовать почтение человеку, тем лучше. Так как бричка моя еще не пришла в надлежащее <состояние>, то позвольте взять у вас коляску.

«Помилуйте, что за просьба? Вы – полный господин: и экипаж, и всё в вашем расположении».

После такого разговора они простились и разошлись спать, не без рассуждения о странностях друг друга.

Чудная, однако же, вещь: на другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочил он в коляску с легкостью почти военного человека, одетый в новый фрак, белый галстук и жилет, и покатился свидетельствовать почтение генералу, Тентетников пришел в такое волнение духа, какого давно не испытывал. Весь этот ржавый и дремлющий ход его мыслей превратился в деятельно-беспокойный. Возмущенье нервическое обуяло вдруг всеми чувствами доселе погруженного в беспечную лень байбака. То садился он на диван, то подходил к окну, то принимался за книгу, то хотел мыслить. Безуспешное хотенье! Мысль не лезла к нему в голову. То старался ни о чем не мыслить – безуспешное старание! Отрывки чего-то похожего на мысли, концы и хвостики мыслей лезли и отовсюду наклеивались к нему в голову. «Странное состоянье!» сказал он и придвинулся к окну глядеть на дорогу, прорезавшую дуброву, в конце которой еще курилась не успевшая улечься пыль. Но, оставив Тентетникова, последуем за Чичиковым.

Глава II

Добрые кони в полчаса с небольшим пронесли Чичикова чрез десятиверстное пространство: сначала дубровою, потом хлебами, начинавшими зеленеть посреди свежей орани, потом горной окраиной, с которой поминутно открывались виды на отдаленья; потом широкою аллею лип, едва начинавших[3] развиваться его в самую середину деревни. Тут аллея лип своротила направо и, превратясь в улицу овальных <?> <1 нрзб.> тополей, огороженных снизу плетеными коробками, уперлась в чугунные сквозные ворота, сквозь которые глядел кудряво богатый резной фронтон генеральского дома, опиравшийся на восемь коринфских колонн. Повсюду несло масляной краской, всё обновлявшей и ничему не дававшей состариться. Двор чистотой подобен был паркету. С почтеньем Чичиков соскочил, приказал о себе доложить генералу и был введен к нему прямо в кабинет. Генерал поразил его

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru величественной наружностью. Он был в атласном стеганом халате великолепного пурпура. Открытый взгляд, лицо мужественное, усы и большие бакенбарды с проседью, стрижка на затылке низкая, под гребенку, шея сзади толстая, называемая в три этажа, или в три складки, с трещиной поперек; словом, это был один из тех картинных генералов, которыми так богат был знаменитый 12-й год. Генерал Бетрищев, как и многие из нас, заключал в себе при куче достоинств и кучу недостатков. То и другое, как водится в русском человеке, было набросано у него в каком-то картинном беспорядке. В решительные минуты – великодушье, храбрость, безграничная щедрость, ум во всем и, в примесь к этому, капризы, честолюбье, самолюбие и те мелкие личности, без которых не обходится ни один русский, когда он сидит без дела. Он не любил всех, которые ушли вперед его по службе, и выражался о них едко, в колких эпиграммах. Всего больше доставалось его прежнему сотоварищу, которого считал он ниже себя и умом, и способностями, и который, однако же, обогнал его и был уже генерал-губернатором двух губерний, и, как нарочно, тех, в которых находились его поместья, так что он очутился как бы в зависимости от него. В отместку язвил он его при всяком случае, порочил всякое распоряжение и видел во всех мерах и действиях его верх неразумия. В нем было всё как-то странно, начиная с просвещения, которого он был поборник и ревнитель; любил блеснуть и любил также знать то, чего другие не знают, и не любил тех людей, которые знают что-нибудь такое, чего он не знает. Словом, он любил немного похвастать умом. Воспитанный полуиностранным воспитаньем, он хотел сыграть в то же время роль русского барина. И не мудрено, что с такой неровностью в характере и такими крупными, яркими противоположностями, он должен был неминуемо встретить множество неприятностей по службе, вследствие которых и вышел в отставку, обвиняя во всем какую-то враждебную партию и не имея великодушия обвинить в чем-либо себя самого. В отставке сохранил он ту же картинную, величавую осанку. В сертуке ли, во фраке ли, в халате – он был всё тот же. От голоса до малейшего телодвиженья, в нем всё было властительное, повелевающее, внушавшее в низших чинах если не уважение, то, по крайней мере, робость.

Чичиков почувствовал то и другое: и уважение, и робость. Наклоня почтительно голову набок и расставив руки на отлет, как бы готовился приподнять ими поднос с чашками, он изумительно ловко нагнулся всем корпусом и сказал: «Счел долгом представиться вашему превосходительству. Питая уважение к доблестям мужей, спасавших отечество на бранном поле, счел долгом представиться лично вашему превосходительству».

Генералу, как видно, не понравился такой приступ. Сделавши весьма благосклонное движение головою, он сказал: «Весьма рад познакомиться. Милости просим садиться. Вы где служили?»

«Поприще службы моей», сказал Чичиков, садясь в кресла не посередине, но наискось, и ухватившись рукою за ручку кресел: «началось в казенной палате, ваше превосходительство. Дальнейшее же течение оной совершал по разным местам: был и в надворном суде, и в комиссии построения, и в таможне. Жизнь мою можно уподобить как бы судну среди волн, ваше превосходительство. Терпеньем спеленат и можно сказать, повит, будучи, так сказать, сам одно олицетворенное терпенье. А что было от врагов, покушавшихся на самую жизнь, так это ни слова, ни краски, ни самая, так сказать, кисть не сумеет передать, так что на склоне жизни своей ишу только уголка, где бы провести остаток дней. Приостановился же покуда у близкого соседа вашего превосходительства...»

«У кого это?»

«У Тентетникова, ваше превосходительство».

Генерал поморщился.

«Он, ваше превосходительство, весьма раскаивается в том, что не оказал должного уваженья...»

«К чему?»

«К заслугам вашего превосходительства. Не находит слов. Говорит: «Если бы я только мог чему-нибудь... потому что точно», говорит, «умею ценить мужей, спасавших отечество», говорит».

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
«Помилуйте, что ж он? Да ведь я не сержусь!» сказал смягчившийся генерал. «В душе моей я искренно полюбил его и уверен, что современем он будет преполезный человек».

«Совершенно справедливо изволили выразить, ваше превосходительство: истинно преполезный человек; может побеждать даром слова и владеет пером».

«Но пишет, я чай, пустяки, какие-нибудь стишки?»

«Нет, ваше превосходительство, не пустяки... Он что-то дельное пишет... историю, ваше превосходительство».

«Историю? о чем историю?»

«Историю...» тут Чичиков остановился, и оттого ли, что перед ним сидел генерал, или, просто, чтобы придать более важности предмету, прибавил: «историю о генералах, ваше превосходительство».

«Как о генералах? о каких генералах?»

«Вообще о генералах, ваше превосходительство, в общности. То есть, говоря собственно, об отечественных генералах».

Чичиков совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнул сам и мысленно сказал в себе: «Господи, что за вздор такой несу!»

«Извините, я не очень понимаю.. Что ж это выходит, историю какого-нибудь времени, или отдельные биографии? и притом всех ли, или только участвовавших в 12-м году?»

«Точно так, ваше превосходительство, участвовавших в 12-м году». Проговоривши это, он подумал в себе: «Хоть убей, не понимаю».

«Так что ж он ко мне не приедет? Я бы мог собрать ему весьма много любопытных материалов».

«Робеет, ваше превосходительство».

«Какой вздор! Из какого-нибудь пустого слова. Что между нами произошло? Да я совсем не такой человек. Я, пожалуй, к нему сам готов приехать».

«Он к тому не допустит, он сам приедет», сказал Чичиков, оправился и совершенно ободрился и подумал он в себе: «Экая оказия, как генералы прились к стати, а ведь язык взболтнул сдуру».

В кабинете послышался шорох. Ореховая дверь резного шкафа отворилась сама собою и на отворившейся обратной половине ее, ухватившись рукой за медную ручку замка, явилась живая фигурка. Если бы в темной комнате вдруг вспыхнула прозрачная картина, освещенная сильно сзади лампами, одна она бы так не поразила внезапностью своего явления, как фигурка эта, представшая как бы затем, чтобы осветить комнату. С нею вместе, казалось, влетел солнечный луч, как будто рассмеялся нахмурившийся кабинет генерала. Чичиков в первую минуту не мог дать себе отчета, что такое именно пред ним стояло. Трудно было сказать, какой земли она была уроженка. Такого чистого, благородного очертания лица нельзя было отыскать нигде, кроме разве только на одних древних камейках. Прямая и легкая, как стрелка, она как бы возвышалась над всеми своим ростом. Но это было обольщение. Она была вовсе не высокого роста. Происходило это <от> необыкновенно согласного соотношения между собою всех частей тела. Платье сидело на ней так, что, казалось, лучшие швеи совещались между собой, как бы получше убраться ее. Но это было также обольщение. Оделась как сама собой; в двух-трех местах схватила игла кое-как неизрезанный кусок одноцветной ткани, и он уже собрался и расположился вокруг нее в таких сборах и складках, что если бы перенести их вместе с нею на картину, все барышни, одетые по моде, казались бы перед ней какими-то пеструшками, изделием лоскутного ряда. И если бы перенести ее со всеми этими складками ее обольнувшего платья на мрамор, назвали бы его копию гениальных.

«Рекомендую вам мою баловницу!» сказал генерал, обратясь к Чичикову. «Однако ж,

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru фамилии вашей, имени и отчества до сих пор не знаю».

«Должно ли быть известно имя и отчество человека, не ознаменовавшего себя доблестями?» сказал скромно Чичиков, наклонивши голову набок.

«Всё же, однако ж, нужно знать...»

«Павел Иванович, ваше превосходительство», сказал Чичиков, поклонившись с ловкостью почти военного человека и отпрыгнувши назад с легкостью резинового мячика.

«Улинька!» сказал генерал, обратясь к дочери: «Павел Иванович сейчас сказал преинтересную новость. Сосед наш Тентетников совсем не такой глупый человек, как мы полагали. Он занимается довольно важным делом: историей генералов двенадцатого года».

«Да кто же думал, что он глупый человек?» проговорила она быстро. «Разве один только Вишнепокромов, которому ты веришь, который и пустой, и низкой человек».

«Зачем же низкой? Он пустоват, это правда», сказал генерал.

«Он подловат и гадковат, не только что пустоват. Кто так обидел своих братьев и выгнал из дому родную сестру, тот гадкой человек».

«Да ведь это рассказывают только».

«Таких вещей рассказывать не будут напрасно. Я не понимаю, отец, как с добрейшей душой, какая у тебя, и таким редким сердцем ты будешь принимать человека, который как небо от земли от тебя, о котором сам знаешь, что он дурен».

«Вот этак, вы видите», сказал генерал, усмехаясь, Чичикову: «вот этак мы всегда с ней спорим». И, оборотясь к спорящей, продолжал:

«Душа моя! ведь мне ж не прогнать его?»

«Зачем прогонять? Но зачем показывать ему такое внимание, зачем и любить?»

Здесь Чичиков почел долгом вернуть и от себя словцо.

«Все требуют к себе любви, сударыня», сказал Чичиков. «Что ж делать. И скотинка любит, чтобы ее погладили. Сквозь хлев просунет для этого морду: на, погладь».

Генерал рассмеялся. «Именно просунет морду: погладь, погладь его. Ха, ха, ха! У него не только что рыло, весь, весь до жил в саже, а ведь тоже требует, как говорится, поощренья... Ха, ха, ха, ха!» И туловище генерала стало колебаться от смеха. Плечи, носившие некогда густые эполеты, тряслись, точно как бы носили и поныне густые эполеты.

Чичиков разрешился тоже междометием смеха, но, из уважения к генералу, пустил его на букву э: хе, хе, хе, хе, хе! И туловище его так же стало колебаться от смеха, хотя плечи и не тряслись, потому что не носили густых эполет.

«Обокрадет, обворует казну, да еще и, каналья, наград просит. Нельзя, говорит, без поощрения, трудился... Ха, ха, ха, ха!»

Болезненное чувство выразилось на благородном, милом лице девушки. «Ах, папа, я не понимаю, как ты можешь смеяться. На меня эти бесчестные поступки наводят уныние и ничего более. Когда я вижу, что в глазах совершается обман в виду всех и не наказываются эти люди всеобщим презреньем, я не знаю, что со мной делается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю...» И чуть сама не заплакала.

«Только, пожалуйста, не гневайся на нас», сказал генерал. «Мы тут ни в чем не виноваты. Не правда ли?» сказал он, обратясь к Чичикову. «Поцелуй меня и уходи к себе. Я сейчас стану одеваться к обеду. Ведь ты», сказал он, посмотрев Чичикову в глаза: «надеюсь, обедаешь у меня?»

«Если только, ваше превосходительство...»

«Без чинов, что тут? Я ведь еще, слава богу, могу накормить. Щи есть».

Бросив ловко обе руки на отлет, Чичиков признательно и почтительно наклонил голову книзу, так что на время скрылись из его взоров все предметы в комнате, и остались видны ему только одни носки своих собственных полусапожек. Когда же, пробыв несколько времени в таком почтительном расположении, приподнял он голову снова кверху, он уже не увидел Улиньки. Она исчезнула. На место ее предстал, в густых усах и бакенбардах, великан-камердинер, с серебряной лоханкой и рукомыльником в руках.

«Ты мне позволишь одеваться при себе?»

«Не только одеваться, но можете совершить при мне всё, что угодно вашему превосходительству».

Опустя с одной руки халат и засуча рукава рубашки на богатырских руках, генерал стал умываться, брызгаясь и фыркая как утка. Вода с мылом летела во все стороны.

«Любят, любят, точно любят поощрение все», сказал он, вытирая со всех сторон свою шею. «Погладь, погладь его! а ведь без поощрения так и красть не станет. Ха, ха, ха».

Чичиков был в духе неопisanном. Вдруг налетело на него вдохновенье. «Генерал весельчак и добряк – попробовать?» подумал и, увидя, что камердинер с лоханкой вышел, вскрикнул: «Ваше превосходительство! так как вы уже так добры ко всем и внимательны, имею к вам крайнюю просьбу».

«Какую?»

Чичиков осмотрелся вокруг.

«Есть, ваше превосходительство, дряхлый старичишка дядя. У него триста душ и две тысячи... и, кроме меня, наследников никого. Сам управлять именем, по дряхлости, не может, а мне не передает тоже. И какой странный приводит резон: «Я», говорит, «племянника не знаю; может быть, он мот. Пусть он докажет мне, что он надежный человек, пусть приобретет прежде сам собой триста душ; тогда я ему отдам и свои триста душ».

«Да что же [он], выходит, совсем дурак?» спросил <генерал>.

«Дурак бы еще пусть, это при нем бы и оставалось. Но положение-то мое, ваше превосходительство. У старикашки завелась какая-то ключница, а у ключницы дети. Того и смотри, всё перейдет им».

«Выжил глупый старик из ума и больше ничего», сказал генерал. «Только я не вижу, чем тут я могу пособить», говорил он, смотря с изумлением на Чичикова.

«Я придумал вот что. Если вы всех мертвых душ вашей деревни, ваше превосходительство, передадите мне в таком виде, как бы они были живые, с совершеньем купчей крепости, я бы тогда эту крепость представил старику, и он наследство бы мне отдал».

Тут генерал разразился таким смехом, каким вряд ли когда смеялся человек. Как был, так и повалился он в кресла. Голову забросил назад и чуть не захлебнулся. Весь дом встревожился. Предстал камердинер. Дочь прибежала в испуге.

«Отец, что с тобой случилось?» говорила она в страхе, с недоумением смотря ему в глаза.

Но генерал долго не мог издать никакого звука.

«Ничего, друг мой, ничего <?>. Ступай к себе; мы сейчас явимся обедать. Будь спокойна. Ха, ха, ха!»

И, несколько раз задохнувшись, вырывался с новою силою генеральский хохот, раздаваясь от передней до последней комнаты.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Чичиков был в беспокойстве.

«Дядя-то, дядя! в каких дураках будет старик. Ха, ха, ха! Мертвецов вместо живых получит. Ха, ха!»

«Эк его, щекотливый какой и <1 нрзб.>».

«Ха, ха!» продолжал генерал. «Экой осел. Ведь придет же в ум требование: «пусть прежде сам собой из ничего достанет триста душ, так тогда дам ему триста душ». Ведь он осел».

«Осел, ваше превосходительство».

«Ну, да и твоя-то штука попотчевать старика мертвыми. Ха, ха, ха! Я бы бог знает <что дал>, чтобы посмотреть, как ты ему поднесешь на них купчую крепость. Ну, что он? Каков он из себя? Очень стар?»

«Лет восемьдесят».

«Однако же и движется, бодр? Ведь он должен же быть и крепок, потому что при нем ведь живет и ключница?»

«Какая крепость! Песок сыплется, ваше превосходительство!»

«Экой дурак! Ведь он дурак?»

«Дурак, ваше превосходительство. Ведь это сумасшедший совсем».

«Однако ж, выезжает, бывает в обществах, держится еще на ногах?»

«Держится, но с трудом».

«Экой дурак! Но крепок однако ж? Есть еще зубы?»

«Два зуба всего, ваше превосходительство».

«Экой осел! Ты, братец, не сердись... Хоть он тебе и дядя, а ведь он осел».

«Осел, ваше превосходительство. Хоть и родственник и тяжело сознаваться в этом, но что ж делать?»

Врал Чичиков: ему вовсе не тяжело было сознаться, тем более, что вряд ли у него был вовек какой дядя.

«Так, ваше превосходительство, отпустите мне...»

«Чтобы отдать тебе мертвых душ? Да за такую выдумку я их тебе с землей, с жильем! Возьми себе всё кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старик-то, старик! Ха, ха, ха, ха! В каких дураках будет дядя! Ха, ха, ха, ха?...»

И генеральский смех пошел отдаваться вновь по генеральским покоем.

Глава III

«Если полковник Кошкарев точно сумасшедший, то это недурно», говорил Чичиков, очутившись опять посреди открытых полей и пространств, когда всё исчезло и только остался один небесный свод, да два облака в стороне.

«Ты, Селифан, расспросил ли хорошенько, как дорога к полковнику Кошкареву?»

«Я, Павел Иванович, изволите видеть, так как всё хлопотал около коляски, так мне некогда было; а Петрушка расспрашивал у кучера».

«Вот и дурак! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка – бревно; Петрушка глуп; Петрушка, чай, и теперь пьян».

«Ведь тут не мудрость какая!» сказал Петрушка, полуоборотясь, глядя искоса. «Окромe того, что, спустясь с горы, взять лугом, ничего больше и нет».

«А ты, кроме сивухи, ничего и в рот не брал? Хорош, очень хорош! Уж вот, можно сказать, удивил красотой Европу!» Сказав это, Чичиков погладил свой подбородок и подумал: «Какая, однако ж, разница между просвещенным гражданином и грубой лакейской физиогномией».

Коляска стала между тем спускаться. Открылись опять луга и пространства, усеянные осиновыми рощами.

Тихо вздрагивая на упругих пружинах, продолжал бережно [спускаться] незаметным косогором покойный экипаж и, наконец, понесся лугами, мимо мельниц, с легким громом по мостам, с небольшой покачкой по тряскому мякишу низменной земли. И хоть бы один бугорок или кочка дали себя почувствовать бокам. Утешенье, а <не> коляска. Вдали мелькали пески. Быстро пролетали мимо их кусты лоз, тонких ольх и серебристых тополей, ударяя ветвями сидевших на козлах Селифана и Петрушку. С последнего ежеминутно сбрасывали они картуз. Суровый служитель соскакивал с козел, бранил глупое дерево и хозяина, который насадил его, но привязать картуза или даже придержать рукою всё не хотел, надеясь, что в последний раз и дальше не случится. К деревьям же скоро присоединилась береза, там ель. У корней гущина; трава – синяя ирь и желтый лесной тюльпан. Лес затемнел и готовился превратиться в ночь. Но вдруг отовсюду сверкнули проблески света, как бы сияющие зеркала. Деревья заредели, блески становились больше и вот перед ними озеро. Водная равнина версты четыре в поперечнике. На супротивном берегу, над озером, высипалась серыми бревенчатыми избами деревня. Крики раздавались в воде. Человек 20, по пояс, по плеча и по горло в воде, тянули к супротивному берегу невод. Случилась оказия. Вместе с рыбою запутался как-то круглый человек, такой же меры в вышину, как и в толщину, точный арбуз или боченок. Он был в отчаянном положении и кричал во всю глотку: «Телепень Денис, передавай Козьме. Козьма, бери конец у Дениса. Не напирай так, Фома Большой. Ступай туды, где Фома Меньшой. Черти, говорю вам, оборвете сети!» Арбуз, как видно, боялся не за себя: потонуть, по причине толщины, он не мог, и, как бы ни кувырчался, желая нырнуть, вода бы его всё выносила наверх; и если бы село к нему на спину еще двое, он бы, как упрямый пузырь, остался с ними на верхушке воды, слегка только под ними покряхтывая да пуская носом волдыри[4] но он боялся крепко, чтобы не оборвался невод и не ушла рыба, и потому, сверх прочего, тащили его еще накинутыми веревками несколько человек, стоявших на берегу.

«Должен быть барин, полковник Кошкарев», сказал Селифан.

«Почему?»

«Оттого, что тело у него, изволите видеть, побелей, чем у других, и дородство почтительное, как у барина».

Барина, запутанного в сети, притянули между тем уже значительно к берегу. Почувствовав, что может достать ногами, он стал на ноги, и в это время увидел спускающуюся с плотины коляску и в ней сидящего Чичикова.

«Обедали?» закричал барин, подходя с пойманною рыбою на берег, весь опутанный в сеть, как в летнее время дамская ручка в сквозную перчатку, держа одну руку над глазами козырьком в защиту от солнца, другую же пониже, на манер Венеры Медицейской, выходящей из бани.

«Нет», сказал Чичиков, приподымая картуз и продолжая раскланиваться с коляски.

«Ну так благодарите же бога. Фома Меньшой, покажи осетра. Брось ты, телепень Тришка, сеть», громко кричал <барин>, «да помоги припод<нять> осетра из лоханки. Телепень Козьма, ступай помоги!»

Двое рыбаков приподняли из лоханки голову какого-то чудовища. «Вона какой князь! из реки зашел», кричал круглый барин.

«Поезжайте во двор. Кучер, возьми дорогу пониже через огород! Побегу, телепень Фома Большой, снять перегородку. Он вас проводит, а я сейчас».

Длинноногий, босой Фома Большой, как был, в одной рубашке, побежал впереди коляски через всю деревню, где у всякой избы развешены были бредни, сети и морды: все мужики были рыбаки. Потом вынул из какого-то огорода перегородку, и

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
огородами выехала коляска на площадь, близ деревянной церкви. За церковью, подалеже видны были крыши господских строений.

«Чудаковат этот Кошкарев», думал он про себя.

«А вот я и здесь», раздался голос сбоку. Чичиков оглянулся. Барин уже ехал возле него, одетый: травяно-зеленый нанковый сертук, желтые штаны и шея без галстука, на манер купидона! Боком сидел он на дрожках, занявши собою все дрожки. Он хотел было что-то сказать ему, толстяк уже исчез. Дрожки показались снова на том <месте>, где вытаскивали рыбу. Раздались снова голоса: «Фома Большой да Фома Меньшой, Козьма да Денис». Когда же подъехал он к крыльцу дома, к величайшему изумлению его, толстый барин был уже на крыльце и принял его в свои объятия. Как он успел так слетать, было непостижимо. Они поцеловались, по старому русскому обычаю, троекратно навкрест: барин был старого покроя.

«Я привез вам поклон от его превосходительства», сказал Чичиков.

«От какого превосходительства?»

«От родственника вашего, от генерала Александра Дмитриевича».

«Кто это Александр Дмитриевич?»

«Генерал Бетрищев», отвечал Чичиков с некоторым изумленьем.

«Незнаком», сказал с изумлением х<озяин>.

Чичиков пришел еще в большее изумление...

«Как же это?.. Я надеюсь, по крайней мере, что имею удовольствие говорить с полковником Кошкаревым?»

«Нет, не надейтесь. Вы приехали не к нему, а ко мне. Петр Петрович Петух. Петух Петр Петрович», подхватил хозяин.

Чичиков остолбенел. «Как же?» оборотился <он> к Селифану и Петрушке, которые тоже оба разинули рот и выпучили глаза, один сидя на козлах, другой стоя у дверец коляски. «Как же вы, дураки? Ведь вам сказано: к полковнику Кошкареву... А ведь это Петр Петрович Петух...»

«Ребята сделали отлично! Ступай на кухню: там вам дадут по чапорухе водки», сказал Петр Петрович Петух. «Откладывайте коней и ступайте сей же час в людскую».

«Я совещусь, такая нежданная ошибка...» говорил Чичиков.

«Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каков обед, да потом скажете: ошибка ли это? Покорнейше прошу», сказал <Петух>, взявши Чичикова под руку и вводя его во внутренние [покои]. Из покоев вышли им навстречу двое юношей, в летних сертуках, – тонкие, точно ивовые хлысты; целым аршином выгнало их вверх [выше] отцовского роста.

«Сыны мои, гимназисты, приехали на праздники. Николаша, ты побудь с гостем; а ты, Алексаша, ступай за мною».

Сказав это, хозяин исчезнул.

Чичиков занялся с Николашей; Николаша, кажется, был будущий человек-дрянце. Он рассказал с первых же разов Чичикову, что в губернской гимназии нет никакой выгоды учиться, что они с братом хотят ехать в Петербург, потому <что> провинция не стоит того, чтобы в ней жить...

«Понимаю», подумал Чичиков: «кончится дело кондитерскими да бульварами...» – «А что», спросил он вслух: «в каком состоянии именье вашего батюшки?»

«Заложено», сказал на это сам батюшка, снова очутившийся в гостиной: «заложено».

«Плохо», подумал Чичиков. «Этак скоро не останется ни одного именья. Нужно

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru торопиться». – «Напрасно однако же», сказал он с видом соболезнованья, «поспешили заложить».

«Нет, ничего», сказал Петух. «Говорят, выгодно. Все закладывают: как же отставать от других? Притом же всё жил здесь: дай-ка еще попробую прожить в Москве. Вот сыновья тоже уговаривают, хотят просвещенья столичного».

«Дурак, дурак!» думал Чичиков: «промотает всё, да и детей сделает мотишками. Именице порядочное. Поглядишь – и мужикам хорошо, и им недурно. А как просветятся там у ресторанов да по театрам, – всё пойдет к чорту. Жил бы себе, кулебяка, в деревне».

«А ведь я знаю, что вы думаете», сказал Петух.

«Что?» спросил Чичиков, смутившись.

«Вы думаете: «Дурак, дурак этот Петух, зазвал обедать, а обеда до сих пор нет». Будет готов, почтеннейший. Не успеет стриженная девка косы заплесть, как он поспеет».

«Батюшка! Платон Михалыч едет!» сказал Алексаша, глядя в окно.

«Верхом на гнедой лошади», подхватил Николаша, нагибаясь к окну.

«Где, где?» прокричал Петух, подступив.

«Кто это Платон <Михайлович>?» спросил Чичиков у Алексаши.

«Сосед наш, Платон Михайлович Платонов, прекрасный человек, отличный человек», сказал сам <Петух>.

Между тем вошел в комнату сам Платонов, красавец, стройного роста, с светло-русыми блестящими волосами, завивающимися в кудри. Гремя медным ошейником, мордатый пес, собака-страшилище, именем Ярб, вошел вослед за ним.

«Обедали?» спросил хозяин.

«Обедал».

«Что ж вы, смеяться что ли надо мной приехали? Что мне в вас после обеда?»

Гость, усмехнувшись: «Утешу вас тем, [что] ничего не ел, вовсе нет аппетита».

«А каков был улов, если б вы видели. Какой осетрище пожаловал. Какие карасищи, коропищи какие!»

«Даже досадно вас слушать. Отчего вы всегда так веселы?»

«Да от<чего> же скучать, помилуйте!» сказал хозяин.

«Как отчего скучать? – оттого, что скучно».

«Мало едите, вот и всё. Попробуйте-ка хорошенько пообедать. Ведь это в последнее время выдумали скуку. Прежде никто не скучал».

«Да полно хвастать! Будто уж вы никогда не скучали?»

«Никогда! Да и не знаю, даже и времени нет для скучанья. Поутру проснешься, ведь тут сейчас повар, нужно заказывать обед, тут чай, тут приказчик, там на рыбную ловлю, а тут и обед. После обеда не успеешь всхрапнуть, опять повар, нужно заказывать ужин; пришел повар, заказывать нужно на завтра обед. Когда же скучать?»

Во всё время разговора Чичиков рассматривал гостя, который его изумлял необыкновенной красотой своей, стройным, картинным ростом, свежестью неистраченной юности, девственной чистотой ни одним прыщиком не опозоренного лица. Ни страсти, ни печали, ни даже что-либо похожее на волнение и беспокойство не дерзнули коснуться его девственного лица и положить на нем морщину, но с тем

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru вместе и не оживили его. Оно оставалось как-то сонно, несмотря на ироническую усмешку, временами его оживлявшую.

«Я также, если позволите заметить», сказал он, «не могу понять, как при такой наружности, какова ваша, скучать. Конечно, если недостача денег, или враги, как есть иногда такие, которые готовы покусить<ся> даже на самую жизнь...»

«Поверьте», прервал красавец гость: «что для разнообразия я бы желал иногда иметь какую-нибудь тревогу: ну, хоть бы кто рассердил меня – и того нет. Скучно, да и только».

«Стало быть, недостаточность земли по имению, малое количество душ?»

«Ничуть. У нас с братом земли на десять тысяч десятин и при них больше тысячи человек крестьян».

«Странно, не понимаю. Но, может быть, неурожаи, болезни? много вымерло мужеска пола людей?»

«Напротив, всё в наилучшем порядке, и брат мой отличнейший хозяин».

«И при этом скучать! не понимаю», сказал Чичиков и пожал плечами.

«А вот мы скуку сейчас прогоним», сказал хозяин. «Бежи, Алексаша, проворней на кухню и скажи повару, чтобы поскорей прислал нам растегайчиков. Да где ж ротозей Емельян и вор Антошка? Зачем не дают закуски?»

Но дверь растворилась. Ротозей Емельян и вор Антошка явились с салфетками, накрыли стол, поставили поднос с шестью графинами разноцветных настоек. Скоро вокруг подносов и графинов обстановка ожерелье тарелок со всякой подстрекающей снедью. Слуги поворачивались расторопно, беспрестанно принося что-то в закрытых тарелках, сквозь которые слышно было ворчавшее масло. Ротозей Емельян и вор Антошка расправлялись отлично. Названья эти были им даны так только для поощренья. Барин был вовсе не охотник браниться, он был добряк. Но русской человек уж любит прянное слово, как рюмку водки для сваренья в желудке. Что ж делать, такая натура: ничего пресного не любит.

Закуске последовал обед. Здесь добродушный хозяин сделался совершенным разбойником. Чуть замечал у кого один кусок, подкладывал ему тут же другой, приговаривая: «Без пары ни человек, ни птица не могут жить на свете». У кого два, подваливал ему третий, приговаривая: «Что ж за число два? Бог любит троицу». Съедал гость три, он ему: «Где ж бывает телега о трех колесах? Кто ж строит избу о трех углах?» На четыре у него была тоже поговорка, на пять – опять. Чичиков съел чего-то чуть ли не двенадцать ломтей и думал: «Ну, теперь ничего не приберет больше хозяин». Не тут-то было: не говоря ни слова, положил ему на тарелку хребтовую часть телянка, жареного на вертеле, с почками, да и какого телянка!

«Два года воспитывал на молоке», сказал хозяин: «ухаживал, как за сыном».

«Не могу», сказал Чичиков.

«Вы попробуйте да потом скажите: не могу».

«Не взойдет, нет места».

«Да ведь и в церкви не было места. Взшел городничий – нашлось. А была такая давка, что и яблоку негде было упасть. Вы только попробуйте: этот кусок тот же городничий».

Попробовал Чичиков – действительно, кусок был в роде городничего. Нашлось ему место, а казалось, ничего нельзя было поместить.

«Ну, как этакому человеку ехать в Петербург или в Москву? С таким хлебосольством он там в три года проживется в пух». То есть, он не знал того, что теперь это усовершенствовано: и без хлебосольства спустить не в три года, а в три месяца всё.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru Он то и дело подливал да подливал; чего ж не допивали гости, давал допить Алексаше и Николаше, которые так и хлопали рюмка за рюмкой; вперед видно <было, на> какую часть человеческих познаний обратят внимание по приезде в столицу. С гостями было не то: в силу, в силу перетащились они на балкон и в силу поместились в креслах. Хозяин, как сел в свое какое-то четырехместное, так тут же и заснул. Тучная собственность его, превратившись в кузнецкий мех, стала издавать, через открытый рот и носовые продухи, такие звуки, какие редко приходят в голову и нового сочинителя: и барабан, и флейта, и какой-то отрывистый гул, точный собачий лай.

«Эк его насвистывает!» сказал Платонов.

Чичиков засмеялся.

«Разумеется, если этак пообедать, как тут придти скуке. Тут сон придет. Не правда ли?»

«Да. Но я, однако же, вы меня извините, не могу понять, как можно скучать. Против скуки есть так много средств».

«Какие же?»

«Да мало ли для молодого человека? Танцевать, играть на каком-нибудь инструменте... а не то жениться».

«На ком?»

«Да будто в окружности нет хороших и богатых невест?»

«Да нет».

«Ну поискать в других местах, поездить». И богатая мысль сверкнула вдруг в голове Чичикова. «Да вот прекрасное средство!» сказал он, глядя в глаза Платонову.

«Какое?»

«Путешествие».

«Куда ж ехать?»

«Да если вам свободно, так поедем со мной», сказал Чичиков и подумал про себя, глядя на Платонова: «А это было бы хорошо. Тогда бы можно издержки пополам, а подчинку коляски отнести вовсе на его счет».

«А вы куда едете?»

«Покамест еду я не столько по своей нужде, сколько по надобности другого. Генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников... конечно, родственники родственниками, но отчасти, так сказать, и для самого себя: ибо видеть свет, коловращенье людей – кто что ни говори, есть как бы живая книга, вторая наука». И, сказавши это, помышлял Чичиков между тем так: «Право, было <бы> хорошо. Можно даже и все издержки на его счет; даже и отправиться на его лошадях, а мои бы покормились у него в деревне».

«Почему ж не проездиться?» думал между тем Платонов. «Дома же мне делать нечего, хозяйство и без того на руках у брата; стало быть, расстройства никакого. Почему ж в самом деле не проездиться?» – «А согласны ли вы», сказал он вслух: «погостить у брата денька два? Иначе он меня не отпустит».

«С большим удовольствием. Хоть три».

«Ну, так по рукам! Едем!» сказал, оживясь, Платонов.

Они хлопнули по рукам. «Едем!»

«Куда! куда?» вскрикнул хозяин, проснувшись и выпуча на них глаза. «Нет,

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru сударики! и колеса у коляски приказано снять, а вашего жеребца, Платон Михайлыч, угнали отсюда за пятнадцать верст. Нет, вот вы сегодня переночуйте, а завтра после раннего обеда и поезжайте себе».

Что было делать с Петухом? Нужно было остаться. Зато награждены они были удивительным весенним вечером. Хозяин устроил гулянье на реке. Двенадцать гребцов, в двадцать четыре весла, с песнями, понесли их по гладкому хребту зеркального озера. Из озера они пронесли в реку, беспредельную, с пологими берегами на обе стороны, подходя беспрестанно под протянутые впоперек реки канаты для ловли. Хоть бы стружкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись пред ними, один за другим, виды, и роща за рощей тешила взоры разнообразным размещением дерев. Гребцы, хвативши разом в двадцать четыре весла, подымали вдруг все весла вверх и катер, сам собой, как легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Парень-запевала, плечистый детина, третий от руля, починал чистым, звонким голосом, выводя как бы из соловьиного горла <?> начальные запевы песни, пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, беспредельная, как Русь. И Петух, восторженувшись, пригаркивал, поддавая, где не хватало у хора силы, и сам Чичиков чувствовал, что он русской. Один только Платонов [думал:] «Что хорошего в этой заунывной песне? От нее еще большая тоска находит на душу».

Возвращались назад уже сумерками. Впотьмах ударяли весла по водам, уже не отражавшим неба. В темноте пристали они к берегу, по которому разложены были огни; на треногах варили рыбаки уху из животрепещущих ершей. Всё уже было дома. Деревенская скотина и птица уже давно была пригнана, и пыль от них уже улеглась, и пастухи, пригнавшие их, стояли у ворот, ожидая кринки молока и приглашения к уху. В сумерках слышался тихий гомон людской, бреханье собак, где-то отдававшееся из чужих деревень. Месяц подымался, и начали озаряться потемневшие окрестности, и всё озарилось. Чудные картины. Но некому было ими любоваться. Николаша и Алексаша, вместо того, чтобы пронестись в это время перед ними на двух лихих жеребцах, в обгонку друг друга, думали о Москве, о кондитерских, о театрах, о которых натолковал им заезжий из столицы кадет. Отец их думал о том, как бы окормить своих гостей. Платонов зевал. Всех живей оказался Чичиков. «Эх право, заведу когда-нибудь деревеньку». И стали ему представляться и бабенка, и Чичонки.

А за ужином опять объелись. Когда вошел Павел Иванович в отведенную комнату для спанья и, ложась в постель, пощупал животик свой: «Барабан!» сказал: «никакой городничий не взойдет!» Надобно такому стечению обстоятельств, что за стеной был кабинет хозяина. Стена была тонкая, и слышалось всё, что там ни говорилось. Хозяин заказывал повару, под видом раннего завтрака, на завтрашний день решительный обед. И как заказывал! У мертвого родился бы аппетит.

«Да кулебяку сделай на четыре угла», говорил он с присасываньем и забирая к себе дух. «В один угол положи ты мне щеки осетра да визиги, в другой гречневой кашицы, да грибочков с лучком, да молок сладких, да мозгов, да еще чего знаешь там этакое, какого-нибудь там того. Да чтобы она с одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а с другого пусти ее полегче. Да исподку-то, пропеки ее так, чтобы всю ее прососало, проняло бы так, чтобы она вся, знаешь, этак растого – не то, чтобы рассыпалась, а истаяла бы во рту как снег какой, так чтобы и не услышал». Говоря это, Петух присмактывал и подшлепывал губами.

«Чорт побери, не даст спать», думал Чичиков и закутал голову в одеяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одеяло было слышно:

«А в обкладку к осетру подпусти свеклу звездочкой, да сняточков, да груздочков, да там, знаешь, репушки, да морковки, да бобков, там чего-нибудь этакое, знаешь, того растого, чтобы гарниру, гарниру всякого побольше. Да в свиной сычуг положи ледку, чтобы он взбухнул хорошенько».

Много еще Петух заказывал блюд. Только и раздавалось: «Да поджарь, да подпеки, да дай взопреть хорошенько». Заснул Чичиков уже на каком-то индюке.

На другой день до того объелись гости, что Платонов уже не мог ехать верхом. Жеребец был отправлен с конюхом Петуха. Они сели в коляску. Мордатый пес лениво пошел за коляской: он тоже объелся.

«Это уже слишком», сказал Чичиков, когда выехали они со двора.

«А не скучает, вот что досадно», <подумал> Платонов.

«Было бы у меня, как у тебя, 70 тысяч в год доходу», подумал Чичиков: «да я бы скуку и на глаза к себе <не пустил>. Вон откупщик Муразов, – легко сказать, – 10 миллионов... Экой куш».

«Что, вам ничего заехать? Мне бы хотелось проститься с сестрой и с зятем».

«С большим удовольствием», сказал Чичиков.

«Если вы охотник до хозяйства», сказал Платонов, «то вам будет с ним интересно познакомиться. Уж лучше хозяина вы не сыщете. Он в десять лет возвел свое имение до <того>, что вместо 30 теперь получает двести тысяч».

«Ах, да это, конечно, препочтенный человек! Это преинтересно будет с таким человеком познакомиться. Как же? Да ведь это сказать... А как по фамилии?»

«Костанжогло».

«А имя и отчество, позвольте узнать?»

«Константин Федорович».

«Константин Федорович Костанжогло! Очень будет интересно познакомиться. Почтительно узнать такого человека».

Платонов принял на себя руководить Селифаном, что было нужно, потому что тот едва держался на козлах. Петрушка два раза сторчаком слетел с коляски, так что необходимо было, наконец, привязать его веревкой к козлам. «Экая скотина!» повторял только Чичиков.

«Вот, поглядите-ка, начинаются его земли», сказал Платонов: «совсем другой вид».

И в самом деле, через всё поле сеянный лес – ровные, как стрелки, деревья; за ними другой, повыше, тоже молодник; за ними старый лесняк, и всё один выше другого. Потом опять полоса поля, покрытая густым <лесом>, и снова таким же образом молодой лес, и опять старый. И три раза проехали, как сквозь ворота стен, сквозь леса. «Это всё у него выросло каких-нибудь лет в восемь – в десять, что у другого и в двадцать <не вырастет>».

«Как же это он сделал?»

«Расспросите у него. Это землевед такой, у него ничего нет даром. Мало, что он почву знает, как знает, какое соседство для кого нужно, возле какого хлеба какие деревья. Всякой у него три, четыре должности разом отправляет. Лес у него, кроме того, что для леса, нужен затем, чтобы в таком-то месте настолько-то влаги прибавить полям, настолько-то унавозить падающим листом, настолько-то дать тени. Когда вокруг засуха, у него нет засухи; когда вокруг неурожай, у него нет неурожая. Жаль, что я сам мало эти вещи знаю, не умею рассказать, а у него такие штуки. Его называют колдуном».

«В самом деле, это изумительный муж», подумал Чичиков. «Весьма прискорбно, что молодой человек поверхностен и не умеет рассказать».

Наконец показалась деревня. Как бы город какой, высыпалась она множеством изб на трех возвышениях, увенчанных тремя церквями, перегражденная повсюду исполинскими скирдами и кладями. «Да», подумал Чичиков: «видно, что живет хозяин-туз». Избы всё крепкие; улицы торные; стояла ли где телега – телега была крепкая и новенькая; мужик попадался с каким-то умным выражением лица; рогатый скот на отбор; даже крестьянская свинья глядела дворянином. Так и видно, что здесь именно живут те мужики, которые гребут, как поется, в песне, серебро лопатой. Не было тут английских парков и газонов со всякими затеями; но, по-старинному, шел проспект амбаров и рабочих домов вплоть до самого дому, чтобы всё было видно барину, что ни делается вокруг его; и в довершение поверх дома фонарь обозревал на пятнадцать верст кругом всю окольность. У крыльца их встретили слуги, расторопные, совсем не похожие на пьяницу Петрушку, хоть на них и не было фраков, а козацкие чекмени синего домашнего сукна.

Хозяйка дома выбежала сама на крыльцо. Свежа она была, как кровь с молоком; хороша, как божий день; походила, как две капли, на Платонова, с той разницей только, что не была вяла как он, но разговорчива и весела.

«Здравствуй, брат! Ну, как же я рада, что ты приехал, а Константина нет дома; но он скоро будет».

«Где ж он?»

«У него есть дело на деревне с какими-то покупателями», говорила она, вводя гостей в комнату.

Чичиков с любопытством рассматривал жилище этого необыкновенного человека, который получал 200 тысяч, думая по нем отыскать свойства самого хозяина, как по оставшейся раковине заключают об устрице или улитке, некогда в ней сидевшей и оставившей свое впечатление. Но нельзя было вывести никакого заключения. Комнаты все просты, даже пусты: ни фресков, ни картин, ни бронз, ни цветов, ни этажерок с фарфором, ни даже книг. Словом, всё показывало, что главная жизнь существа, здесь обитавшего, проходила вовсе не в четырех стенах комнаты, но в поле, и самые мысли не обдумывались заблаговременно сибаритским образом у огня, пред камином, в покойных креслах, но там же, на месте дела, приходили в голову, и там же, где приходили, там и претворялись в дело. В комнатах мог только заметить Чичиков следы женского домоводства. На столах и стульях были наставлены чистые липовые доски и на них лепестки каких-то цветков, приготовленные к сушке.

«Что это у тебя, сестра, за дрянь такая наставлена?» сказал Платонов.

«Как дрянь», сказала хозяйка. «Это лучшее средство от лихорадки. Мы вылечили им в прошлый <год> всех мужиков. А это для настоек; а это для варенья. Вы всё смеетесь над вареньями да над соленьями, а потом, когда едите, сами же похваливаете».

Платонов подошел к фортепиано и стал разбирать ноты.

«Господи, что за старина!» сказал он. «Ну, не стыдно ли тебе, сестра?»

«Ну, уж извини, брат, музыкой мне и подавно некогда заниматься. У меня осьмилетняя дочь, которую я должна учить. Сдать ее на руки чужеземной гувернантке затем только, чтобы самой иметь свободное время для музыки, – нет, извини, брат, этого-то не сделаю».

«Какая ты, право, стала скучная, сестра», сказал брат и подошел к окну.

«А! вот он! идет! идет!» сказал Платонов. Чичиков тоже устремился к окну. К крыльцу подходил лет 40 человек, живой, смуглой наружности, в сертуке верблюжьего <сукна?>. О наряде своем он не думал. На нем был триповый картуз. По обеим сторонам его, сняв шапки, шли два человека нижнего сословия, – шли, разговаривая и о чем-то с <ним> толкуя. Один – простой мужик, другой – какой-то заезжий кулак и пройдоха, в синей сибирке. Так как остановились они все около крыльца, то и разговор их был слышен в комнатах.

«Вы вот что лучше сделайте: вы откупитесь у вашего барина. Я вам, пожалуй, дам займы; вы после мне отработаете».

«Нет, Константин Федорович, что уж откупаться <?>. Возьмите нас. Уж у вас всякому уму выучишься. Уж эдакого умного человека нигде во всем свете нельзя сыскать. А ведь теперь беда та, что себя никак не удержишь. Целовальники такие завели теперь настойки, что с одной рюмки так те живот станет драть, что воды ведро бы выпил. Не успеешь опомниться, как всё спустишь. Много соблазну. Лукавый, что ли, миром ворочает, ей богу! Всё заводят, чтобы сбить с толку мужиков: и табак, и всякие такие <... > Что ж делать, Константин Федорович. Человек – не удержишься».

«Послушай: да ведь вот в чем дело. Ведь у меня все-таки неволя. Это правда, что с первого разу всё получишь – и корову, и лошадь; да ведь дело в том, что я так требую с мужиков, как нигде. У меня работай – первое; мне ли, или себе, но уж я не дам никому залежаться. Я и сам работаю как вол, и мужики у меня, потому что

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
испытал, брат: вся дрянь лезет в голову оттого, что не работаешь. Так вы об этом
все подумайте миром и потолкуйте между <собою>».

«Да мы-с толковали уж об этом, Константин Федорович. Уж это и старики говорят.
Что говорить, ведь всякой мужик у вас богат: уж это недаром; и священники таки
сердобольные. А ведь у нас и тех взяли и хоронить некому».

«Все-таки ступай и переговори».

«Слушаю-с».

«Так уж того-с, Константин Федорович, уж сделайте милость... посбавьте», говорил
шедший по другую сторону заезжий кулак в синей сибирке.

«Уж я сказал: торговаться я не охотник. Я не то, что другой помещик, к которому
ты подъедешь под самый срок уплаты в ломбард. Ведь я вас знаю всех. У вас есть
списки всех, кому когда следует уплачивать. Что ж тут мудреного? Ему приспичит,
ну, он тебе и отдаст за полцены. А мне что твои деньги? У меня вещь хоть три
года лежи. Мне в ломбард не нужно уплачивать».

«Настоящее дело, Константин Федорович. Да ведь я того-с, оттого только, чтобы и
впредь иметь с вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи
задаточку извольте принять». Кулак вынул из-за пазухи пук засаленных ассигнаций.
Костанжогло прехладнокровно взял их и, не считая, сунул в задний карман своего
сертука.

«Гм», подумал Чичиков: «точно как бы носовой платок».

Костанжогло показался в дверях гостиной. Он еще более поразил Чичикова
смуглостью лица, жесткостью черных волос, местами до времени поседевших, живым
выраженьем глаз и каким-то желчным отпечатком пылкого южного происхождения. Он
был не совсем русской. Он сам не знал, откуда вышли его предки. Он не занимался
своим родословием, находя, что это в строку нейдет и в хозяйстве вещь лишняя. Он
даже был совершенно уверен, что он русской, да и не знал другого языка, кроме
русского.

Платонов представил Чичикова. Они поцеловались.

«Вот решился проездиться по разным губерниям», сказал Платонов: «размыкать
хандру».

«Прекрасно», сказал Костанжогло. «В какие же места», продолжал он, приветливо
обращаясь к Чичикову: «предполагаете теперь направить путь?»

«Признаюсь», сказал Чичиков, приветливо наклоня голову набок и в то же время
поглаживая рукой кресельную ручку: «еду я покамест не столько по своей нужде,
сколько по нужде другого: генерал Бетрищев, близкой приятель и, можно сказать,
благодетель, просил навестить родственников. Родственники, конечно,
родственниками, но с другой стороны, так сказать, и для самого себя, потому что,
точно, не говоря уже о пользе, которая может быть в геморoidalном отношеньи,
увидать свет, коловращенье людей... есть, так сказать, живая книга, та же наука».

«Да, заглянуть в иные уголки не мешает».

«Превосходно изволили заметить, именно истинно, действительно не мешает. Видишь
вещи, которых бы не видел, встречаешь людей, которых бы не встретил. Разговор с
иным тот же червонец, как вот, например, теперь представился случай... К вам
прибегаю, почтеннейший Константин Федорович, научите, научите, оросите жажду мою
вразумленьем истины. Жду, как манны, сладких слов ваших».

«Чему же, однако?.. чему научить?» сказал Костанжогло, смутившись. «Я и сам
учился на медные деньги».

«Мудрости, почтеннейший! мудрости. Мудрости управлять трудным кормилом сельского
хозяйства, мудрости извлекать доходы верные, приобрести имущество не
мечтательное, а существенное, исполняя тем долг гражданина, заслужа уваженье
соотечественников».

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru «Знаете ли что», сказал Констанжогло, смотря на него в размышлении: «останьтесь денек у меня. Я покажу вам всё управление и расскажу обо всем. Мудрости тут, как вы увидите, никакой нет».

«Конечно, останьтесь», сказала хозяйка и, обратясь к брату, прибавила: «Брат, оставайся: куды тебе торопиться?»

«Мне всё равно. Как Павел Иванович?»

«Я тоже, я с большим удовольствием... Но вот обстоятельство: родственник генерала Бетрищева, некто полковник Кошкарев...»

«Да ведь он... сумасшедший».

«Это так, сумасшедший. Я бы к нему и не ехал, но генерал Бетрищев, близкий приятель и, так сказать, благодетель...»

«В таком случае знаете что?» сказал <Констанжогло>: «поезжайте, к нему и десяти верст нет. У меня стоят готовые пролетки. Поезжайте к нему теперь же. Вы успеете к чаю возвратиться назад».

«Превосходная мысль!» вскрикнул Чичиков, взявши шляпу.

Пролетки были ему поданы и в полчаса примчали его к полковнику. Вся деревня была вразброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревен по всем улицам. Выстроены были какие-то дома, в роде каких-то присутственных мест. На одном было написано золотыми буквами: Депо земледельческих орудий; на другом: Главная счетная экспедиция; далее Комитет

сельских дел; Школа нормального просвещения поселян. Словом, чорт знает чего не было.

Полковника он застал за пульпитром стоячей конторки, с пером в зубах. Полковник принял Чичикова отменно ласково.

По виду он был предобрый, преобходительный человек: стал ему рассказывать о том, скольких трудов ему стоило возвестить имение до нынешнего благосостояния; с соболезнованием жаловался, как трудно дать понять мужику, что есть высшие побуждения, которые доставляет человеку просвещенная роскошь, искусство и художество; что баб он до сих пор не мог заставить ходить в корсете, тогда как в Германии, где он стоял с полком в 14-м году, дочь мельника умела играть даже на фортепиано; что, однако же, несмотря на всё упорство со стороны невежества, он непременно достигнет того, что мужик его деревни, идя за плугом, будет в то же время читать книгу о громовых отводах Франклина, или Вирг<илиевы> Георгики, или Химическое исследование почв.

«Да, как бы не так!» подумал Чичиков. «А вот я до сих пор еще «Графини Лавальер» не прочел: всё нет времени».

Много еще говорил полковник о том, как привести людей к благополучию. Парижский костюм у него имел большое значение. Он ручался головой, что если только одеть половину русских мужиков в немецкие штаны, — науки возвысятся, торговля подымется, и золотой век настанет в России.

Посмотревши на него пристально, Чичиков подумал: «С этим, кажется, чиниться нечего»; и тут же объявил, что имеется надобность вот в каких душах, с совершеньем таких-то крепостей и всех обрядов.

«Сколько могу видеть из слов ваших», сказал полковник, нимало не смутясь: «это просьба, не так ли?»

«Так точно».

«В таком случае изложите ее письменно. Просьба пойдет в контору принятия рапортов и донесений. [контора], пометивши, препроводит ее ко мне; от меня поступит она в комитет сельских дел, оттоле, по сделании выправок, к управляющему. Управляющий совокупно с секретарем...»

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru «Помилуйте!» вскрикнул Чичиков: «ведь этак затянется бог знает. Да как же трактовать об этом письменно? Ведь это такого рода дело... Души ведь некоторым образом... мертвые».

«Очень хорошо. Вы так и напишите, что души некоторым образом мертвые».

«Но ведь как же – мертвые? Ведь этак же нельзя написать. Они хотя и мертвые, но нужно, чтобы казались, как бы были живые».

«Хорошо. Вы так и напишите: но нужно, или требуется, желается, ищется, чтобы казалось, как бы живые. Без бумажного производства нельзя этого сделать. Пример Англия и сам даже Наполеон. Я вам отряжу комиссионера, который вас проводит по всем местам». Он ударил в звонок; явился какой-то человек.

«Секретарь! Позвать ко мне комиссионера». Предстал комиссионер, какой-то не то мужик, не то чиновник. «Вот он вас проводит <по> нужнейшим местам».

Чичиков решился, из любопытства, пойти с комиссионером смотреть все эти самонужнейшие места. Контора подачи рапортов существовала только на вывеске, и двери были запорты. Правитель дел ее Хрулев был переведен во вновь образованный комитет сельских построек. Место его заступил камердинер Березовский; но он тоже был куда-то откомандирован комиссией построения. Толкнулись они в департамент сельских дел – там переделка: разбудили какого-то пьяного, но не добрались от него никакого толку. «У нас бестолковщина», сказал наконец Чичикову комиссионер. «Барина за нос водят. Всем у нас распоряжается комиссия построения: отрывает всех от дела, посылает, куда угодно. Только и выгодно у нас, что в комиссии построения». Он, как видно, был недоволен на комиссию построения. И в самом деле, взглянул Чичиков: всё строится. Далее Чичиков не хотел и смотреть, но, пришедши, рассказал полковнику; что так и так, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссии подачи рапортов и вовсе нет.

Полковник воскипел благородным негодованьем, крепко пожавши руку Чичикову, в знак благодарности. Тут же, схвативши бумагу и перо, написал восемь да строжайших запросов: на каком основании комиссия построения самоуправно распорядилась с неподведомственными ей чиновниками, как мог допустить главноуправляющий, чтобы предстатель, не сдавши своего поста, отправился на следствие, и как мог видеть равнодушно комитет сельских дел, что даже не существует контора подачи рапортов и донесений?

«Ну, кутерьма», подумал Чичиков и хотел уже уехать.

«Нет, я вас не отпущу. Теперь уже собственное мое честолюбие затронуто. Я докажу, что значит органическое, правильное устройство хозяйства. Я поручу ваше дело такому человеку, который один стоит всех: окончил университетский курс. Вот каковы у меня крепостные люди... Чтобы не терять драгоценного времени, покорнейше <прошу> посидеть у меня в библиотеке», сказал полковник, отворяя боковую дверь. «Тут книги, бумага, перья, карандаши, всё. Пользуйтесь, пользуйтесь всем, вы – господин. Просвещение должно быть открыто всем». Так говорил Кошкарёв, введя его в книгохранилище. Это был огромный зал, снизу доверху уставленный книгами. Были там даже и чучела животных. Книги по всем частям: по части лесоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства; специальные журналы по всем частям, которые только рассылаются с обязанностью подписок, но никто <их> не читает. Видя, что всё это были книги не для приятного препровождения <времени>, он обратился к другому шкафу. Из огня в поломя. Всё книги философии. Шесть огромных томицей предстало ему пред глаза, под названием: «Предуготовительное вступление в область мышления. Теория общности, совокупности, сущности, и в применении к разумению органических начал общественной производительности». Что ни разворачивал Чичиков книгу, на всякой странице: проявление, развитие, абстракт, замкнутость и сомкнутость, и чорт знает, чего там не было. «Это не по мне», сказал Чичиков и оборотился к третьему шкафу, где были книги по части искусств. Тут вытащил какую-то огромную книгу с нескромными мифологическими картинками и начал их рассматривать. Такого рода картинки нравятся холостякам средних <лет>, а иногда и тем старикашкам, которые подзадоривают себя балетами и прочими пряностями. Окончивши рассматриванье этой книги, Чичиков вытащил уже было и другую в том же роде, как появился полковник Кошкарёв, с сияющим видом и бумагою.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
«Всё сделано, и сделано отлично. Человек, о котором я вам говорил, решительный гений. За это я поставлю <его> выше всех и для него одного заведу целый департамент. Вы посмотрите, какая светлая голова и как в несколько минут он решил всё».

«Ну, слава те, господи!» подумал Чичиков и приготовился слушать. Полковник стал читать:

«Приступая к обдумыванию возложенного на меня вашим высокородием поручения, честь имею сим донести на оное. I-е. В самой просьбе господина коллежского советника и кавалера Павла Ивановича Чичикова уже содержится недоразумение, ибо неосмотрительным образом ревизские души названы умершими. Под сим, вероятно, они изволили разуть близкие к смерти, а не умершие. Да и самое таковое название уже показывает изучение наук [более] эмпирическое, вероятно, ограничившееся приходским училищем, ибо душа бессмертна».

«Плут!» сказал, остановившись, Кошкарёв с самодовольствием: «Тут он немножко колынул вас. Но сознайтесь, какое бойкое перо».

«Во II-х, никаких незаложенных, не только близких к смерти, но и всяких прочих, по имению не имеется, ибо все в совокупности не токмо заложены без изъятия, но и перезаложены, с прибавкой по полутора ста рублей на душу, кроме небольшой деревни Гурмайловки, находящейся в спорном положении по случаю тяжбы с помещиком Предищевым и вследствие того под запрещением, о чем объявлено в 42 номере «Московских Ведомостей».

«Так зачем же вы мне этого не объявили прежде? Зачем из пустяков держали?» сказал с сердцем Чичиков.

«Да. Да ведь нужно было, чтобы всё это <вы> увидели сквозь форму бумажного производства. Этак не штука. Бессознательно может и дурак увидеть, но нужно сознательно».

Всердцах, схвативши шапку, Чичиков бегом из дому, мимо всяких приличий, да в дверь: он был сердит. Кучер стоял <с> пролетками наготове, зная, что лошадей нечего откладывать, потому что о корме пошла бы письменная просьба, и резолюция выдать овес лошадям вышла бы только на другой день. Полковник, однако ж, выбежал учтив и деликатен. Он насильно пожал ему руку, прижал ее к сердцу и благодарил его за то, что он дал ему случай увидеть на деле ход производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно всё задремать, и пружины управления заржавеют и ослабеют; что, вследствие этого события, пришла ему счастливая мысль устроить новую комиссию, которая будет называться комиссией наблюдения за комиссией построения, так что уже тогда никто не осмелится украсть.

Чичиков приехал, сердитый и недовольный, поздно, когда уже давно горели свечи.

«Что это вы так запоздали?» сказал <Костанжогло>, когда он показался в дверях.

«О чем вы это так долго с ним толковали?» сказал Платонов.

«Этакого дурака я еще от роду не видывал», сказал <Чичиков>.

«Это еще ничего», сказал <Костанжогло>. «Кошкарёв – утешительное явление. Он нужен затем, что в нем отражаются карикатурно и видней глупости всех наших умников, – вот этих всех умников, которые, не узнавши прежде своего, набираются дури в чужие. Вон каковы помещики теперь наступили; завели и конторы, и мануфактуры, и школы, и комиссию, и чорт знает, чего не завели. Вот как <овы?> эти умники. Было поправились, после француза двенадцатого года, так вот теперь всё давай расстроивать сызнова. Ведь хуже француза расстроили, так что теперь какой-нибудь Петр Петрович Петух еще хороший помещик».

«Да ведь и он заложил теперь в ломбард», сказал Чичиков. «Ну, да, всё в ломбард, всё пойдет в ломбард». Сказав это, Костанжогло стал понемногу сердиться. «Вон шляпный, свечной заводы, из Лондона мастеров выписали свечных, торгашами поделались. Помещик – этакое званье почтенное – в мануфактуристы, фабриканты. Прядильные машины... кисеи шляхам городским, девкам».

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
«Да ведь и у тебя же есть фабрики», заметил Платонов.

«А кто их заводил? Сами завелись: накопилось шерсти, сбывать некуда – я и начал ткать сукна, да и сукна толстые, простые; по дешевой цене их тут же на рынках у меня и разбирают, – мужику надобные, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берег в продолжение шести лет сряду промышленники, – ну, куды ее девать – я начал из нее варить клей, да сорок тысяч и взял. Ведь у меня всё так».

«Экой чорт», думал Чичиков, глядя на него в оба глаза: «загребистая какая лапа».

«Да и то потому занялся, что набрело много работников, которые умерли бы с голоду. Голодный год, и всё по милости этих фабрикантов, упустивших посева. Эдаких фабрик у меня, брат, наберется много. Всякой год другая фабрика, смотря по тому, от чего накопилось остатков и выбросков. [Рассмотри] только попристальнее свое хозяйство, всякая дрянь даст доход, так что отталкиваешь, говоришь: не нужно. Ведь я не строю для этого дворцов с колоннами да с фронтонами».

«Это изумительно. Изумительнее же всего то, что всякая дрянь дает доход!» сказал Чичиков.

«Да помилуйте. Если бы только брать дело попросту, как оно есть; а то ведь всякой механик, всякой хочет открыть ларчик с инструментом, а не просто. Он для этого съездит нарочно в Англию, вот в чем дело. Дурачье!» Сказавши это, Костанжогло плюнул. «И ведь глупей всотеро станет после того, как возвратится из-за границы».

«Ах, Константин! ты опять рассердился», сказала с беспокойством жена. «Ведь ты знаешь, что это для тебя вредно».

«Да ведь как не сердиться? Добро бы это было чужое, а то ведь это близко собственному сердцу. Ведь досадно то, что русской характер портится. Ведь теперь явилось в русском характере донкишотство, которого никогда не было. Просвещение придет ему в ум – сделается Дон-Кихотом просвещения, заведет такие школы, что дураку в ум не войдет. Выйдет из школы такой человек, что никуда не годится; ни в деревню, ни в город, только что пьяница, да чувствует свое достоинство. В человеколюбье пойдет – сделается Дон-Кихотом человеколюбья: настроит на миллион рублей bestолковейших больниц да заведений с колоннами, разорится да и пустит всех по миру: вот тебе и человеколюбье».

Чичикову не до просвещения было дело. Ему хотелось обстоятельно расспросить о том, как всякая дрянь даёт доход; но никак не дал ему Костанжогло вставить слова. Желчные речи уже лились из уст его, так что уже он их не мог удержать.

«Думают, как просветить мужика. Да ты сделай его прежде богатым да хорошим хозяином, а там он сам выучится. Ведь как теперь, в это время, весь свет поглупел, так вы не можете себе представить. Что пишут теперь эти целкоперы! Пустит какой-нибудь молокосос <?> книжку, и так вот все и бросятся на нее. Вот что стали говорить: «Крестьянин ведет уж очень простую жизнь; нужно познакомить его с предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянья». Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болезней чорт знает каких понабрались, и уж нет осьмнадцатилетнего мальчишки, который бы не испробовал всего: и зубов у него нет, и плешив как пузырь – так хотят теперь и этих заразить. Да слава богу, что у нас осталось хотя одно еще здоровое сословие, которое не познакомилось с этими прихотями. За это мы просто должны благодарить бога. Да, хлебопашец у нас всех почтеннее; что вы его трогаете? Дай бог, чтобы все были хлебопашцы».

«Так вы полагаете, что хлебопашеством доходливей заниматься?» спросил Чичиков.

«Законнее, а не то, что доходнее. Возделывай землю в поте лица своего, сказано. Тут нечего мудрить. Это уж опытом веков доказано, что в земледельческом звании человек нравственней, чище, благородней, выше. Не говорю не заниматься другим, но чтобы в основание легло хлебопашество, вот что. Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законные фабрики, – того, что нужно здесь, под рукой человеку на месте, а не эти всякие потребности, расслабившие теперешних людей. Не эти фабрики, что потом, для поддержки и для сбыту, употребляют все гнусные меры, развращают, растлевают несчастный народ. Да вот же не заведу у себя, как ты там

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru ни говори в их пользу, никаких этих внушающих высшие потребности производств, ни табака, ни сахара, хоть бы потерял миллион. Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки. Пусть я буду перед богом прав... Я двадцать лет живу с народом; я знаю, какие от этого следствия».

«Для меня изумительнее всего, как при благоразумном управлении, из останков, из обрезков получается, <что> и всякая дрянь дает доход».

«Гм! политические экономы!» говорил Костанжогло, не слушая его, с выражением желчного сарказма в лице. «Хороши политические экономы. Дурак на дураке сидит и дураком погоняет. Дальше своего глупого носа не видит. Осел, а еще взлезет на кафедру, наденет очки... Дурачье!» И во гневе он плюнул.

«Всё это так и всё справедливо, только пожалуйста не сердись», сказала жена: «как будто нельзя говорить об этом, не выходя из себя».

«Слушая вас, почтеннейший Константин Федорович, вникаешь, так сказать, в смысл жизни, щупаешь самое ядро дела. Но, оставив общечеловеческое, позвольте обратить внимание на приватное. Если бы, положим, сделавшись помещиком, возымел я мысль в непродолжительное <время> разбогатеть так, чтобы тем, так сказать, исполнить существенную обязанность гражданина, то каким образом, как поступить?»

«Как поступить, чтобы разбогатеть?» подхватил Костанжогло. «А вот как...»

«Пойдем ужинать!» сказала хозяйка; она, поднявшись с дивана, выступила на середину комнаты, закутывая в шаль молодые, продрогнувшие свои члены.

Чичиков схватился со стула с ловкостью почти военного человека, коромыслом подставил ей руку и повел ее парадно через две комнаты, в столовую, где уже на столе стояла суповая чашка и, лишенная крышки, разливала приятное благоуханье супа, питанного свежую зеленью и первыми кореньями весны. Все сели за стол. Слуги проворно поставили разом на стол все блюда, в закрытых соусниках, и всё, что нужно, и тотчас ушли. Костанжогло не любил, чтобы лакеи слушали господские <разговоры>, а еще более, чтобы глядели ему в рот в то время, когда он <ест>.

Нахлебавшись супу и выпивши рюмку какого-то отличного питья, похожего на венгерское, Чичиков сказал хозяину так:

«Позвольте, почтеннейший, вновь обратить вас к предмету прекращенного разговора. Я спрашивал вас о том, как быть, как поступить, как лучше приняться...»[5]

«Именье, за которое если бы он запросил и 40 тысяч, я бы ему тут же отсчитал».

«Гм». Чичиков задумался. «А отчего же вы сами», проговорил он с некоторою робостью, «не покупаете его?»

«Да нужно знать, наконец, пределы. У меня и без того много хлопот около своих имений. Притом у нас дворяне и без того уже кричат на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными их положеньями, скупаю земли за бесценок. Это мне уж, наконец, надоело, чорт их возьми».

«Как вообще люди способны к злословию!» сказал Чичиков.

«А уж как в нашей губернии... Не можете себе представить! Меня иначе и не называют, как сквалыгой и скупцом первой степени. Себя они во всем извиняют. «Я», говорит, «конечно промотался, но потому, что жил высшими потребностями жизни, поощрял промышленников, мошенников то есть, которые <1 нрзб.>, а этак, пожалуй, можно прожить свиньей, как Костанжогло».

«Желал бы я быть этакой свиньей!» сказал Чичиков.

«И всё это ложь и вздор. Какие высшие потребности? Кого они надувают? Книги хоть он и заведет, но ведь их не читает. Дело окончится картами да пьянством. И всё оттого, что не задаю обедов да не занимаю им денег. Обедов я потому не даю, что это меня бы тяготило, я к этому не привык. А приезжай ко мне есть то, что я ем, – милости просим. Не даю денег взаймы – это вздор. Приезжай ко мне в самом деле нуждающийся, да расскажи мне обстоятельно, как ты распорядишься с моими деньгами. Если я увижу из твоих слов, что ты употребишь их умно и деньги

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru принесут тебе явную прибыль, я тебе не откажу и не возьму даже процентов».

«Это, однако же, нужно принять к сведению», подумал Чичиков.

«И никогда не откажу», продолжал Костанжогло. «Но бросать денег на ветер я не стану. Уж пусть меня в этом извинят! Чорт побери, он затевает там какой-нибудь обед любовнице, или на сумасшедшую ногу убирает мебели дом, или с распутницей в маскарад, – юбилей там какой-нибудь в память того, что он даром прожил <на свете>, – а ему давай деньги займы...»

Здесь Костанжогло плюнул и чуть-чуть не выговорил несколько неприличных и бранных слов в присутствии супруги. Суровая тень темной ипохондрии омрачила его лицо. Вдоль лба и воперек его собрались морщины, обличители гневного движенья взволнованной желчи.

«Позвольте мне, досточтимый мною, обратить вас вновь к предмету прекращенного разговора», сказал Чичиков, выпивая еще рюмку малиновки, которая, действительно, была отличная. «Если бы, положим, я приобрел то самое имение, о котором вы изволили упомянуть, то во сколько времени и как скоро можно разбогатеть в такой степени...»

«Если вы хотите», подхватил сурово и отрывисто Костанжогло, полный нерасположенья духа, «разбогатеть скоро, так вы никогда не разбогатеете; если же хотите разбогатеть, не спрашиваясь о времени, то разбогатеете скоро».

«Вот оно как», сказал Чичиков.

«Да», сказал Костанжогло отрывисто, точно как бы он сердился на самого Чичикова: «Надобно иметь любовь к труду. Без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство, да. И, поверьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что в деревне тоска – да я бы умер, повесился от тоски, если бы хотя один день провел в городе так, как проводят они в этих глупых своих клубах, трактирах да театрах. Дураки, дурачье, ослиное поколение! Хозяину нельзя, нет времени скучать. В жизни его и на полвершка нет пустоты, всё полнота. Одно это разнообразье занятий, и притом каких занятий! – занятий, истинно возвышающих дух. Как бы то ни было, но ведь тут человек идет рядом с природой, с временами года, соучастник и собеседник всего, что совершается в творении. Рассмотрите-ка круговой год работ: как, еще прежде, чем наступит весна, всё уж настороже и ждет ее: подготовка семян, переборка, перемерка по амбарам хлеба и пересушка; установление новых тягол. Весь [год] обсматривается вперед и всё рассчитывается в начале. А как взломает лед, да пройдут реки, да просохнет всё и пойдет взрываться земля, – по огородам и садам работает заступ, по полям соха и бороны; садка, севы и посевы. Понимаете ли, что это? Безделица! грядущий урожай сеют. Блаженство всей земли сеют. Пропитанье миллионов сеют. Наступило лето... А тут покосы, покосы. И вот закипела вдруг жатва: за рожью пошла рожь, а там пшеница, а там и ячмень, и овес. Закипело всё, кипит; нельзя пропустить минуты; хоть двадцать глаз имей, всем им работа. А как отпразднуется всё, да пойдет свозиться на гумны, складываться в клады, да зимние запашки, да чинки к зиме амбаров, риг, скотных дворов, и в то же время все бабы <работы>, да подведешь всему итог и увидишь, что сделано, – да ведь это... А зима! Молотьба по всем гумнам, перевозка перемолотого хлеба из риг в амбары. Идешь и на мельницу, идешь и на фабрики, идешь взглянуть и на рабочий двор, идешь и к мужику, как он там на себя колышется. Да для меня, просто, если плотник хорошо владеет топором, я два часа готов пред ним простоять: так веселит меня работа. А если видишь еще, что всё это с какой целью творится, как вокруг тебя всё множится да множится, принося плод да доход. Да и я рассказать не могу, что тогда в тебе делается. И не потому, что растут деньги. Деньги деньгами. Но потому, что всё это дело рук твоих; потому, что видишь, как ты всему причина, ты творец всего, и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро на всё. Да где вы найдете мне равное наслажденье?» сказал Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Как царь в день торжественного венчания своего, сиял он весь, и казалось, как бы лучи исходили из его лица. «Да в целом мире не отыщете вы подобного наслажденья. Здесь именно подражает богу человек. Бог предоставил себе дело творенья, как высшее всех наслажденье, и требует от человека также, чтобы он был подобным творцом благоденствия вокруг себя. И это называют скучным делом!»

Как пенья райской птички, заслушался Чичиков сладкозвучных хозяйских речей. Глотали слюнку его уста. Самые глаза умаслились и выражали сладость, и всё бы он

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru слушал.

«Константин! пора вставать», сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Все встали. Подставив руку коромыслом, повел Чичиков обратно хозяйку. Но уже доставало ловкости в его оборотах, потому что мысли были заняты действительно существенными оборотами.

«Что ни рассказывай, а всё, однако же, скучно», говорил, идя позади их, Платонов.

«Гость не глупый человек», думал хозяин: <1 нрзб.>, степенен в словах и не щелкопер». И, подумавши так, стал он еще веселее, как бы сам разгорелся от своего разговора, и как бы празднуя, что нашел человека, умеющего слушать умные советы.

Когда потом поместились они все в уютной комнатке, озаренной свечками, насупротив балкона и стеклянной двери в сад, и глядели к ним оттоле звезды, блиставшие [над] вершинами заснувшего сада, Чичикову сделалось так приятно, как не бывало давно. Точно как бы после долгих странствований приняла уже его родная крыша и, по совершенью всего, он уже получил всё желаемое и бросил скитальческий посох, сказавши: «довольно!» Такое обаятельное расположение навел ему на душу разумный разговор гостеприимного хозяина. Есть для всякого человека такие речи, которые как бы ближе и родственней ему других речей. И часто неожиданно, в глухом забытом захолустьи, на безлюдьи безлюдном встретишь человека, которого греющая беседа заставит позабыть тебя и бездорожье дороги, и неприятность ночлегов, и беспутность современного шума, и лживость обманов, обманывающих человека. И живо врежется, раз навсегда и навеки, проведенный таким образом вечер, и всё удержит верная память: и кто сопresentствовал, и кто на каком месте сидел, и что было в руках его, стены, углы и всякую безделушку.

Так и Чичикову заметилось всё в тот вечер: и эта милая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженье, воцарившееся в лице умного хозяина, но даже и рисунок обоев комнаты, и поданная Платонову трубка с янтарным мундштуком, и дым, который он стал пускать в толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смех миловидной хозяйки, прерываемый словами: «полно, не мучь его», и веселые свечки, и сверчок в углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, глядевшая к ним оттоле, облокотясь на вершины дерев, осыпанная звездами, оглашенная соловьями, громкопевно высвистывавшими из глубины зелено-лиственных чащей.

«Сладки мне ваши речи, досточтимый мною Константин Федорович», произнес Чичиков. «Могу сказать, что не встречал во всей России человека, подобного вам по уму».

Он улыбнулся. Он сам чувствовал, что не несправедливы были эти слова. «Нет, уж если хотите знать умного человека, так у нас действительно есть один, о котором, точно, можно сказать: умный человек, которого я и подметки не стою».

«Кто ж бы это такой мог быть?» с изумленьем спросил Чичиков.

«Это наш откупщик Муразов».

«В другой уже раз про него слышу!» вскрикнул Чичиков.

«Это человек, который не то, что именем помещика, целым государством управит. Будь у меня государство, я бы его сей же час сделал министром финансов».

«И, говорят, человек, превосходящий меру всякого вероятия: десять миллионов, говорят, нажил».

«Какое десять! перевалило за сорок! Скоро половина России будет в его руках».

«Что вы говорите!» вскрикнул Чичиков, вытаращив глаза и разинув рот.

«Всене непременно. Это ясно. Медленно богатеет тот, у кого какие-нибудь сотни тысяч, а у кого миллионы, у того радиус велик: что ни захватит, так вдвое и втрое противу самого себя. Поле-то, поприще слишком просторно. Тут уж и соперников нет. С ним некому тягаться. Какую цену чему ни назначит, такая и останется: некому перебить».

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru «Господи боже ты мой», проговорил Чичиков, перекрестившись. Смотрел Чичиков в глаза Костанжогло, – захватило дух в груди ему.

«Уму непостижимо! Каменеет мысль от страха. Изумляются мудрости промысла в рассматривании букашки; для меня более изумительно то, что в руках смертного могут обращаться такие громадные суммы. Позвольте спросить насчет одного обстоятельства: скажите, ведь это, разумеется, вначале приобретено не без греха?..»

«Самым безукоризненным путем и самыми справедливыми средствами».

«Невероятно. Если бы тысячи, но миллионы...»

«Напротив, тысячи трудно без греха, а миллионы наживаются легко. Миллионщику нечего прибегать к кривым путям. Прямой дорогой так и ступай, всё бери, что ни лежит перед тобой. Другой не подымет: всякому не по силам, нет соперников. Радиус велик, говорю: что ни захватит – вдвое или втрое противу <самого себя>. А с тысячи что? Десятый, двадцатый процент».

«И что всего непостижимей, что дело ведь началось из копейки».

«Да иначе и не бывает. Это законный порядок вещей», сказал <Костанжогло>. «Кто родился с тысячами и воспитался на тысячах, тот уже не приобретет, у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нет. Начинать нужно с начала, а не с середины, с копейки, а не с рубля, снизу, а не сверху. Тут только узнаешь хорошо люд и быт, среди которых придется потом изворачиваться. Как вытерпишь на собственной коже то да другое, да как узнаешь, что всякая копейка алтынным гвоздем прибита, да как перейдешь все мытарства, тогда тебя умудрит и вышколит <так>, что уж не дашь промаха ни в каком предприятии и не оборвешься. Поверьте, это правда. С начала нужно начинать, а не с середины. Кто говорит мне: «Дайте мне 100 тысяч, я сейчас разбогатею», я тому не поверю: он бьет наудачу, а не наверняка. С копейки нужно начинать».

«В таком случае я разбогатею», сказал Чичиков, невольно помыслив о мертвых душах: «ибо действительно начинаю с ничего».

«Константин, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать», сказала хозяйка: «а ты всё болтаешь».

«И непременно разбогатеете», сказал Костанжогло, не слушая хозяйки. «К вам потекут реки, реки золота. Не будете знать, куды девать доходы».

Как очарованный, сидел Павел Иванович; в золотой области грез и мечтаний кружились его мысли. По золотому ковру грядущих прибытков золотые узоры вышивало разыгравшееся воображение, и в ушах его отдавались слова: «реки, реки потекут зо<лота>».

«Право, Константин, Павлу Ивановичу пора спать».

«Да что ж тебе? Ну, и ступай, если захотелось», сказал хозяин и остановился, потому что громко по всей комнате раздалось храпенье Платонова, а вслед за ним Ярб затынул еще громче. Заметив, что в самом деле пора на ночлег, он растолкал Платонова, сказавши: «полно тебе храпеть», и пожелал Чичикову спокойной ночи. Все разбрелись и скоро заснули по своим постелям.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Он обдумывал, как сделаться помещиком не фантастического, но существенного имени. После разговора с хозяином всё становилось так ясно. Возможность разбогатеть казалась так очевидной. Трудное дело хозяйства становилось теперь так легко и понятно и так казалось свойственно самой его натуре! Только бы сбыть в ломбард этих мертвецов, да завести не <фантастическое поместье>. Уже он видел себя действующим и правящим именно так, как поучал Костанжогло – расторопно, осмотрительно, ничего не заводя нового, не узнавши насквозь всего старого, всё высмотревши собственными глазами, всех мужиков узнавши, все излишества от себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранее предвкушал он то удовольствие, которое будет он чувствовать, когда заведется стройный порядок и бойким ходом двинутся все пружины хозяйственной машины, деятельно толкая друг друга. Труд закипит, и подобно тому, <как> в ходкой мельнице шибко вымалывается

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru из зерна мука, пойдет вымалываться из всякого дрязгу и хламу чистоган да чистоган. Чудный хозяин так и стоял пред ним ежеминутно. Это был первый человек во всей России, к которому почувствовал он уважение личное. Доселе уважал он человека или за хороший чин, или за большие достатки. Собственно за ум он не уважал еще ни одного человека. Костанжогло был первый. Он понял, что с этим нечего подыматься на какие-нибудь штуки. Его занимал другой прожект: купить имение Хлобуева. Десять тысяч у него было; пятнадцать тысяч предполагал он попробовать занять у Костанжогло, так как он сам объявил уже, что готов помочь всякому желающему разбогатеть; остальные – как-нибудь, или заложивши в ломбард, или так просто, заставивши ждать. Ведь и это можно: ступай, возись по судам, если есть охота. И долго он об этом думал. Наконец сон, который уже целые четыре часа держал весь дом, как говорится, в объятиях, принял наконец и Чичикова в свои объятия. Он заснул крепко.

Глава IV

На другой день всё обделалось, как нельзя лучше, <Костанжогло> дал с радостью 10 тысяч без процентов, без поручительства, – просто под одну росписку. Так был он готов помогать всякому на пути к приобретенью. Он показал Чичикову всё свое хозяйство. Всё было просто и так умно. Всё было так устроено, что шло само собой. Ни минуты времени не терялось даром, ни малейшей неисправности не случалось у поселянина. Помещик, как бы всевидец какой, вдруг поднимал его на ноги. Не было ленивца нигде. Мужик... Какое умное выражение довольства <2 нрзб.>, как бороздил, сеял и пахал.

Не могло не поразить даже и Чичикова, как много наделал этот человек ти<хо>, без шуму, не сочиняя проектов и трактатов о доставлении благополучия всему чело<ечеству>, и как пропадает без плодов жизнь столичного жителя, шаркат<еля> по паркетам и любезника гостиных или прожектера, в своем закутке диктующего предписания в отда<ленном> углу государст<ва>. Чичиков совершенно пришел в восторг, и мысль сделаться помещиком утверждалась в нем всё более и более. Костанжогло, мало того, что показал ему всё, сам взялся проводить его к Хлобуеву с тем, чтобы осмотреть вместе с ним имение. Чичиков был в духе. После сытного завтрака все они отправились, севши все трое в коляску Павла Ивановича; пролетки хозяина следовали за ними порожняком. Ярб бежал впереди, сгоняя с дороги птиц. Целые 15 верст тянулись по обеим сторонам леса и пахотные земли Костанжогло. Всё провозжали леса в смешении с лугами ни одна травка не была здесь даром, всё как в божьем мире, все казалось садом. Но <1 нрзб.> невольню, когда началась земля Хлобуева: скотом объединенные кустарники на место лесов, тощая, едва подымавшаяся заглушённая куколом [рожь]. Наконец вот выглянули не обнесенные загородью ветхие избы и посреди их вчерне каменный необитаемый дом. Крыши, видно, не на что было сде<лать>. Так он и остался покрытый сверху соломой и почернел. Хозяин жил в другом доме одноэтажном. Он выбежал к ним навстречу в старом сертуке, растрепанный и <в> дырявых сапогах, заспанный и опустившийся, но было что-то доброе в лице. Обрадовался им как бог весть чему. Точно как бы увидел он братьев, с которыми надолго расстался.

«Константин Федорович! Платон Михайлович! Вот одолжили приездом. Дайте протереть глаза! А уж, право, думал, что ко мне никто не заедет. Всяк бегает меня, как чумы: думает – попросу займы. Ох, трудно, трудно, Константин Федорович. Вижу – сам всему виной. Что делать? свинья свиньей зажил. Извините, господа, что принимаю вас в таком наряде: сапоги, как видите, с дырами. Чем прикажете потчевать?»

«Без церемонии. Мы к вам за делом. Вот вам покупатель, Павел Иванович Чичиков», сказал Костанжогло.

«Душевно рад познакомиться. Дайте прижать мне вашу руку».

Чичиков дал ему обе.

«Хотел бы очень, почтеннейший Павел Иванович, показать вам имение, стоящее внимания. Да что, господа, позвольте спросить: вы обедали?»

«Обедали, обедали», сказал <Костанжогло>, желая отделаться. «Не будем мешкать и пойдем теперь же».

«Пойдем». Хлобуев взял в руки картуз. «Пойдем осматривать беспорядки и

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru беспутство мое». Гости надели на головы картузы, и все пошли улицею деревни. С обеих сторон глядели слепые лачуги, с крохотными, заткнутыми онучей <окнами>.

«Пойдем же осматривать беспорядки и беспутство мое», говорил Хлобуев. «Конечно, вы сделали хорошо, что пообедали. Поверите ли, Константин Федорович, курицы нет в доме – до того дожил». Он вздохнул и, как бы чувствуя, что мало будет участия со стороны Константина Федоровича, подхв<атил> под руку Платонова и пошел с ним вперед, прижимая крепко его к груди своей. <Костанжогло> и Чичиков остались позади и, взявшись под руки, следовали за ними в отдалении.

«Трудно, Платон Михалыч, трудно!» говорил Хлобуев Платонову. «Не можете вообразить, как трудно! Безденежье, бесхлебье, бессапожье! Ведь это для вас слова иностранного языка. Трын-трава бы это было всё, если был бы молод и один. Но когда все эти невзгоды станут тебя ломать под старость, а под боком жена, пятеро детей, – сгрустнется, поневоле сгрустнется...»

«Ну, да если вы продадите деревню – это вас поправит?» спросил Платонов.

«Какое поправит!» сказал Хлобуев, махнув рукой. «Всё пойдет на уплату долгов, а для себя не останется и тысячи».

«Так что ж вы будете делать?»

«А бог знает».

«Как же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться из таких обстоятельств?»

«Что ж предпринять?»

«Что ж, вы, стало быть, возьмете какую-нибудь должность?»

«Ведь я губернской секретарь. Какое ж мне могут дать место? Место мне могут дать ничтожное. Как мне взять жалованье пять сот? А ведь у меня жена, пятеро детей».

«Пойдите в управляющие».

«Да кто ж мне поверит имение: я промотал свое».

«Ну, да если голод и смерть грозят, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не может ли брат мой через кого-либо в городе выхлопотать какую-нибудь должность».

«Нет, Платон Михайлович», сказал Хлобуев, вздохнув и сжавши крепко его руку. «Не гожусь я теперь никуда. Одряхлел прежде старости своей, и поясница болит от прежних грехов, и ревматизм в плече. Куды мне? Что разорять казну? И без того теперь завелось много служащих ради доходных мест. Храни бог, чтобы из-за доставки мне жалованья увеличены были подати на бедное сословие».

«Вот плоды беспутного поведенья», подумал <Платонов>. «Это хуже моей спячки».

А между тем, как они так говорили между собой, Костанжогло, идя с Чичиковым позади их, выходил из себя.

«Вот смотрите», сказал Костанжогло, указывая пальцем: «довел мужика до какой бедности. Ведь ни телеги, ни лошади. Случился падеж, уж тут нечего глядеть на свое добро: тут всё свое продай да снабди мужика скотиной, чтобы он не оставался и одного дни без средств производить работу. А ведь теперь и годами не поправишь. И мужик уже изленился, загулял, сделался пьяница. Да этим только, что один год дал ему пробыть без работы, ты уж его развратил навеки: уж привык к лохмотью и бродяжничеству. А земля-то какова? разглядите землю!» говорил он, указывая на луга, которые показались скоро за избами. «Всё поемные места. Да я заведу лен, да тысяч на пять одного льну отпущу; репой засею, на репе выручу тысячи четыре. А вон смотрите, по косогору рожь поднялась; ведь это всё падаль. Он хлеба не сеял – я это знаю. А вон овраги, да здесь я заведу такие леса, что ворон не долетит до вершины. И этакое сокровище-землю бросить. Ну уж если нечем было пахать, так заступом под огород вспахай. Огородом бы взял. Сам возьми в руку заступ, жену, детей, дворню заставь; безделица! умри, скотина <?>, на работе. Умрешь, по крайней мере, исполняя долг, а не то, обожравшись, – свиньей

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru за обедом». Сказавши это, плюнул <Костанжогло>, и желчное расположение осенило сумрачным облаком его чело.

Когда подошли они ближе и стали над крутизной, обросшей чилизником, и вдали блеснул извив реки и темный отрог, и в перспективе ближе показалась часть скрывавшегося в рощах дома генерала Бетрищева, а за ним лесом обросшая, курчавая гора, пылившая синеватою пылью отдаления, по которой вдруг догадался Чичиков, что это должно быть Тентетников, <он сказал>: «Здесь, если завести леса, деревен<ский> вид может превзойти красотой...»

«А вы охотник до видов?» спросил Костанжогло, вдруг на него взглянув строго. «Смотрите, погонитесь так за видами, останетесь без хлеба и без видов. Смотрите на пользу, а не на красоту. Красота сама придет. Пример вам города: лучше и красивее до сих пор города, которые сами построились, где каждый строился по своим надобностям и вкусам. А те, которые выстроились по шнурку, – казармы казармами... В сторону [красоту], смотрите на потребности».

«Жалко то, что долго нужно дожидаться. Так бы хоть раз<?> увидеть всё в том виде, как хочется».

«Да что вы 25-летний разве юноша? Вертун, петербургский чиновник. Чудно! <?> Терпенье. 6 лет работайте сряду; садите, сейте, ройте землю, не отдыхая ни на минуту. Трудно, трудно. Но зато потом, как расшевелите хорошенько землю, да станет она помогать вам сама, – так это не то, что какой-нибудь мил<лион>; нет, батюшка, у вас, сверх ваших каких-нибудь 70-ти рук, будут работать 700 невидимых. Всё вдесятеро. У меня теперь ни пальцем не двинут – всё делается само собою. Да, природа любит терпение: и это закон, данный ей самим богом, ублажавшим терпеливых».

«Слушая вас, чувствуешь прирост сил. Дух воздвигается».

«Вона земля как вспахана!» вскрикнул Костанжогло с едким чувством прискорбья, показывая на косогор. «Я не могу здесь больше оставаться: мне смерть – глядеть на этот беспорядок и запустенье. Вы теперь можете с ним покончить и без меня. Отберите у этого дурака поскорее сокровище. Он только бесчестит божий дар». И, сказавши это, Костанжогло уже омрачился желчным расположением взволнованного духа; простился с Чичиковым и, нагнавши хозяина, стал также прощаться.

«Помилуйте, Константин Федорович», говорил удивленный хозяин: «только что приехали – и назад».

«Не могу. Мне крайняя надобность быть дома», сказал <Костанжогло>. Простился, сел и уехал на своих пролетках.

Казалось, как будто Хлобуев понял причину его отъезда.

«Не выдержал Константин Федорович», сказал он: «не весело такому хозяину, каков он, глядеть на такое беспутное управленье. Поверьте, Павел Иванович, что даже хлеба не сеял в этом году. Как честный человек. Семян не было, не говоря уж о том, что нечем пахать. Противно смотреть на меня, на мои[6] Ваш братец, Платон Михайлович, говорят, отличный хозяин. О Константине Федоровиче что уж говорить, Наполеон своего рода. Часто, право, думаю: ну, зачем столько ума дается в одну голову? Ну, что бы хоть каплю его в мою глупую! Тут, смотрите, господа, осторожнее через мост, чтоб не булдыхнуть в лужу. Доски весною приказывал поправить. Жаль больше всего мне мужичков бедных; им нужен пример, но с меня что за пример? Что прикажете делать? Возьмите их, Павел Иванович, в свое распоряжение. Как могу приучить их к порядку, когда сам беспорядочен? Я бы их отпустил давно на волю, но из этого не будет никакого толка. Вижу, что прежде нужно привести их в такое состояние, чтобы умели жить. Нужен строгий справедливый человек, который пожил с ними долго и собственным примером неутомимой деятельности...[7] Русской человек, вижу по себе, не может без понукателя... Так и задремлет, так и закиснет».

«Странно», сказал Платонов: «отчего русской человек способен так задремать и закиснуть, что, если не смотришь за простым человеком, делается и пьяницей, и негодяем».

«От недостатка просвещения», заметил Чичиков.

«Бог весть, отчего. Ведь вот мы просветились, слушали в университете, а на что годимся? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только не выучился, а еще больше выучился искусству побольше издерживать деньги на всякие новые утонченности да больше познакомился с такими предметами, на которые нужны деньги. Выучился только издерживаться на всякой комфорт. Оттого ли, что я бестолково учился? Нет, ведь так и другие товарищи. Два, три человека извлекли себе настоящую пользу, да и то оттого, может быть, что и без того были умны, а прочие ведь только и стараются узнать то, что портит здоровье да и выманивает деньги. Ей-богу. А что я уж думаю иной раз, право, мне кажется, что будто русской человек – какой-то пропащий человек. Хочешь всё сделать – и ничего не можешь. Всё думаешь: с завтрашнего дни начнешь новую жизнь. С завтрашнего дни сядешь на диету – ничуть не бывало: к вечеру того же дни так объешься, что только хлопаешь глазами, и язык не ворочается; как сова сидишь, глядя на всех, право. И этак все».

«Да», сказал Чичиков, усмехнувшись: «эта история бывает».

«Мы совсем не для благоразумия рождены. Я не верю, чтобы из нас был кто-нибудь благоразумным. Если я вижу, что иной даже и порядочно живет, собирает и копит деньги, не верю я и тому. На старости и его чорт попутает: спустит потом всё вдруг. И все так, право, и просвещенные и непросвещенные. Нет, чего-то другого недостает, а чего, и сам не знаю».

Так говоря, обошли они избы, потом проехали в коляске по лугам. Места были бы хороши, если бы не были вырублены. Открылись виды; в стороне засинел бок возвышенностей тех самых, где еще недавно был Чичиков. Но ни деревни Тентетникова, ни генерала Бетрищева нельзя было видеть. Они были заслонены горами. Опустившись вниз к лугам, где был один только ивняк и низкий топольник, высокие деревья были срублены. Они навестили плохую водяную мельницу, видели реку, по которой бы можно было сплавить, если б только было что сплавить. Изредка кое-где паслась тощая скотина. Обсмотревши, не вставая с коляски, они воротились снова <в> деревню, где встретили на улице мужика, который, почесав у себя рукою пониже <спины>, так зевнул, что перепугал даже старостиных индеек. Зевота была видна на всех строениях; крыши также зевали. Платонов, глядя на них, зевнул. Заплата на заплате. На одной избе вместо крыши лежали целиком ворота. В хозяйстве исполнялась система Тришкина кафтана: отрезывать обшлага и фалды на заплату локтей.

«Вот оно как у меня», сказал Хлобуев. «Теперь посмотрим дом», и повел их в жилые покои дома. Чичиков думал и там встретить лохмотье и предметы, возбуждающие зевоту, но, к изумлению, в жилых покоях было прибрано. Вошедши в комнаты дома, они были поражены как бы смешением нищеты с блестящими безделушками позднейшей роскоши. Какой-то Шекспир сидел на чернильнице; на столе лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себе самому спины. Встретила их хозяйка, одетая со вкусом по последней моде. Четверо детей, также одетых хорошо, и при них даже гувернантка; они были все миловидны, но лучше бы оделись в пестрядевые юбки, простые рубашки и бегали себе по двору и не отличались ничем от крестьянских детей. К хозяйке скоро приехала гостя, какая-то пустомеля и болтуня. Дамы ушли на свою половину. Дети убежали вслед за ними. Мужчины остались одни.

«Так какая же будет ваша цена?» сказал Чичиков. «Спрашиваю, признаться, чтобы услышать крайнюю, последнюю цену, ибо поместье в худшем положении, чем ожидал».

«В самом скверном, Павел Иванович», сказал Хлобуев. «И это еще не всё. Я не скрою: из ста душ, числящихся по ревизии, только пятьдесят в живых; так у нас распорядилась холера. Прочие отлучились беспашпортно. Так что почитайте их как бы умершими. Так что если их вытребовать по судам, так всё имение останется по судам. Потому-то я и прошу всего только тридцать <пять> тысяч».

Чичиков стал, разумеется, торговаться.

«Помилуйте, как же тридцать пять, за этакое тридцать пять. Ну, возьмите 25 тысяч».

Платонову сделалось совестно. «Покупайте, Павел Иванович», сказал он. «За именье можно всегда дать эту <цену>. Если вы не дадите за него тридцати <пяти> тысяч, мы с братом складываемся и покупаем».

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
«Очень хорошо, согласен», сказал Чичиков, испугавшись. «Хорошо, только с тем, чтобы половину денег через год».

«Нет, Павел Иванович, это-то уж никак не могу. Половину мне дайте теперь же, а остальные через 15 дней. Ведь мне эти же самые деньги выдаст ломбард. Было бы только чем пьявок кормить».

«Как же, право? я уж не знаю, у меня всего-навсего теперь десять тысяч», сказал Чичиков, – сказал и соврал: всего у него было двадцать, включая деньги, занятые у Костанжогло; но как-то жалко так много дать за одним разом.

«Нет, пожалуйста, Павел Иванович. Я говорю, что необходимо мне нужны пятнадцать тысяч».

«Я вам займу 5 тысяч», подхватил <Платонов>.

«Разве эдак», сказал Чичиков и подумал про себя: «А это, однако же, кстати, что он дает займы». Из коляски была принесена шкатулка, и тут же было из нее вынуто 10 000 Хлобуеву; остальные же пять тысяч обещано было привезти ему завтра; то есть, обещано, предполагалось же привезти три, другие – потом, денька через два или три, а если можно, то и еще несколько просрочить. Павел Иванович как-то особенно не любил выпускать из рук денег. Если ж настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То есть, он поступал, как все мы. Ведь нам приятно же поводить просителя. Пусть его натрет себе спину в передней. Будто уж и нельзя подождать ему. Какое нам дело до того, что, может быть, всякой час ему дорог и терпят от того дела его: приходи, братец, завтра, а сегодня мне как-то некогда.

«Где ж вы после этого будете жить?» спросил Платонов Хлобуева. «Есть у вас другая деревушка?»

«Да в город нужно переезжать: там есть у меня домишка. Это для детей: им нужны будут учителя. Пожалуй, здесь еще можно достать учителя закону божию; музыке, танцованью ни за какие деньги [нельзя] достать».

«Куска хлеба нет, а детей учит танцованью», подумал Чичиков.

«Странно!» подумал Платонов.

«Однако ж нужно нам чем-нибудь вспрыснуть сделку», сказал Хлобуев. «Ей, Кирюшка, принеси, брат, бутылку шампанского».

«Куска хлеба нет, а шампанское есть», подумал Чичиков.

Платонов не знал, что и думать.

Шампанским <Хлобуев> обзавелся по необходимости. Он послал в город: что делать? в лавочке не дают квасу в долг без денег, а пить хочется. А француз, который недавно приехал с винами из Петербурга, всем давал в долг. Нечего делать, нужно было брать бутылку шампанского.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуев развязался; стал мил и умен, сыпал остротами и анекдотами. В речах его обнаружилось столько познания людей и света! Так хорошо и верно видел он многие вещи! Так метко и ловко очерчивал немногими словами соседей-помещиков, так видел ясно недостатки и ошибки всех. Так хорошо знал историю разорившихся бар: и почему, и как, и отчего они разорились; так оригинально и смешно умел передавать малейшие их привычки, – что они оба были совершенно обворожены его речами и готовы были признать его за умнейшего человека.

«Мне удивительно», сказал Чичиков: «как вы, при таком уме, не найдете средств и оборотов?»

«Средства-то есть», сказал Хлобуев, и тут выгрузил им целую кучу прожектов. Все они были до того нелепы, так странны, так мало истекали из познания людей и света, что оставалось пожимать только плечами да говорить: «Господи боже, какое необъятное расстояние между знанием света [и умением пользоваться этим знанием!]» Всё основывалось на потребности достать откуда-нибудь вдруг сто или

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru двести тысяч. [Тогда], казалось ему, всё бы устроилось, как следует, и хозяйство бы пошло, и прорехи все бы заплатались, и доходы можно учетверить, и себя привести в возможность выплатить все долги. И оканчивал он речь свою: «Но что прикажете делать? Нет да и нет такого благодетеля, который бы решился дать двести или хоть сто тысяч займа. Видно, уж бог не хочет».

«Еще бы», подумал Чичиков, «этакому дураку послал бог двести тысяч».

«Есть у меня, пожалуй, трехмиллионная тетушка», сказал Хлобуев: «старушка богомольная: на церкви и монастыри дает, но помогать ближнему тугенька. Прежних времен тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней одних канареек сотни четыре. Моськи, приживалки и слуги, каких уж теперь нет. Меньшому из слуг будет лет под 60, хоть она и зовет его: «Эй, малый!» Если гость как-нибудь себя не так поведет, так она за обедом прикажет обнести его блюдом. И обнесут. Вот какая».

Платонов усмехнулся.

«А как ее фамилия и где проживает?» спросил Чичиков.

«Живет она у нас же в городе, Александра Ивановна Ханасарова».

«Отчего ж вы не обратитесь к ней?» сказал с участием Платонов. «Мне кажется, если бы она вошла в положение вашего семейства, она бы не могла отказать».

«Ну, нет, может. У тетушки натура крепковата. Это старушка-кремень, Платон Михайлович! Да к тому ж есть и без меня угодники, которые около нее увиваются. Там есть один, который метит в губернаторы; приплелся ей в родню. Сделай мне такое одолжение», сказал он вдруг, обратясь <к Платонову>: «на будущей неделе я даю обед всем сановникам в городе...»

Платонов растопырил глаза. Он еще не знал того, что на Руси, в городах и столицах, водятся такие мудрецы, которых жизнь совершенно необъяснимая загадка. Всё, кажется, прожил, кругом в долгах, ниоткуда никаких средств, а задает обед; и все обедающие говорят, что это последний, что завтра же хозяина потащут в тюрьму. Проходит после того 10 лет, мудрец всё еще держится на свете, еще больше прежнего кругом в долгах, и так же задает обед, на котором все обедающие думают, что он последний, и все уверены, что завтра же потащут хозяина в тюрьму.

Дом <Хлобуева> в городе представлял необыкновенное явление. Сегодня поп в ризах служил там молебен; завтра давали репетицию французские актеры. В иной день ни крошки хлеба нельзя было отыскать; в другой – хлебосольный прием всех артистов и художников и великодушная подача всем. Бывали такие подчас тяжелые времена, что другой давно бы на его месте повесился или застрелился; но его спасало религиозное настроение, которое странным образом совмещалось в нем с беспутною его жизнью. В эти горькие минуты читал <он> жития страдальцев и тружеников, воспитывавших дух свой быть превыше несчастий. Душа его в это время вся размягчалась, умилялся дух, и слезами исполнялись глаза его. Он молился, и – странное дело! – почти всегда приходила к нему откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь из старых друзей его вспоминал о нем и присылал ему деньги; или какая-нибудь проезжая незнакомка, нечаянно услышав о нем историю, с стремительным великодушьем женского сердца присылала ему богатую подачу; или выигрывалось где-нибудь в пользу его дело, о котором он никогда и не слышал. Благоговейно признавал он тогда необъятное милосердие провиденья, служил благодарственный молебен и вновь начинал беспутную жизнь свою.

«Жалок он мне, право жалок», сказал Чичикову Платонов, когда они, простившись с ним, выехали от него.

«Блудный сын!» сказал Чичиков. «О таких людях и жалеть нечего».

И скоро они оба перестали о нем думать: Платонов – потому, что лениво и полусонно смотрел на положенья людей, так же, как и на всё в мире. Сердце его сострадало и щемило при виде страданий других, но впечатленья как-то не впечатлывались глубоко в его душе. Чрез несколько минут он не думал о Хлобуеве. Он потому не думал о Хлобуеве, что и о себе самом не думал. Чичиков потому не думал о Хлобуеве, что, в самом деле, его все мысли были заняты не на шутку приобретенною покупкою. «Как <бы> то ни было, но, очутившись вдруг, после фантастического, настоящим, действительным владельцем уже не фантастического

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru имения, он стал задумчив, и предположенья и мысли стали степенней и давали невольно значительное выражение лицу. «Терпенье! Труд! Вещь нетрудная: с ними я познакомился, так сказать, с пелен детских. Мне они не в новость. Но станет ли теперь, в эти годы, столько терпенья, сколько в молодости?» Как бы то ни было, он думал о том, как последуют <?> посевы, как он бросит все глупые затеи, как будет рано вставать по утрам, как до восхода солнца распорядится, как будет весело глядеть на это возрастанье и процветанье имения; как весело потом глядеть и на детей. «Право, это настоящая жизнь. Прав Костанжогло». И самое лицо Чичикова стало как бы становиться лучше от этих мыслей. Так уже одно помышление о законном <?> облагораживает человека. Но, как всегда бывает с человеком, вдруг вслед за одной мыслию налетела противоположная. «А можно поступить даже и так», подумал <Чичиков>: «что сначала выпродав по частям лучшие земли, заложить потом имение в ломбард вместе с мертвецами. Можно даже и самому улизнуть, не заплатив даже и Костанжогло». Странная мысль, не то, чтобы Чичиков возымел <ее>, но она вдруг, сама собой, предстала, дразня, и усмехаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! Егоза! И кто творец этих вдруг набегających мыслей? Словом, во всяком случае покупка <была выгодна>. Он почувствовал удовольствие, – удовольствие от того, что стал теперь помещиком, – помещиком не фантастическим, но действительным, помещиком, у которого есть уже и земли, и уголья, и люди. Люди не мечтательные, в воображеньи пребываемые, но существующие. И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подмигивать себе самому.

«Стой», закричал вдруг кучеру его сотоварищ. Слово это заставило его очнуться и осмотреться вокруг себя: они уже давно ехали прекрасною рощей; миловидная березовая ограда тянулась у них справа и слева. Белые <стволы> лесных берез и осин, блестя [как] снежный часток, стройно и легко возносились на нежной зелени недавно развившихся листьев. Соловьи взапуски громко щелкали из рощи. Лесные тюльпаны желтели в траве. Он не мог себе дать отчета, как он успел очутиться в этом прекрасном месте, когда еще недавно были открытые поля. Между дерев мелькала белая каменная церковь, а на другой стороне выказалась из рощи решетка. В конце улицы показался господин, шедший к ним навстречу, в картузе, с суковатой палкой в руках. Аглицкой пес, на высоких тонких ножках, бежал перед ним.

«А вот и брат», сказал Платонов. «Кучер, стой». И вышел из коляски, Чичиков также. Псы уже успели облобызаться. Тонконогой, проворный Азор лизнул проворным языком своим Ярба в морду, потом лизнул Платонову руки, потом вскочил на Чичикова и лизнул его в ухо.

Братья обнялись.

«Помилуй, Платон, что это ты со мною делаешь?» сказал остановившийся брат, которого звали Василием.

«Как что?» равнодушно отвечал Платон.

«Да как же в самом деле: три дни от тебя ни слуху, ни духу. Конюх от Петуха привел твоего жеребца. «Поехал», говорит, «с каким-то барином». Ну, хоть бы слово сказал: куды, зачем, на сколько времени? Помилуй, братец, как же можно этак поступать? А я бог знает чего не передумал в эти дни».

«Ну, что ж делать? позабыл», сказал Платонов. «Мы заехали к Константину Федоровичу. Он тебе кланяется, сестра также. Павел Иванович, рекомендую вам: брат Василий. Брат Василий, это Павел Иванович Чичиков».

Оба приглашенные ко взаимному знакомству пожали друг другу руки и, снявши картузы, поцеловались.

«Кто бы такой был этот Чичиков?» думал брат Василий. «Брат Платон на знакомства неразборчив». И оглянул он Чичикова, насколько позволяло приличие, и увидел, что это был человек, по виду, очень благонамеренный.

С своей стороны, Чичиков оглянул также, насколько позволяло приличие, брата Василия и увидел, что брат пониже Платона, волосом темней его и лицом далеко не так красив, но в чертах его лица было гораздо больше жизни и одушевления, больше сердечной доброты. Но на эту часть Павел Иванович мало обращал вниманья. Видно было, что он меньше дремал.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
«Я решился, Вася, проездиться вместе с Павлом Ивановичем по святой Руси. Авось-либо это размычет хандру мою».

«Как же так вдруг решился...» сказал озадаченный брат Василий; и он чуть было не прибавил: «И еще ехать с человеком, которого видишь в первый раз, который, может быть, и дрянь, и чорт знает что». Полный недоверия, он оглянул искоса Чичикова и увидел благоприличие изумительное.

Они повернули направо в ворота. Двор был старинный; дом тоже старинный, каких теперь не строят, с навесами, под высокой крышей. Две огромные липы, росшие посреди двора, покрывали почти половину его своею тенью. Под ними было множество деревянных скамеек. Цветущие сирени и черемухи бисерным ожерельем обходили двор вместе с оградой, совершенно скрывавшейся под их цветами и листьями. Господский дом был совершенно закрыт, только одни двери и окна миловидно глядели сквозь их ветви. Сквозь прямые, как стрелы, лесины дерев белели, сквозили кухни, кладовые и погреба. Всё было в роще. Соловьи высвистывали громко, оглашая всю рощу. Невольно вносилось в душу какое-то безмятежное, приятное чувство. Так и отзывалось всё теми беззаботными временами, когда жилось всем добродушно и всё было просто и несложно. Брат Василий пригласил Чичикова садиться. Они сели на скамьях под липами.

Парень, лет 17, в красивой рубашке розовой ксандрейки, принес и поставил перед ними графины с разноцветными фруктовыми квасами всех сортов, то густыми, как масло, то шипевшими, как газовые лимонады. Поставивши графины, схватил он заступ, стоявший у дерева, и ушел в сад. У братьев Платоновых так же, как и у зятя Костанжогло, собственно слуг не было: они были все садовники, или, лучше сказать, слуги были, но все дворовые исправляли по очереди эту должность. Брат Василий все утверждал, что слуги не сословие. Подать что-нибудь может всякой, и для этого не стоит заводить особых людей; что будто русской человек потуда хорош и расторопен и не лентяй, куда он ходит в рубашке и зипуне; но что, как только заберется в немецкой сертук, станет вдруг неуклюж и нерасторопен, и лентяй, и рубашки не переменяет, и в баню перестает вовсе ходить, и спит в сертуке, и заведутся у него под сертуком немецким и клопы, и блох несчетное множество. В этом, может быть, он был и прав. В деревне их народ одевался особенно щеголевато: кички у женщин были все в золоте, а рукава на рубахах – точные коймы турецкой шали.

«Это квасы, которыми издавна славится наш дом», сказал брат Василий.

Чичиков налил стакан из первого графина – точно липец, [8] который он некогда пивал в Польше; игра как у шампанского, а газ так и шибнул приятным крючком изо рта в нос. «Нектар!» сказал он. Выпил стакан от другого графина – еще лучше.

«Напиток напитков!» сказал Чичиков. «Могу сказать, что у почтеннейшего вашего зятя, Константина Федоровича, пил первейшую наливку, а у вас первейший квас».

«Да ведь и наливка тоже от нас. Ведь это сестра завела. Мать моя была из Малороссии, из-под Полтавы. Теперь все позабыли хозяйство вести сами. В какую же сторону и в какие места предполагаете ехать?» спросил брат Василий.

«Еду я», сказал Чичиков, слегка покачиваясь на лавке и рукой поглаживая себя по колену, «не столько по своей нужде, сколько по нужде другого. Генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, благодетель, просил навестить родственников. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, так сказать, и для самого себя, ибо, не говоря уже о пользе в гемороидальном отношении, видеть свет и коловращенье людей есть уже само по себе, так сказать, живая книга и вторая наука».

Брат Василий задумался. «Говорит этот человек несколько витиевато, но в словах его, однако ж, есть правда», подумал <он>. Несколько помолчав, сказал он, обратясь к Платону: «Я начинаю думать, Платон, что путешествие может, точно, расшевелить тебя. У тебя не что другое, как душевная спячка. Ты, просто, заснул. И заснул не от пресыщения или усталости, но от недостатка живых впечатлений и ощущений. Вот я совершенно напротив. Я бы очень желал не так живо чувствовать и не так близко принимать к сердцу всё, что ни случается».

«Вольно ж принимать всё близко к сердцу», сказал Платон. «Ты выискиваешь себе беспокойства и сам сочиняешь себе тревоги».

«Как <сочинять>, [9] когда и без того на всяком шагу неприятность?» сказал Василий. «Слышал ты, какую без тебя сыграл с нами штуку Леницын? – Захватил пустошь. Во-первых, пустоши этой я ни за какие деньги [10] Здесь у меня крестьяне празднуют всякую весну красную горку. С ней связаны воспоминания деревни. А для меня обычай – святая вещь и за него готов пожертвовать всем».

«Не знает, потому и захватил», сказал Платон: «человек новый, только что приехал из Петербурга – ему нужно объяснить, растолковать».

«Знает, очень знает. Я посылаю ему сказать, но он отвечал грубостью».

«Тебе нужно было съездить самому, растолковать. Переговори с ним сам».

«Ну, нет. Он чересчур уже заважничал. Я к нему не поеду. Изволь, поезжай сам, если хочешь, ты».

«Я бы поехал, но ведь я не мешаюсь. Он может меня и провести, и обмануть».

«Да если угодно, так я поеду», сказал Чичиков: «скажите дельцо».

Василий взглянул на него и подумал: «Экой охотник ездить».

«Вы мне подайте только понятие, какого рода он человек», сказал Чичиков: «и в чем дело».

«Мне совестно наложить на вас такую неприятную комиссию. Человек он, по-моему, дрянный: вы<служился> из простых мелкопоместных дворян нашей губернии, женившись на чьей-то побочной дочери, и заважничал. Тон задает. Да у нас народ живет не глупый. Мода нам не указ, а Петербург не церковь».

«Конечно», сказал Чичиков: «а дело в чем?»

«Видите ли? ему, точно, нужна <земля>. Да если бы он не так поступал, я бы с охотой отвел в другом месте даром земли, не то что пустошь. А теперь... Занозистый человек подумает...»

«По-моему, лучше переговорить: может быть, дело-то <... >; Мне поручали дела и не раскаивались. Вот тоже и генерал Бетрищев...»

«Но мне совестно, что вам придется говорить с таким человеком». [11]

«[12] и наблюдая особенно, чтоб это было втайне», сказал Чичиков: «ибо не столько самое преступление, сколько соблазн вредоносен».

«А, это так, это так», сказал Леницын, наклонив совершенно голову на бок.

«Как приятно встретить единомыслие!» сказал Чичиков. «Есть и у меня дело, и законное, и незаконное вместе: с виду незаконное, в сущности законное. Имея надобность в залогах, никого не хочу вводить в риск платежом по два рубля за живую душу. Ну, случится, лопну, – чего боже сохрани, – неприятно ведь [будет] владельцу, я и решился воспользоваться беглыми и мертвыми, еще не вычеркнутыми из ревизии, чтобы за одним разом сделать и христианское дело, и снять с бедного владельца тягость уплаты за них податей. Мы только между собой сделаем формальным образом купчую, как на живые».

«Это, однако же, что-то такое престранное», подумал Леницын и отодвинулся со стулом немного назад. «Да дело-то, однако же, такого рода...» начал <он>.

«А соблазну не будет, потому что втайне», отвечал Чичиков: «и притом между благонамеренными людьми».

«Да все-таки, однако же, дело как-то...»

«А соблазну никакого», отвечал весьма прямо и открыто Чичиков. «Дело такого рода, как сейчас рассуждали: между людьми благонамеренными, благоразумных лет и, кажется, хорошего чину, и притом втайне», и говоря это, глядел он открыто и благородно ему в глаза.

Как ни был изворотлив Леницын, как ни был сведущ вообще в делопроизводствах, но тут он как-то совершенно пришел в недоуменье, тем более, что каким-то странным образом он как бы запутался в собственные сети. Он вовсе не был способен на несправедливости и не хотел бы сделать ничего несправедливого, даже и втайне. «Экая удивительная оказия», думал он про себя. «Прошу входить в тесную дружбу даже с хорошими людьми! Вот тебе и задача!»

Но судьба и обстоятельства как бы нарочно благоприятствовали Чичикову. Точно за тем, чтобы помочь этому затруднительному делу, вошла в комнату молодая хозяйка, супруга Леницына, бледная, худенькая, низенькая, но одетая по-петербургскому, большая охотница до людей *comme il faut*. За нею был вынесен на руках мамкой ребенок-первенец, плод нежной любви недавно бракосочетавшихся супругов. Ловким подходом с приспосабливанием и наклоном головы на бок, Чичиков совершенно обворожил петербургскую даму; а вслед за нею и ребенка. Сначала тот было разревелся, но словами: «Агу, агу, душенька», и прищелкиванием пальцев, и красотой сердоликовой печатки от часов Чичикову удалось его переманить к себе на руки. Потом он начал его приподнимать к самому потолку и возбудил этим в ребенке приятную усмешку, чрезвычайно обрадовавшую обоих родителей. Но, от внезапного удовольствия или чего-либо другого, ребенок вдруг повел себя нехорошо.

«Ах, боже мой!» вскрикнула жена Леницына: «он вам испортил весь фрак!»

Чичиков посмотрел: рукав новешенького фрака был весь испорчен. «Пострел бы тебя взял, чертенок!» подумал он всердцах.

Хозяин, хозяйка, мамка, все побежали за одеколоном: со всех сторон принялись его вытирать.

«Ничего, ничего, совершенно ничего», говорил Чичиков, стараясь сообщить лицу своему, сколько возможно, веселое выражение. «Может ли что испортить ребенок в это золотое время своего возраста!» повторял он; а в то же время думал: «Да ведь как, бестия, волки б его съели, метко обделал, канальчонок проклятый!»

Это, повидимому, незначительное обстоятельство совершенно преклонило хозяина в пользу дела Чичикова. Как отказать такому гостю, который оказал столько невинных ласк малютке и великодушно поплатился за то собственным фраком? Чтобы не подать дурного примера, решились решить дело секретно, ибо не столько самое дело, сколько соблазн вредоносен.

«Позвольте ж и мне, в вознаграждение за услугу, заплатить вам также услугой. Хочу быть посредником вашим по делу с братьями Платоновыми. Вам нужна земля, не так ли?»

<заключительная глава>[13]

Всё на свете обделывает свои дела. Что кому требует, тот то и тербит, говорит пословица. Путешествие по сундукам произведено было с успехом, так что кое-что от этой экспедиции перешло в собственную шкатулку. Словом, благоразумно было обстроено. Чичиков не то, чтобы украл, но попользовался. Ведь всякой из нас чем-нибудь попользуется: тот казенным лесом, тот экономическими суммами, тот крадет у детей своих ради какой-нибудь приезжей актрисы, тот у крестьян ради мебели Гамбса или кареты. Что ж делать, если завелось так много всяких заманок на свете? И дорогие рестораны с сумасшедшими ценами, и маскарады, и гулянья, плясанья с цыганками. Ведь трудно удержаться, если все со всех сторон делают то же, да и мода велит – изволь удержаться, если нельзя же всегда удерживать себя. Человек не бог. Так и Чичиков, подобно размножившемуся количеству людей, любящих всякой комфорт, поворотил дело в свою пользу. Конечно, следовало бы выехать вон из города, но дороги испортились. В городе между тем готова была начаться другая ярманка – собственно дворянская. Прежняя была больше конная, скотом, сырыми произведениями, да разными крестьянскими, скупаемыми прасолами и кулаками. Теперь же всё, что куплено на Нижегородской ярманке краснопродавцами панских товаров, привезено сюда. Наехали истребители русских кошелев, французы с помадами и француженки с шляпками, истребители добытых кровью и трудами денег – эта египетская саранча, по выражению Костанжогло, которая, мало того, что всё сожрет, да еще и яиц после себя оставит, зарывши их в землю.

Только неурожай да несчастный в самом <... >[14] удержали многих помещиков по

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru деревням. Зато чиновники, как не терпящие неурожая, развернулись; жены их, на беду, также. Начитавшись разных книг, распущенных в последнее время с целью внушить всякие новые потребности человечеству, возымели жажду необыкновенную испытать всяких новых наслаждений. Француз открыл новое заведение – какой-то дотолес неслыханный в губернии воксал, с ужином, будто бы по необыкновенно дешевой цене и половину на кредит. Этого было достаточно, чтобы <не только> столоначальники, но даже и все канцелярские, в надежде на будущие взятки с просителей[15] зародилось желанье пощеголять друг пред другом лошаадьми и кучерами. Уж это столкновение сословий для увеселения!.. Несмотря на мерзкую погоду и слякоть, щегольские коляски пролетали взад и вперед. Откуда взялись они, бог весть, но в Петербурге не подгадали бы. Купцы, приказчики, ловко приподымая шляпы, запрашивали барыш. Редко где видны были бородачи в меховых горлатных шапках. Всё было европейского вида с бритыми подбородками, всё исчахлое <?>, и с гнилыми зубами.

«Пожалуйте, пожалуста. Да уж извольте только взойти-с в лавку. Господин, господин!» покрикивали кое-где мальчишки.

Но уж на них с презрением смотрели познакомленные с Европой посредники, изредка только с чувством достоинства произносили: «Штакет», или: «Здесь сукны зибер, клер и черные».

«Есть сукна брусничных цветов с искрой?» спросил Чичиков.

«Отличные сукна», сказал купец, приподнимая одной рукой картуз, а другой указывая на лавку. Чичиков взошел в лавку. Ловко приподнял доску стола <?> и очутился на другой стороне его, спиной к товарам, вознесенным от низу до потолка, штука на штуке, и – лицом к покупателю. Опершись ловко обеими руками и слегка покачиваясь на них всем корпусом, произнес: «Каких сукон пожелаете?»

«С искрой оливковых или бутылочных, приближающихся», так сказать, к бруснике», сказал Чичиков.

«Могу сказать, что получите первейшего сорта, лучше которого только в просвещенных столицах можно найти. Малый, подай сукно сверху, что за 34 номером <?>. Да не то, братец. Что ты вечно выше своей сферы, точно пролетарий какой! Бросай его сюда. Вот суконцо». И, разворотивши его с другого конца, купец поднес Чичикову к самому носу, так что тот мог не только погладить рукой шелковистый лоск, но даже и понюхать.

«Хорошо, но всё не то», сказал Чичиков. «Ведь я служил на таможне, так мне высшего сорта, какое есть, и притом больше искрасна, не к бутылке, но к бруснике чтобы приближалось».

«Понимаю-с, вы истинно желаете такого цвета, какой нонче в Пе<тербурге> входит. Есть у меня сукно отличнейшего свойства. Предупеждаю, что высокой цены, но и высокого достоинства».

Европеец полез. Штука упала. Развернул он ее с искусством прежних времен, даже на время позабыв, что он принадлежит уже к позднему поколению, и поднес к свету, даже вышедши из лавки, и там его показал, прищурясь <?> к свету и сказавши: «Отличный цвет. Сукно наваринского дыму с пламенем».

Сукно понравилось; о цене условились, хотя она и «с прификсом», как утверждал купец. Тут произведено было ловкое дранье обеими руками. Заворочено оно было в бумагу, по-русски, с быстротой невероятной. Сверток завертелся под легкой бичевкой, охватившей его животрепещущим узлом. Ножницы перерезали бичевку, и всё было уже в коляске. Купец приподымал картуз. Приподымающий картуз <1 нрзб.> за причину: он вынул из кармана деньги.

«Покажите черного сукна», раздался голос.

«Вот, чорт побери, Хлобуев», сказал про себя Чичиков и поворотился, чтобы не видать его, находя неблагоприятным с своей <стороны> заводить с ним какое-либо объяснение насчет наследства. Но <он> уже его увидел.

«Что это, право, Павел Иванович, не с умыслом ли уходите от меня? Я вас нигде не могу найти, а ведь дела такого <рода?>, что нам нужно серьезно переговорить».

«Почтеннейший, почтеннейший», сказал Чичиков, пожимая ему руки: «поверьте, что всё хочу с вами побеседовать, да времени совсем нет». А сам думал: «Чорт бы тебя побрал». И вдруг увидел входящего Муразова. «Ах, боже, Афанасий Васильевич. Как здоровье ваше?»

«Как вы?» сказал Муразов, снимая шляпу. Купец и Хлобуев сняли шляпу.

«Да вот поясница, да и сон как-то всё не то. Уж от того ли, что мало движения».

Но Муразов, вместо того, <чтобы углубиться> в причину припадков Чичикова, обратился к Хлобуеву: «А я, Семен Семенович, увидавши, что вы зошли в лавку, – за вами. Мне нужно кое-о-чем переговорить, так не хотите ли заехать ко мне?»

«Как же, как же», сказал поспешно Хлобуев и вышел с ним.

«О чем бы у них разговоры?» подумал <Чичиков>.

«Афанасий Васильевич – почтенный и умный человек», сказал купец: «и дело свое знает, но просветительности нет. Ведь купец есть негоциант, а не то, что купец. Тут с этим соединено и бюджет, и реакция, а иначе выйдет паупуризм». Чичиков махнул рукой.

«Павел Иванович, я вас ишу везде», раздался позади голос Леницына. Купец почтительно снял шляпу.

«Ах, Федор Федорыч».

«Ради бога, едемте ко мне. Мне нужно переговорить», сказал <он>. Чичиков взглянул – на нем не было лица. Расплатившись с купцом, он вышел из лавки.

«Вас жду, <Семен Семенович>», сказал Муразов, увидевши входящего Хлобуева: «Пожалуйте ко мне в комнатку», и он повел Хлобуева в комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливее которой нельзя было найти и у чиновника, получающего семьсот рублей в год жалованья.

«Скажите, ведь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши получше? После тетушки все-таки вам досталось кое-что».

«Да как вам сказать, Афанасий Васильевич. Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мне досталось всего пятьдесят душ крестьян и тридцать тысяч денег, которыми я должен был расплатиться с частью моих долгов, и у меня вновь ровно ничего. А главное дело, что дело по этому завещанью самое нечистое Тут, Афанасий Васильевич, завелись такие мошенничества. Я вам сейчас расскажу, и вы подивитесь, что такое делается. Этот Чичиков...»

«Позвольте, <Семен Семенович>, прежде чем говорить об этом Чичикове, позвольте поговорить собственно о вас. Скажите мне, сколько, по вашему заключению, было <бы> для вас удовлетворительно и достаточно затем, чтобы совершенно выпутаться из обстоятельств?»

«Мои обстоятельства трудные», сказал Хлобуев. «Да чтобы выпутаться из обстоятельств, расплатиться совсем и быть в возможности жить самым умеренным образом, мне нужно, по крайней мере, 100 тысяч, если не больше, словом, мне это невозможно».

«Ну, если бы это у вас было, как бы вы тогда повели жизнь свою?»

«Ну, я бы тогда нанял себе квартирку, занялся бы воспитаньем детей, о себе нечего уже думать, карьер мой кончен, я уж никуда не гожусь».

«И все-таки жизнь останется праздная, а в праздности приходят искушения, о которых бы и не подумал человек, занявшись работою».

«Не могу, никуда не гожусь: осовел, болит поясница».

«Да как же жить без работы? Как быть на свете без должности, без места? Помилуйте. Взгляните на всякое творенье божье: всякое чему-нибудь да служит,

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru имеет свое отправление. Даже камень, и тот затем, чтобы употреблять на дело, а человек, разумнейшее существо, чтобы оставался без пользы. Статочное ли это дело?»

«Ну, да я все-таки не без дела. Я могу заняться воспитаньем детей».

«Нет, Семен Семеныч, нет, это всего труднее. Как воспитать тому детей, кто сам себя не воспитал? Детей ведь только можно воспитать примером собственной жизни. А ваша жизнь годится им в пример? Чтобы выучиться разве тому, как <в> праздности проводить время да играть в карты? Нет, Семен Семеныч, отдайте детей мне: вы их испортите. Подумайте не шутя: вас сгубила праздность. Вам нужно от ней бежать. Как жить на свете неприкрепленну ни к чему? Какой-нибудь да должен исполнять долг. Поденщик, ведь и тот служит. Он ест грошовый хлеб, да ведь он его добывает и чувствует интерес своего занятия».

«Ей-богу, пробовал, Афанасий Васильч, старался преодолеть. Что ж делать, остарел, сделался неспособен. Ну, как мне поступить? Неужели определить<ся> мне в службе? Ну, как же мне, в сорок пять лет, сесть за один стол с начинающими канцелярскими чиновниками? Притом я неспособен к взяткам, и себе помешаю, и другим поврежу. Там уж у них и касты свои образовались. Нет, Афанасий Васильч, думал, пробовал, перебирал все места, везде буду неспособен. Только разве в богадельню...»

«Богадельня <тем>, которые трудились; а тем, которые веселились всё время в молодости, отвечают, как муравей стрекозе: «Пооди, попляши». Да и в богадельне сидя, тоже трудятся и работают, в вист не играют. Семен Семенович», говорил <Муразов>, смотря ему в лицо пристально «вы обманываете и себя и меня».

Муразов глядел пристально ему в лицо, но бедный Хлобуев ничего не мог отвечать. Муразову стало его жалко.

«Послушайте <Семен Семенович>, но ведь вы же молитесь, ходите в церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вам хоть и не хочется рано вставать, но ведь вы встаете и идете, идете в четыре часа утра, когда никто не подымается».

«Это другое дело, Афанасий Васильевич. Я знаю, что это я делаю не для человека, но для того, кто приказал нам быть всем на свете. Что ж делать? Я верю, что он милостив ко мне, что как я ни мерзок, ни гадок, но он меня может простить и принять, тогда как люди оттолкнут ногою и наилучший из друзей продаст меня, да еще и скажет потом, что он продал из благой цели».

Огорченное чувство выразилось в лице <Хлобуева>. Старик прослезился, но ничего не <1 нрзб.>

«Так послужите же тому, который так милостив. Ему так же угоден труд, как и молитва. Возьмите какое ни есть занятие, но возьмите как бы вы делали для него, а не для людей. Ну, просто, хоть воду толките в ступе, но помышляйте только, что вы делаете для него. Уж этим будет выгода, что для дурного не останется времени: для проигрыша в карты, для пирушки с объедалами, для светской жизни. Эх, Семен Семенович! Знаете вы Ивана Потапыча?»

«Знаю и очень уважаю».

«Ведь хороший был торговец: полмиллиона было. Да как увидел во всем прибыток – и распустился, пока он и изде<ржал> свое <2 нрзб.>. Сына по-французски стал учить, дочь за генерала. И уже не в лавке или в биржевой улице, а всё как бы встретить приятеля да затащить в трактир пить чай. Пил целые дни чай, ну и обанкрутился. А тут бог несчастье сыну пос<лал?> Теперь он, видите ли, приказчиком у меня. Начал сызнава. Дела-то поправились его. Он мог бы опять торговать на пятьсот тысяч. «Приказчиком был, приказчиком хочу и умереть. Теперь», говорит, «я стал здоров и свеж, а тогда у меня брюхо-де заводилось, да и водяная началась. Нет», говорит. И чаю он теперь в рот не берет. Ши да кашу, и больше ничего, да-с. А уж молится он так, как никто из нас не молится. А уж помогает он бедным так, как никто из нас не помогает; а другой рад бы помочь, да деньги свои прожил»

Бедный Хлобуев задумался.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Старик взял его за обе руки. «Семен Семенович! Если бы вы знали, как мне вас жалко. Я об вас всё время думал. И вот послушайте. Вы знаете, что в монастыре есть затворник, который никого не видит. Человек этот большого ума – такого ума, что я не знаю. Но уж если даст совет... Я начал ему говорить, что вот у меня есть этакой приятель, но имени не сказал, что болеет он вот чем. Он начал слушать да вдруг прервал словами: «Прежде божье дело, чем свое. Церковь строят, а денег нет: собирать нужно на церковь». Да и захлопнул дверь. Я думал, что ж это значит? Не хочет, видно, дать совета. Да и зашел к нашему архимандриту. Только что я в дверь, а он мне с первых же слов: не знаю ли я такого человека, которому бы можно было поручить сбор на церковь, который бы был или из дворян, или купцов, повоспитанней других, смотрел бы на <то>, как на спасение свое? Я так с первого же разу и остановился: «Ах, боже мой. Да ведь это схимник назначает эту должность Семену Семеновичу». Дорога для его болезни хороша. Переходя с книгой от помещика к крестьянину и от крестьянина к мещанину, он узнает и то, как кто живет и кто в чем нуждается. – Так что воротится потом, обошедши несколько губерний, так узнает местность и край получше всех тех людей, которые живут в городах... А эдакие люди теперь нужны». Вот мне князь сказывал, что он много бы дал, чтобы достать такого чиновника, который бы знал не по бумагам дело, а так, как они сейчас, на деле, потому что из бумаг, говорят, ничего уж не видать, так все запуталось».

«Вы меня совершенно смутили, сбили, Афанасий Васильевич», сказал Хлобуев, в изумлении смотря <на него>. «Я даже не верю тому, что вы точно мне это говорите, для этого нужен неутомимый, деятельный человек. Притом как же мне бросить жену, детей, которым есть нечего?»

«О супруге и детях не заботьтесь. Я возьму их на свое попечение, и учителя будут у детей. Чем вам ходить с котомкой и выпрашивать милостыню для себя, благороднее и лучше просить для бога. Я вам дам простую <кибитку>, тряски не бойтесь: это для вашего здоровья. Я дам вам на дорогу денег, чтобы вы могли мимоходом дать тем, которые посильнее других нуждаются. Вы здесь можете много добрых дел сделать. Вы уж не ошибетесь, а кому дадите, тот точно будет стоить. Эдаким образом ездя, вы точно узнаете всех, кто и как. Это не то, что иной чиновник, которого все боятся и от которого <таятся>; а с вами, зная, что вы просите на церковь, охотно разговаряются».

«Я вижу, это прекрасная мысль, и я бы очень <желал> исполнить хоть часть; но, право, мне кажется, это свыше сил».

«Да что же по нашим силам?» сказал Муразов. «Ведь ничего нет по нашим силам. Всё свыше наших сил. Без помощи свыше ничего нельзя. Но молитва собирает силы. Перекрестясь, говорит человек: «Господи, помилуй», гребет и доплывает до берега. Об этом не нужно и помышлять долго; это нужно просто принять за повеленье божие. Кибитка будет вам сейчас готова; а вы забегите к отцу архимандриту за книгой и за благословеньем да и в дорогу».

«Повинуюсь вам и принимаю не иначе, как за указание божие». «Господи, благослови», сказал он внутренно и почувствовал, что бодрость и сила стала проникать к нему в душу. Самый ум его как бы стал пробуждаться надеждой на исход из своего печальнонеисходного положения. Свет стал мерцать вдали...

Но, оставивши Хлобуева, обратимся к Чичикову.

А между тем в самом деле по судам шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которых и не слышал никто. Как птицы слетаются на мертвечину, так всё налетело на несметное имущество, оставшееся после старухи: доносы на Чичикова, на подложность последнего завещания, доносы на подложность и первого завещания, улики в покраже и в утаении сумм. Явились даже улики на Чичикова в покупке мертвых душ, в провозе контрабанды во время бытности его еще при таможене. Выкопали всё, разузнали его прежнюю историю. Бог весть, откуда всё это пронюхали и знали. Только были улики даже и в таких делах, об которых, думал Чичиков, кроме его и четырех стен, никто не знал. Покамест всё это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя верная записка юриконсульта, которую он вскоре получил, несколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткого содержания: «Спешу вас уведомить, что по делу будет возня, но помните, что тревожиться никак не следует. Главное дело – спокойствие. Обделаем всё». Записка эта успокоила совершенно его. «[Этот человек] точно гений», сказал Чичиков. В довершение хорошего, портной в это время принес

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
платье. <Чичиков> получил желанье сильное посмотреть на самого себя в новом фраке наваринского пламени с дымом. Натянул штаны, которые обхватили его чудесным образом со всех сторон, так что хоть рисуи. Ляжки так славно обтянуло, икры тоже, сукно обхватило все малос<ти>, сообща им еще большую упругость. Как затянул он позади себя пряжку, живот стал точно барабан. Он ударил по нем тут щеткой, прибавив: «Ведь какой дурак, а в целом он составляет картину!» Фрак, казалось, был сшит еще лучше штанов: ни морщинки, все бока обтянул, выгнулся на перехвате, показавши весь его перегиб. На замечанье Чичикова, <что> под правой мышкой немного жало, портной только улыбался: [от] этого еще лучше прихватывало по талии. «Будьте покойны, будьте покойны насчет работы», повторял он с нескрытым торжеством. «Кроме Петербурга, нигде так не сошьют». Портной был сам из Петербурга и на вывеске выставил: иностранец из Лондона и Парижа. Шутить он не любил и двумя городами разом хотел заткнуть глотку всем другим портным так, чтобы впредь никто не появился с такими городами, а пусть себе пишет из какого-нибудь Карлсеру или Копенгара.

Чичиков великодушно расплатился с портным и, оставшись один, стал рассматривать себя на досуге в зеркале, как артист с эстетическим чувством и *con amore*. [16] Оказалось, что всё как-то было еще лучше, чем прежде: щечки интереснее, подбородок заманчивей, белые воротнички давали тон щеке, атласный синий галстук давал тон воротничкам. Новомодные складки манишки давали тон галстуку, богатый бархатный [жилет] давал [тон] манишке, а фрак наваринского дыма с пламенем, блистая, как шелк, давал тон всему. Поворотился направо – хорошо! Поворотился налево – еще лучше! Перегиб такой, как у камергера или у такого господина, который так <и> чешет по-французски, который, даже и рассердясь, выбраться не умеет на русском языке, а распечат французским диалектом. Деликатность такая! Он попробовал, склоня голову несколько на бок, принять позу, как бы адресовался к даме средних лет и последнего просвещения: выходила, просто, картина. Художник, бери кисть и пиши. В удовольствии, он совершил тут же легкой прыжок, вроде антраша. Вздрогнул комод и шлепнула на землю склянка с одеколоном; но это не причинило никакого помешательства; он назвал, как и следовало, глупую склянку душой и подумал: «К кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше...» Как вдруг в передней вроде некоторого бряканья сапогов со шпорами, и жандарм в полном вооружении, как <будто> в лице его было целое войско: «Приказано сей же час явиться к генерал-губернатору». Чичиков так и обомлел. Перед ним торчало страшилище с усами, лошадиный хвост на голове, через плечо перевязь, через другое перевязь, огромный палаш привешен к боку. Ему показалось, что при другом боку висело и ружье, и чорт знает что. Целое войско в одном только. Он начал было возражать, [страшило] грубо заговорило: «Приказано сей же час». Сквозь дверь в переднюю он увидел, что там мелькало и другое страшило; взглянул в окошко, и экипаж. Что тут делать? Так, как был во фраке наваринского пламени с дымом, должен был сесть и, дрожа всем телом, отправился к генерал-губернатору, и жандарм с ним. В передней не дали даже и опомнить<ся> ему. «Ступайте, вас князь уже ждет», сказал дежурный чиновник. Перед ним, как в тумане, мелькнула передняя с курьерами, принимавшими пакеты, потом зала, через которую он прошел, думая только: «вот как схватит, да без суда, без всего, прямо в Сибирь». Сердце его забилося с такой силою, с какой не бьется даже у наиревнивейшего любовника. Наконец, растворилась роковая дверь, предстал кабинет с портфелями, шкапами и книгами, и князь, гневный, как сам гнев.

«Губитель, губитель!» сказал Чичиков: «Погубит он мою душу. Зарежет, как волк агнца».

«Я вас пощадил, я позволил вам остаться в городе, тогда как вам следовало бы в острог. А вы запятали себя вновь бесчестнейшим мошенничеством, каким когда-либо запятнал себя человек». Губы князя дрожали от гнева.

«Каким же, ваше сиятельство, бесчестнейшим поступком и мошенничеством?» спросил Чичиков, дрожа всем телом.

«Женщина», произнес князь, подступая несколько ближе и смотря прямо в глаза Чичикову: «женщина, которая подписывала по вашей диктовке завещание, схвачена и станет с вами на очную ставку».

Свет помутился в очах Чичикова.

«Ваше сиятельство, скажу всю истину дела. Я виноват; точно, виноват, но не так виноват: меня обнесли враги».

«Вас не может никто обнести, потому что в вас мерзостей в несколько раз больше того, что может <выдумать> последний лжец. Вы во всю жизнь, я думаю, не делали небесчестного дела. Всякая копейка, добытая вами, добыта бесчестнейшим образом», есть воровство и бесчестнейшее дело, за которое кнут и Сибирь. Нет, теперь полно. С сей же минуты будешь отведен в острог и там, наряду с последними мерзавцами и разбойниками, ты должен <ждать> разрешенья участи своей. И это милостиво еще, потому что <ты> хуже их в несколько <раз>: они в армяке и тулупе, а ты...» Он взглянул на фрак наваринского пламени с дымом и, взявшись за шнурок, позвонил.

«Ваше сиятельство», вскрикнул Чичиков: «умилосердитесь. Вы отец семейства. Не меня пощадите, старуха-мать».

«Врешь», вскрикнул гневно князь. «Так же ты меня тогда умолял детьми и семейством, которых у тебя никогда не было, теперь матерью».

«Ваше сиятельство, я мерзавец и последний негодяй», сказал Чичиков голосом [17] «Я действительно лгал, я не имел ни детей, ни семейства; но, вот бог свидетель, я всегда хотел иметь жену, исполнить долг человека и гражданина, чтобы действительно потом заслужить уваженье граждан и начальства. Но что за бедственные стечения обстоятельств. Кровью, ваше сиятельство, кровью нужно было добывать насущное существование. На всяком шагу соблазны и искушенья... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была точно вихорь буйный или судно среди волн, по воле ветров. Я человек, ваше сиятельство».

Слезы вдруг хлынули ручьями из глаз его. Он повалился в ноги князю, так, как был: во фраке наваринского пламени с дымом, в бархатном жилете, атласном галстуке, чудесно сшитых штанах и головной прическе, изливавшей ток сладкого дыханья первейшего одеколона.

«Поди прочь от меня. Позвать, чтобы его взяли, солдат», сказал князь взошедшим.

«Ваше сиятельство», кричал <Чичиков> и обхватил обеими руками сапог князя.

Чувство содроганья пробежало по всем жилам <князя>. «Подите прочь, говорю вам», сказал он, усиливаясь вырвать свою ногу из объятия Чичикова.

«Ваше сиятельство, не сойду с места, покуда не получу милости», говорил <Чичиков>, не выпуская, сжимая сапог князя к груди и проехавшись, вместе с ногой, по полу во фраке наваринского пламени и дыма.

«Подите, говорю вам», говорил он с тем неизъяснимым чувством отвращения, какое чувствует человек при виде безобразнейшего насекомого, которого нет духу раздавить ногой. Он встряхнул так, что Чичиков почувствовал удар сапога в нос, губы и округленный подбородок, но не выпустил сапога и еще <с> большей силой держал <его> в своих объятиях. Два дюжих жандарма в силах оттащили его и, взявши под руки, повели через все комнаты. Он был бледный, убитый, в том бесчувственно-страшном состоянии, в каком бывает человек, видящий перед собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему. В самых дверях на лестницу навстречу Муразов. Луч надежды вдруг скользнул. В один миг, с силой неестественной вырвался он из рук обоих жандармов и бросился в ноги изумленному старику.

«Батюшка, Павел Иванович, что с вами?»

«Спасите, ведут в острог, на смерть». Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промозглый, сырой чулан, с запахом сапогов и онуч гарнизонных солдат, некрашенный стол, два скверных стула, с железной решеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымил, а тепла не давало, вот обиталище, где помещен был наш <герой>, уже было начинавший вкушать сладость жизни и привлекать вниманье соотечественников, в тонком новом фраке наваринского пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять с собой необходимые вещи, взять шкатулку, где были деньги, быть может, достаточные. Бумаги, крепости на мертвые <души>, всё было теперь у чиновников. Он повалился на землю, и безнадежная грусть плотоядным червем обвилась около его сердца. С возрастающей быстротой стала точить она это

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru сердце, ничем не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свете. Но и над Чичиковым не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Час спустя двери тюрьмы растворились; взошел старик Муразов.

Если бы терзаемому палящей жаждой, покрытому прахом и пылью дороги, изнуренному, изможденному путнику влил кто в засохнувшее горло струю ключевой воды, – не так бы ею он освежился, не так оживился, как оживился бедный [Чичиков].

«Спаситель мой!» сказал Чичиков, вдруг схватившись с полу, на который бросился в разрывающей его печали, вдруг его руку быстро поцеловал и прижал к груди. «Бог да наградит вас за то, что посетили несчастного». Он залился слезами.

Старик глядел на него скорбно-болезненным взором и говорил только: «Ах, Павел, Павел Иванович, Павел Иванович, что вы сделали?»

«Что ж делать! Сгубила проклятая! Не знал меры; не сумел во-время остановиться. Сатана проклятый оболестил, вывел из пределов разума и благоразумия человеческого. Преступил, преступил. Но только как же можно этак поступить? Дворянина, дворянина, без суда, без следствия, бросить в тюрьму. Дворянина, Афанасий Васильевич. Да ведь как же не дать время зайти к себе, распорядиться с вещами? Ведь там у меня всё осталось теперь без присмотра. Шкатулка, Афанасий Васильевич, шкатулка, ведь там всё имущество. Потом приобрел, кровью, летами трудов, лишений... Шкатулка, Афанасий Васильевич. Ведь всё украдут, разнесут... О, боже!»

И, не в силах будучи удержать порыва вновь подступившей к сердцу грусти, он громко зарыдал голосом, проникнувшим толщу стен острога и глухо отозвавшимся в отдалении, сорвал с себя атласный галстук и, схвативши рукою около воротника, разорвал на себе фрак наваринского пламени с дымом.

«Ах, Павел Иванович, как вас ослепило это имущество. Из-за него вы не видали страшного своего положения».

«Благодетель, спасите, спасите», отчаянно закричал бедный Павел Иванович, повалившись к нему в ноги. «Князь вас любит, для вас всё сделает».

«Нет, Павел Иванович, не могу, как бы ни хотел, как бы ни желал. Вы подпали под неумолимый закон, а не под власть какого человека».

«Искусил шельма сатана, изверг человеческого рода!»

Ударился головою в стену, а рукою хватил по столу так, что разбил в кровь кулак, но ни боли в голове, ни жесткости удара не почувствовал.

«Павел Иванович, успокойтесь, подумайте, как бы примириться с богом, а не с людьми; о бедной душе своей помыслите».

«Но ведь судьба какая, Афанасий Васильевич. Досталась ли хоть одному человеку такая судьба? Ведь с терпеньем, можно сказать, кровавым добывал копейку, трудами, трудами, не то, чтобы кого ограбил или казну обворовал, как делают. Зачем добывал копейку? Затем, чтобы [в довольстве остаток дней прожить; оставить что-нибудь детям, которых намеревался приобрести для блага, для службы отечеству]. Вот для чего хотел приобрести. Покривил, не спорю, покривил. Что ж делать? Но ведь покривил только тогда, когда увидел, что прямой дорогой не возьмешь и что косою дорогой больше напрямик. Но ведь я трудился, я изощрялся. Если брал, так с богатых. А эти мерзавцы, которые по судам берут тысячи с казны, не богатых людей грабят, последнюю копейку сдирают с того, у кого нет ничего. Что ж за несчастье такое, скажите, – всякой раз, что как только начинаешь достигать плодов и, так сказать, уже касаться рукою... вдруг буря, подводный камень, сокрушенье в щепки всего корабля. Вот по-д> три<ста> тысяч было капиталу. Трехэтажный дом был уже. Два раза уже деревню покупал. Ах, Афанасий Васильевич, за что ж такая <судьба>? За что ж такие удары? Разве и без того жизнь моя не была как судно среди волн? Где справедливость небес? Где награда за терпенье, за постоянство беспримерное? А ведь я три раза сызнова начинал; всё потерявши, начинал вновь с копейки, тогда как иной давно бы с отчаянья запил и сгнил в кабаке. Ведь сколько нужно было побороть, сколько вынести! Ведь всякая <копейка> выработана, так сказать, всеми силами души... Положим, другим доставалось легко, но ведь для меня была всякая копейка, как говорит пословица,

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
алтынным гвоздем прибита, и эту алтынным гвоздем прибитую копейку я доставал, видит бог, с этакой железной неумолимостью».

Он не договорил, зарыдал громко от нестерпимой боли сердца, упал на стул и оторвал совсем висевшую разорванную полу фрака, и швырнул ее прочь от себя, и, запусивши обе руки себе в волосы, об укрепленьи которых прежде старался, безжалостно рвал их, услаждаясь болью, которою хотел заглушить ничем неугасимую боль сердца.

Долго сидел молча пред ним Муразов, глядя на это необыкновенное <страдание>, в первый раз им виданное. А несчастный ожесточенный человек, еще недавно порхавший вокруг с развязной <?> ловкостью светского или военного человека, метался теперь в растрепанном, непристойном <виде>, в разорванном фраке и расстегнутых шароварах <?>, <с> окровавленным разбитым кулаком, изливая хулу на враждебные силы, перечашие человеку.

«Ах, Павел Иванович, Павел <Иванович>. Я думаю о том, какой бы из вас был человек, если бы так же, и силою и терпеньем, да подвизались бы на добрый труд, имея лучшую цель. Боже мой, сколько бы вы наделали добра! Если бы хоть кто-нибудь из тех людей, которые любят добро, да употребили бы столько усилий для него, как вы для добыванья своей копейки, да сумели бы так пожертвовать для добра и собственным самолюбием, и честолюбием, не жалея себя, как вы не жалели для добыванья своей копейки, боже мой, как процветала <бы> наша земля! Павел Иванович, Павел Иванович! Не то жаль, что виноваты вы стали пред другими, а то жаль, что пред собой стали виноваты – перед богатыми силами и дарами, которые достались в удел вам. Назначенье ваше – быть великим человеком, а вы себя запропастили и погубили».

Есть тайны души. Как бы ни далеко отшатнулся от прямого пути заблуждающийся, как бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступник, как бы ни коснел твердо в своей соvrащенной жизни; но если попрекнешь его им же, его же достоинствами, им опозоренными, в нем <всё> поколеблется невольно, и весь он потрясется.

«Афанасий Васильевич», сказал бедный Чичиков и схватил его обеими руками за руки: «О, если бы удалось мне освободиться, возвратить мое имущество. Клянусь вам, повел бы отныне совсем другую жизнь. Спасите, благодетель, спасите!»

«Что ж могу я сделать? Я должен воевать с законом. Положим, если бы я даже и решился на это, но ведь князь справедлив, – он ни за что не отступит».

«Благодетель, вы всё можете сделать. Не закон меня утешит, я перед законом найду средства, но то, что непов<инно> я брошен в тюрьму, что я пропаду здесь, как собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... спасите». Он обнял ноги старика, облил их слезами.

«Ах, Павел Иванович, Павел Иванович», говорил старик Муразов, качая <головой>: «как вас ослепило это имущество. Из-за него вы и бедной души своей не слышите».

«Подумаю и о душе, но спасите».

«Павел Иванович», сказал старик Муразов и остановился... «Спаси вас не в моей власти, вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сделать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павел Иванович, я попрошу у вас награды за труды: бросьте все эти поползновенья на эти приобретенья. Говорю вам по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества, а у меня его больше, чем у вас, я бы не заплакал. Ей, ей, <дело> не в этом имуществе, которое могут у меня конфисковать, а в том, которого никто не может украсть и отнять. Вы уж пожили на свете довольно. Вы сами называете жизнь свою судом среди волн. У вас есть уже чем прожить остаток дней. Поселитесь себе в тихом уголке, поближе к церкви и простым, добрым людям, или, если знобит сильное желанье оставить по себе потомков, женитесь на небогатой, доброй девушке, привыкшей к умеренности и простому хозяйству. Забудьте этот шумный мир и все его оболъстит<ельные> прихоти. Пусть и он вас позабудет. В нем нет успокоенья. Вы видите: всё в нем враг, искушитель или предатель».

«Непременно, непременно. Я уже хотел, уже намеревался повести жизнь, как следует, думал заняться хозяйством, умерить жизнь. Демон-искушитель сбил, совлек

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
с пути, сатана, чорт, исчадь».

Какие-то неведомые дотоле, незнакомые чувства, ему необъяснимые, пришли к нему. Как будто хотело в нем что-то пробудиться, что-то далеко, что-то заранее <?> подавленное из детства суровым, мертвым поученьем, бесприветностью скучного детства, пустынностью родного жилища, бессемейным одиночеством, нищетой и бедностью первоначальных впечатлений, и как будто то, что <было подавлено> суровым взглядом судьбы, взглянувший на него скучно, сквозь какое-то мутное, занесенное зимней вьюгой [окно, хотело вырваться на волю]. Стенанье изнеслось из уст его, и, наложив обе ладони на лицо свое, скорбным голосом произнес он: «Правда, правда».

«И познание людей, и опытность не помогли на незаконном основаньи. А если бы к этому да основанье законное... Эх, Павел Иванович, зачем вы себя погубили? Проснитесь: еще не поздно. Есть еще время».

«Нет, поздно, поздно», застонал он голосом, от которого у Муразова чуть не разорвалось сердце. «Начинаю чувствовать, слышу, что не так, не так иду, и что далеко отступился от прямого <пути>, но уже не могу. Нет, не так воспитан. Отец мне твердил нравоученья, бил, заставлял переписывать с нравственных правил, а сам крал передо мною у соседей лес и меня еще заставлял помогать ему. Завязал при мне неправую тяжбу; развратил сиротку, которой он был опекуном. Пример сильнее правил. Вижу, чувствую, Афанасий Васильевич, что жизнь веду не такую, но нет большого отвращения от порока: огрубела натура, нет любви к добру, этой прекрасной склонности к делам богоугодным, обращающейся в природу, в привычку. Нет такой охоты подвизаться для добра, какова есть для получения имущества. Говорю правду – что ж делать».

Сильно вздохнул старик.

«Павел Иванович, у вас столько воли, столько терпенья. Лекарство горько, но ведь больной принимает же его, зная, что иначе не выздоровеет. У вас нет любви к добру, – делайте добро насильно, без любви к нему. Вам это зачтется еще в большую заслугу, чем тому, кто делает добро по любви к нему. Заставьте <себя> только несколько раз, – потом получите и любовь. Поверьте, всё делается. Царство нудится, сказано нам. Только насильно пробираясь к нему, насильно нужно пробираться, брат его насильно, Эх, Павел Иванович, ведь <у> вас есть эта сила, которой нет у других, это железное терпенье – и вам ли не одолеть? Да вы, мне кажется, были бы богатырь. Ведь теперь люди без воли все, слабые».

Заметно было, что слова эти вонзились в самую душу Чичикову и задели что-то славолюбивое на дне ее. Если не решимость, то что-то крепкое и на нее похожее блеснуло в глазах его.

«Афанасий Васильевич», сказал он твердо: «если только вымолите мне избавление и средства уехать отсюда с каким-нибудь имуществом, я даю вам слово начать другую <жизнь>: куплю деревеньку, сделаюсь хозяином, буду копить деньги не для себя, но для того, чтобы помогать другим, буду делать добро, сколько будет сил. Позабуду себя и всякие городские объяденья и пиршества, поведу простую, трезвую жизнь».

«Бог вас да подкрепит в этом намерении», сказал обрадованный старик. «Буду стараться изо всех сил, чтобы вымолить у князя ваше освобождение. Удастся или не удастся, это бог <знает>. Во всяком случае, участь ваша, верно, смягчится. Ах, боже мой! обнимите же, позвольте мне вас обнять. Как вы меня, право, обрадовали! Ну, с богом, сейчас же иду к князю».

Чичиков остался <один>.

Вся природа его потряслась и размягчилась. Расплавляется и платина, твердейший из металлов, всех долее противящийся огню: когда усилит<ся> в горниле огонь, дуют мехи и восходит нестерпимый жар огня до<верху> – белеет упорный металл и превращается также в жидкость; подается и крепчайший муж в горниле несчастий, когда, усиливаясь, они нестерпимым огнем своим жгут отверделую природу.

«Сам не умею и не чувствую, но все силы употреблю, чтобы другим дать почувствовать; сам дурной и ничего не умею, но все силы употреблю, чтобы других настроить; сам дурной христианин, но все силы <употреблю>, чтобы не подать соблазна. Буду трудиться, буду работать в поте лица в деревне и займусь честно,

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru так чтобы иметь доброе влияние и на других. Что ж, в самом деле, будто я уже совсем негодный. Есть способности к хозяйству; я имею качества бережливости, расторопности и благоразумия, даже постоянства. Стоит только решиться».

Так думал Чичиков и полупробужденными силами души, казалось, что-то осязал. Казалось, природа его темным чутьем стала слышать, что есть какой-то долг, который нужно исполнять человеку на земле, который можно исполнять всюду, на всяком угле, несмотря на всякие обстоятельства, смятенья и движения, летающие вокруг человека. И трудолюбивая жизнь, удаленная от шума городов и тех обольщений, которые от праздности выдумал, позабывши труд, человек, так сильно стала перед ним рисоваться, что он уже почти позабыл всю неприятность своего положения и, может быть, готов был даже возблагодарить провиденье за этот тяжелый <урок>, если только выпустят его и отдадут хотя часть... Но... односторчатая дверь его нечистого чулана растворилась, вошла чиновная особа – Самосви<с>тов, эпикуреец, собой лихач, в плечах аршин, ноги стройные, отличный товарищ, кутила и продувная бестия, как выражались о нем сами товарищи. В военное время человек этот наделал бы чудес. Его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимые, опасные места, украсть перед носом у самого неприятеля пушку, – это его бы дело. Но за неимением военного поприща, на котором бы, может быть, его сделали бы честным человеком, он пакостил от всех сил. Непостижимое дело! странные он имел убеждения и правила: с товарищами он был хорош, никого не продавал и, давши слово, держал. Но высшее над собою начальство он считал чем-то вроде неприятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всяким слабым местом, проломом или упушением...

«Знаем всё об вашем положении, всё услышали», сказал он, когда увидел, что дверь за ним плотно затворилась. «Ничего, ничего. Не робейте: всё будет поправлено. Все станем работать за вас и – ваши слуги. Тридцать тысяч на всех – и ничего больше».

«Будто», вскрикнул Чичиков: «и я буду совершенно оправдан?»

«Кругом! еще и вознаграждение получите за убытки».

«И за труд...»

«Тридцать тысяч. Тут уже всё вместе – и нашим, и генерал-губернаторским, и секретарю».

«Но, позвольте, как же я могу? Мои все вещи, шкатулка, всё это теперь запечатано, под присмотром».

«Через час получите всё. По рукам, что ли?»

Чичиков дал руку. Сердце его билось, и он не доверял, чтобы это было возможно.

«Пока прощайте. Поручил вам <сказать> наш общий приятель, что главное дело – спокойствие и присутствие духа».

«Гм», подумал Чичиков: «понимаю – юрисконсульт!»

Самосвистов скрылся... Чичиков, оставшись, всё еще не доверял словам, как не прошло часа после этого разговора, как была принесена шкатулка, бумаги, деньги – всё в наилучшем порядке. Самосви<с>тов явился в качестве распорядителя, выбрал поставленных часовых за то, что небдительно смотрели, потребовал еще лишних солдат для усиления присмотра, взял не только шкатулку, но отобрал даже все такие бумаги, которые могли бы чем-нибудь компрометировать Чичикова; связал всё это вместе, запечатал и повелел самому солдату отнести немедленно к самому Чичикову, в виде необходимых ночных и спальных вещей. Так что Чичиков, вместе с бумагами, получил даже и всё теплое, что нужно было для покрытия брэнного его тела. Это скорое доставление обрадовало его несказанно. Он возымел сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какие приманки: вечером театр, плясунья, за которую он волочился. Деревня и тишина стали казаться бледней, город и шум – опять ярче, ясней. О, жизнь!

А между тем завязалось дело размера беспредельного в судах и палатах. Работали перья писцов и, понохивая табак, трудились казусные головы, любуясь, как художники, крючко<ва>той строкой. Юрисконсульт, как скрытый маг, незримо ворочал

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru всем механизмом. Всех опутал решительно, прежде, чем кто успел осмотреться. Путаница увеличилась. Самосвистов превзошел самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Узнавши, где караулилась схваченная женщина, он явился прямо и вошел таким молодцом и начальником, что часовой сделал ему честь и вытянулся в струнку. «Давно ты здесь стоишь?» – «С утра, ваше благородие». – «Долго до смены?» – «Три часа, ваше благородие». – «Ты мне будешь нужен. Я скажу офицеру, чтобы на место тебя отрядил другого». – «Слушаю, ваше благородие». И, уехав домой, чтобы не замешивать никого и все концы в воду, сам нарядился жандармом, оказался в усах и бакенбардах, сам чорт бы не узнал. Явился в доме, где был Чичиков, и схватил первую бабу, какая попалась, и сдал ее двум чиновным молодцам, докам тоже, а сам прямо явился, в усах и с ружьем, как следует, к часовым: «Ступай, <1 нрзб.> меня прислал командир выстоять, наместо тебя, смену». Обменялся и стал сам с ружьем. Только этого было и нужно. В это время наместо прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куда-то так, что и потом не узнали, куда она делась. В то время, когда Самосвистов подвизался в лице воина, юрисконсульт произвел чудеса на гражданском поприще: губернатору дал знать стороною, что прокурор на него пишет донос; жандармскому чиновнику дал знать, <что> секретно проживающий чиновник пишет на него доносы; секретно проживавшего чиновника уверил, что есть еще секретнейший чиновник, который на него доносит, и всех привел в такое положение, что к нему должны все были обратиться за советами. Произошла такая бестолковщина: донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых и солнце не видывало, и даже такие, которых и не было. Всё пошло в работу и в дело: и кто незаконнорожденный сын, и какого рода и звания, у кого любовница, и чья жена за кем волочится. Скандалы, соблазны и всё так замешалось и сплелось вместе с историей Чичикова, с мертвыми душами, что никоим образом нельзя было понять, которое из этих дел было главнейшая чепуха: оба казались равного достоинства. Когда стали, наконец, поступать бумаги к генерал-губернатору, бедный князь ничего не мог понять. Весьма умный и расторопный чиновник, которому поручено было сделать экстракт, чуть не сошел с ума. Никаким образом нельзя было поймать нити дела. Князь был в это время озабочен множеством других дел, одно другого неприятнейших. В одной части губернии оказался голод. Чиновники, посланные раздать хлеб, как-то не так распорядились, как следовало. В другой части губернии расшевелились раскольники. Кто-то пропустил между ними, что народился антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие-то мертвые души. Каялись и грешили и, под видом изловить антихриста, уокошили не-антихристов. В другом месте мужики взбунтовались против помещиков и капитан-исправников. Какие-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступает такое время, что мужики должны <быть> помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут мужики, и целая волость, не размыслив того, что слишком много выйдет тогда помещиков и капитан-исправников, отказалась платить всякую подать. Нужно было прибегнуть к насильственным мерам. Бедный князь был в самом расстроенном состоянии духа. В это время доложили ему, что пришел откупщик. «Пусть войдет», сказал князь. Старик взошел.

«Вот вам Чичиков. Вы стояли за него и защищали. Теперь он попался в таком деле, на какое последний вор не решится».

«Позвольте вам доложить, ваше сиятельство, что я не очень понимаю это дело».

«Подлог завещания, и еще какой... Публичное наказание плетью за этакое дело».

«Ваше сиятельство, скажу не с тем, чтобы защищать Чичикова. Но ведь это дело не доказанное. Следствие еще не сделано».

«Улика. Женщина, которая была наряжена на место умершей, схвачена. Я ее хочу расспросить нарочно при вас». Князь позвонил и дал приказ позвать ту женщину.

Муразов замолчал.

«Бесчестнейшее дело, и, к стыду, замешались первые чиновники города, сам губернатор. Он не должен быть там, где воры и бездельники», сказал князь с жаром.

«Ведь губернатор – наследник; он имеет право на притязания; а что другие-то со всех сторон прицепились, так это-с, ваше сиятельство, человеческое дело. Умерла-с богатая, распоряженья умного и справедливого не сделала. Слетелись со всех сторон охотники поживиться – человеческое дело...»

«Но ведь мерзости зачем же делать? Подлецы!» сказал князь с чувством негодованья. «Ни одного чиновника нет у меня хорошего: все мерзавцы».

«Ваше сиятельство, да кто ж из нас, как следует, хорош? Все чиновники нашего города – люди, имеют достоинства и многие очень знающие в деле, а от греха всяк близок».

«Послушайте, Афанасий Васильевич, скажите мне, я вас одного знаю за честного человека, что у вас за страсть защищать всякого рода мерзавцев?»

«Ваше сиятельство», сказал Муразов: «кто бы ни был человек, которого вы называете мерзавцем, но ведь он человек. Как же не защищать человека, когда знаешь, что он половину зол делает от грубости и неведения? Ведь мы делаем несправедливости на всяком шагу даже и не с дурным намереньем и всякую минуту бываем причиной несчастья другого. Ведь ваше сиятельство сделали также большую несправедливость».

«Как!» воскликнул в изумлении князь, совершенно пораженный таким неожиданным оборотом речи.

Муразов остановился, помолчал, как бы соображая что-то, и, наконец, сказал: «Да вот хоть бы по делу Дерпенникова».

«Афанасий Васильевич, преступленье против коренных государственных законов, равное измене земле своей».

«Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, был оболещен и сманен другими, осудить так, как и того, который был один из зачинщиков? Ведь участь постигла ровная и Дерпенникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного, а ведь преступленья их не равны».

«Ради бога», сказал князь с заметным волненьем: «вы что-нибудь знаете об этом? Скажите. Я именно недавно послал еще прямо в Петербург об смягчении его участи».

«Нет, ваше сиятельство, я не насчет того говорю, чтобы я знал что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило в его пользу, да он сам не согласится, потому <что> через это пострадал бы другой. А я думаю только то, что не изволили <ли> вы тогда слишком поспешить? Извините, ваше сиятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы несколько раз приказывали мне откровенно говорить. У меня-с, когда я еще был начальником, много было всяких работников, и дурных и хороших. [Следовало бы тоже принять во вниманье] и прежнюю жизнь человека, потому что, если не рассмотришь всё хладнокровно, а накричишь с первого раза, запугаешь только его, да и признанья настоящего не добьешься; а как с участием его расспросишь, как брат брата, сам всё выскажет и даже не просит о смягчении, и ожесточенья ни против кого нет, потому что ясно видит, что не я его наказываю, а закон».

Князь задумался. В это время вошел молодой чиновник и почтительно остановился с портфелем. Забота, труд выражались на его молодом и еще свежем лице. Видно было, что он не даром служил по особым порученьям. Это был один из числа тех немногих, который занимался делопроизводством *con amore*. [18]

Не сгорая ни чистолюбием, ни желаньем прибытков, ни подражаньем другим, он занимался только потому, что был убежден, что ему нужно быть здесь, а не на другом месте, что для этого дана ему жизнь. Следить, разобрать по частям и, поймавши все нити запутаннейшего дела, разъяснить его, это было его дело. И труды, и старания, и бессонные ночи вознаграждались ему изобильно, если дело, наконец, начинало пред ним объясняться, сокровенные причины обнаруживаться, и он чувствовал, что может передать его всё в немногих словах, отчетливо и ясно, так что всякому будет очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученик, когда пред ним раскрывалась какая-нибудь труднейшая фраза и обнаруживался [19] настоящий смысл мысли великого писателя, как радовался он, когда пред ним распутывалось запутаннейшее дело. Зато [20] «[21] хлебом в местах, где голод, я эту часть получше знаю чиновников: рассмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, ваше сиятельство, так я поговорю и с раскольниками. Они-то с нашим братом, с простым человеком, охотнее разговариваются. Так, бог весть, может быть, помогу уладить с ними миролюбно. А чиновники не сладят:

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru завяжется об этом переписка, да притом они так уж запутались в бумагах, что уж дела из<-за> б<умаг> и не видят. А денег-то от вас я не возьму, потому что, ей-богу, стыдно в такое время думать о своей прибыли, когда умирают с голода. У меня есть в запасе готовый хлеб; я и теперь еще послал в Сибирь, и к будущему лету вновь подвезут».

«Вас может только наградить один бог за такую службу, Афанасий Васильевич. А я вам не скажу ни одного слова, потому что, вы сами можете чувствовать, всякое слово тут бессильно... Но позвольте мне одно сказать насчет той просьбы. Скажите сами, имею ли я право оставить это дело без внимания, и справедливо ли, честно ли с моей стороны будет простить мерзавцев?»

«Ваше сиятельство, ей-богу, этак нельзя назвать, тем более, что из <них> есть многие весьма достойные. Затруднительны положения человека, ваше сиятельство, очень, очень затруднительны. Бывает так, что кажется кругом виноват человек, а как войдешь – даже и не он».

«Но что скажут они сами, если оставлю? Ведь есть из них, которые после этого еще больше подымут нос и будут даже говорить, что они напугали. Они первые будут не уважать».

«Ваше сиятельство, позвольте мне вам дать свое мнение: соберите их всех, дайте им знать, что вам всё известно, и представьте им ваше собственное положение точно таким самым образом, как вы его изволили изобразить сейчас передо мной, и спросите у них совета: что <бы> из них каждый сделал на вашем положении?»

«Да вы думаете, им будут доступны движенья благороднейшие, чем каверзничать и наживаться? Поверьте, они надо мной посмеются».

«Не думаю-с, ваше сиятельство. У [русского] человека, даже и у того, кто похуже других, все-таки чувство справедливо. Разве жид какой-нибудь, а не русской. Нет, ваше сиятельство, вам нечего скрываться. Скажите так точно, как изволили передо <мной>. Ведь они вас поносят, как человека честолюбивого, гордого, который и слышать ничего не хочет, уверен в себе, так пусть же увидят всё, как оно есть. Что ж вам? Ведь ваше дело правое. Скажите им так, как бы вы не пред ними, а пред самим богом принесли свою исповедь».

«Афанасий Васильевич», сказал князь в раздумьи: «я об этом подумую, а покуда благодарю вас очень за совет».

«А Чичикова, ваше сиятельство, прикажите отпустить».

«Скажите этому Чичикову, чтобы он убирался отсюда как можно поскорей, и чем дальше, тем лучше. Его-то уже я бы никогда не простил».

Муразов поклонился и прямо от князя отправился к Чичикову. Он нашел Чичикова уже в духе, весьма покойно занимавшегося довольно порядочным обедом, который был ему принесен в фаянсовых судках из какой-то весьма порядочной кухни. По первым фразам разговора старик заметил тотчас, что Чичиков уже успел переговорить кое с кем из чиновников-казусников. Он даже понял, что сюда вмешалось невидимое участие знатока-юриста.

«Послушайте-с, Павел Иванович», сказал он: «я привез вам свободу на таком условии, чтобы сейчас вас не было в городе. Собирайте все пожитки свои, да и с богом, не откладывая ни минуту, потому что дело еще хуже. Я знаю-с, вас тут один человек настраивает; так объявляю вам по секрету, что такое еще дело одно открывается, что уж никакие силы не спасут этого. Он, конечно, рад других топить, чтобы нескучно, да дело к разделке. Я вас оставил в расположеньи хорошем, лучшем, нежели в каком теперь. Советую вам-с не в шутку. Ей<-ей>, дело не в этом имуществе, из-за которого спорят люди и режут друг друга. Точно как можно завести благоустройство в здешней жизни, не помысливши о другой жизни. Поверьте-с, Павел Иванович, что покамест, брося всё, из-за чего грызут и едят друг друга на земле, не подумают о благоустройстве душевного имущества, не установится благоустройство и земного имущества. Наступят времена голода и бедности, как во всем народе, так и порознь во всяком... Это-с ясно. Что ни говорите, ведь от души зависит тело. Как же хотеть, чтобы <шло> как следует. Подумайте не о мертвых душах, а <о> своей живой душе, да и с богом на другую дорогу. Я тож выезжаю завтрашний день. Поторопитесь! Не то без меня беда будет».

Сказавши это, старик вышел. Чичиков задумался. Значенье жизни опять показалось немаловажным. «Муразов прав!» сказал он: «пора на другую дорогу». Сказавши это, он вышел из тюрьмы. Часовой потащил за ним шкатулку, другой – тюфяк<?>, белье. Селифан и Петрушка обрадовались, как бог знает чему, освобожденью барина. «Ну, любезные», сказал Чичиков, обратившись милостиво: «нужно укладываться да ехать».

«Покатим, Павел Иванович», сказал Селифан. «Дорога, должно быть, установилась: снегу выпало довольно. Пора уж, право, выбраться из города. Надоел он так, что и глядеть на него не хотел бы».

«Ступай к каретнику, чтобы поставил коляску на полозки», сказал Чичиков, а сам пошел в город, но ни <к> кому не хотел заходить отдавать прощальных визитов. После всего этого события было и неловко, тем более, что о нем множество ходило в городе самых неблагоприятных историй. Он избегал всяких <встреч> и зашел потихоньку только к тому купцу, у которого купил сукно наваринского пламени с дымом, взял вновь четыре аршина на фрак и на штаны и отправился сам к тому же портному. За двойную <цену> мастер решился усилить рвение и засадил всю ночь работать при свечах портное народонаселение иглами, утюгами и зубами, и фрак на другой день был готов, хотя и немножко поздно. Лошади все были запряжены. Чичиков, однако ж, фрак примерил. Он был хорош, точь-в-точь как прежний. Но, увы, он заметил, что в голове уже белело что-то гладкое, и примолвил грустно: «И зачем было предаваться так сильно сокрушенью? А рвать волос не следовало бы и подавно». Расплатившись с портным, он выехал наконец из города в каком-то странном положении. Это был не прежний Чичиков. Это была какая-то развалина прежнего Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояние души с разобранным строением, которое разобрано с тем, чтобы строить из него же новое; а новое еще не начиналось, потому что не пришел от архитектора определительный план, и работники остались в недоумении. Часом прежде его отправился старик Муразов, в рогоженной кибитке, вместе с Потапычем, а часом после отъезда Чичикова пошло приказание, что князь, по случаю отъезда в Петербург, желает видеть всех чиновников до едина.

В большом зале генерал-губернаторского дома собралось всё чиновное сословие города, начиная от губернатора до титулярного советника: правители канцелярий и дел, советники, ассессоры, Кислоедов, Красноносов, Самосвистов, не бравшие, бравшие, кривившие душой, полукривившие и вовсе не кривившие, – все не без волнения и беспокойства ожидали выхода генерал-губернатора. Князь вышел ни мрачный, ни ясный: взор его был тверд так же, как и шаг. Всё чиновное собрание поклонилось, многие в пояс. Ответив легким поклоном, князь начал:

«Уезжая в Петербург, я почел приличным повидаться с вами со всеми и даже объяснить вам отчасти причину. У нас завязалось дело очень соблазнительное. Я полагаю, что многие из предстоящих знают, о каком деле я говорю. Дело это повело за собою открытие и других, не менее бесчестных дел, в которых замешались даже, наконец, и такие люди, которых я доселе почитал честными. Известна мне даже и сокровенная цель спутать таким образом всё, чтобы оказалась полная невозможность решить формальным порядком. Знаю даже, и кто главная [пружина] и чьим сокровенным[22] хотя он и очень искусно скрыл свое участие. Но дело в том, что я намерен это следить не формальным следованием по бумагам, а военным быстрым судом, как в военное <время>, и надеюсь, что государь мне даст это право, когда я изложу все это дело. В таком случае, когда нет возможности произвести дело гражданским образом, когда горят шкафы с <бумагами> и, наконец, излишеством лживых посторонних показаний и ложными доносами стараются затемнить и без того довольно темное дело, я полагаю военный суд единственным средством и желаю знать мнение ваше!»

Князь остановился, как <бы> ожидая ответа. Всё стояло, потупив глаза в землю. Многие были бледны.

«Известно мне также еще одно дело, хотя производившие его в полной уверенности, что оно никому не может быть известно. Производство его уже пойдет не по бумагам, потому что истцом и челобитчиком я буду уже сам и представлю очевидные доказательства».

Кто-то вздрогнул среди чиновного собрания, некоторые из боязливейших тоже смутились.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
«Само по себе, что главным зачинщикам должно последовать лишение чинов и имущества, прочим отрешенье от мест. Само собою разумеется, что в числе их пострадает и множество невинных. Что ж делать? дело слишком бесчестное и вопиет о правосудии. Хотя я знаю, что это будет даже и не в урок другим, потому что на место выгнанных явятся другие, и те самые, которые дотоле были честны, сделаются бесчестными, и те самые, которые удостоены будут доверенности, обманут и продадут, несмотря на всё это, я должен поступить жестоко, потому что вопиет правосудье. Знаю, что будут меня обвинять в суровой жестокости, но знаю, что те будут еще[23] те же обвинят[24]

я должен обратиться таки<м образом> только в одно бесчувственное орудие правосудия, в топор, который должен упасть на головы <виновных>».

Содроганье невольно пробежало по всем лицам.

Князь был спокоен. Ни гнева, ни возмущенья душевного не выражало его лицо.

«Теперь тот самый, у которого в руках участь многих и которого никакие просьбы не в силах были умолить, тот самый [бросается] теперь к ногам [вашим], вас всех просит. Всё будет позабыто, изглажено, прощено; я буду сам ходатаем за всех, если исполните мою просьбу. Вот моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаниями нельзя искоренить неправды, она слишком уже глубоко вкоренилась. Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже почти невозможно многим идти противу всеобщего течения. Но я теперь должен, как в решительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякой гражданин несет всё и жертвует всем, я должен сделать клич хотя к тем, у которых еще есть в груди русское сердце и <которым> понятно сколько-нибудь слово благородство. Что тут говорить о том, кто более из нас виноват. Я, может быть, больше всех виноват; я, может быть, слишком сурово вас принял вначале; может быть, излишней подозрительностью я оттолкнул из вас тех, которые искренно хотели мне быть полезными, хотя и я с своей стороны мог бы так же сделать. Если они уже действительно любили справедливость и добро своей земли, не следовало бы им оскорбиться ни надменностью моего обращения, следовало бы им подавить в себе собственное честолюбие и пожертвовать своею личностью. Не может быть, чтобы я не заметил их самоотверженья и высокой любви к добру и не принял бы, наконец, от них полезных и умных советов. Все-таки скорей подчиненному следует применяться к нраву начальника, чем начальнику к нраву подчиненного. Это законней, по крайней мере, и легче, потому что у подчиненных один начальник, а у начальника сотня подчиненных. Но оставим теперь в сторону, кто кого больше виноват. Дело в том, что пришло нам спасать нашу землю, что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемennых языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое правление, гораздо сильнейшее всякого законного. Установились свои условия, всё оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как <ни> ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Всё будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народ вооружался против <врагов?>, так должен восстать против неправды. Как русской, как связанный с вами единокровным родством, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь <к> вам. Я обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятие какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва[25]

Записные книжки

Записная книжка, 1841–1844*

Петру Михалов<ич>у.

– О торговле и рынках и произведенных<?> сделках со всеми бран<ями> и обычаями, а подчас и загибаньями.

– Крестьянский костюм. Крестьянский хлам, всё, что валяется в избе; все тряпья.

Дела Петра Михалча

Отдать рубить платки.

Мыть рубашки,

вымыть коляску,

вставить стекла в фонари,

купить колбасы и конф<ет>.

С Михал. Петров<ичем> о Копейкине. Адрес Никитенка.

Уварову об отношении[26]

взять

Экземпляр Посошкова –

Ивану Яковлевичу о бумаге.

Наборщик<у>: опустить ниже заголовки.

Литографщику за буквы и картинку.

Пространное <1 нрзб.>.

Банчишка.

Квинтичь

Читать путешествия Лепехина, Палласа, Гмелина.

Распоряжения касательно путешествия по России.

Развить статью о воспитании во 2-й части.

Вспомнить о «признаюсь, открываюсь».

Признаюсь, открываюсь: у меня сын родился.

* * *

Штейн у Софьи Петровны занимался всю жизнь; [о мирном судье], его обязанность мирного судьи в России. Сам практически никуда не годится.

[Охота.] Трава.

Сороконедужница, душистая трава, принадлежит к мятам.

* * *

О<т> Заблоцкого:

Об откупщиках,

о казенных крестьянах,

о городах,

о рекрутск<их> наборах.

* * *

Сказка <?>

Шишига – чорт в Симб<ирской> губернии.

* * *

Бершик – род судака, меньше гораздо и нежнее мясом.

Пояда<?> – рыбка негодная, маленька, с двумя колючками.

Бешанка названа так потому, что сама набегаёт на сети в таком множестве, что невод не в силах вытащить: тогда въезжают с возами в реку и навал<ива>ют ее лопатой. Род сельди, ходит также стадами и называет<ся> воблой.

* * *

Восходит на небо, ведомый духом, и в твердом дерзновеньи души своея зреньем чудных тамо наслаждается вещей.

* * *

Леса разделяются на красные или боровые и черные или лиственные.

Красные: сосна и ель.

Черные: дуб.

Лес – коли деревья вплоть тесно растут и растительная сила вся идет вверх.

Дуброва – когда деревья растут разбросанные по полю. Дерево самое имеет другую форму, ибо растительная сила идет в ширину и ветви.

Сосна лучшая бывает в борах, а не в дуброве: бывает красная и пресная; красная вся пропитана насквозь смолою; если ударить по ней, то звенит; пресная только сердцевину имеет смолистую; скоро гниет и на судна не хороша.

Заказник – лес, назначенный на срубку.

Сеча – рубленный лес.

Лес подъемистый, который скоро растет.

* * *

Плотничество.

Строятся своими и приходными.

Приходные: Верховские и Галичские.

Верховские более Ярославские и Владимирские.

* * *

Цехи, сословья ремесленников.

Медники, Кузнецы, Печники, Штукатуры Яросл. Плотники, Столяры, Стекольщики, Кадошники, Овчинники, Шерстобои, Каталышки войлоков, Рещики, Живописцы, Инокописцы Красильщики, Серебреники, Кожевники, Самоварники, Горшешники.

* * *

О загиб<аньях>

Ехидный

Уметлив – говорящий кстати.

Будь в чужих словах незаметлива,

А в своих проста да уметлива

Кривошлыка.

У меня, молодой, свекровушка лихач,
Кривошлыка неприветливая.
* * *

Уширил оси стопы моя подо мною, и не изнемогосте плесне моя и врагов моих дал ми еси хребет.

* * *

Банчишки.

Семпель – один простой куш.

Пе – карта ровно вдвое.

Пароле или с углом – выигрывает втрое.

Пароле пе – вдвое против пароле.

Загнуть утку – прибавляет, волен на раз, на два.

С тобой играть – с бритвы мед лизать, – употребляют с теми, которые играют в дублет.

Играть в дублет – не отделять от выигрыша, а пускать вдвое.

* * *

Изба разделяется на две части: на избу и чулан, который отгорожен перегородкою от печи.

Посуда помещается в чулане в низеньком шкафчике, который называется судною лавкою.

Перед избы, где образа, почетный.

Изба соединяется сенями с подклетом, строением холодным, вроде кладовой. Если на место его другая изба, то называется горница.

Кирченая изба – вытесанная, когда бревна стесаны в гладкую стену.

Кирчат избу теслом, – топором, иначе надетым на ручку.

Лбище (фронтон) избы бывает или подшивное, или самцов, т. е. из таких бревен, как изба.

Реши, решети – кладенные вдоль края от одного лбища к другому, сверх которых кроют доск<ами>.

Внизу, где оканчивается крыша, на края кладется застрех.

Бревно на верху кровли от лбища до другого называется конек.

Крыши кроются драньем, тесом и соломой; в последнем случае в застрех утверждаются тычки.

Подвалка – чердак в избе под крышею, где бабы кладут пеньку и проч.

Прикладки – жерди, накладываемые сверх соломенной крыши.

Пластины – две половины дерева, распиленного надвое.

* * *

Густопсовые.

Чистопсовые.

Чистопсовые – гладкие, с шерстью длинною на хвосте и на ляшках, т. е. на черных мясах.

Густопсовые – с шерстью длиною по всей собаке. [Цвет. Черная с подпалиной.]

Крымские – с длинными ушами висячими.

Хортая – гладкая, короткая шерсть.

Горские – бесхвостые и полухвостые, куцые и полукуцые.

Брудастая – с усами и с торчащей шерстью.

Выборзок – смесь, ублюдок.

Цвет:

Мазурка – красная собака с черным рылом.

Черная с подпалиною – с красной мордой.

Муругая – искрасна черная, с черным рылом.

Половая – желтая.

Полвопегая – по белому желтые пятна.

Муругопегая – по желтому черные пятна.

Краснопегая

Черноухая

Сероухая.

Статьи:

Голова: Щипец, чтоб длинен и тонок.

Ребра:

Достоинство ребер: бочковатость, выпукловатость.

Лишняя маленькая кость в боку называється сарная кость, – примета резвости; впрочем ныне опровергаемая.

Толщина и крепость черных мясов.

Ширина собаки в заду между ключицами и двух задних ног по крайней мере на ладонь. <Про> <Недостатки>

Хвост называется правилом; достоинство его в тонкости: хорошее правило то, которое в серпе. Правило в серпе – хвост, имеющий форму серпа.

Достоинство ног – в прямизне, сухости и в сжатости пальцев. Когти называются зацепами; чем более она стоит на корточках и менее захватывается земля.

Лапа в комке – сжатая лапа.

Недостатки:

Вислозадая – когда зад свис, нет постепенной.

Прилобистая – когда лоб широк.

Подъездая – когда ряд зубов нижней челюсти входит под верхнюю.

Клички:

Стреляй, Обругай, Скосырь, Терзай, Азарной, Наян, Буран, Нахор, Черкай, Мазур, Саргуш, Ахид, Северга, Скосырка, Касатка, Награда, Ведьма, Крамфа, Юла (во время травли охотник зовет Юлинькой), Пожар.

Охотники:

Ловчий – распорядитель охоты. Под гончими – доезжачий.

Стремянные – в виде адъютанта при барине.

Передний заезд – которые заезжают вперед.

Задний заезд.

Имена гончих:

Крушило, Водило, Громило, Гудило, Будушка, Кутишка, Заливка, Докучай, Помыкай.

Выражения:

Лес называется остров, по окружению его полем, часть леса, отделенная для лова.

Бросать гончих значит напускать гончих.

Имать собак – брать их на смычке.

Первый голос гончей, нашедшей след: отозвалась. Вследствие этого к ней подваливаются гончие.

Сбить собак значит отогнать их от следа.

Навзрячь погнать, погнала навзрячь – завидевши глазом, а не чутьем.

Собака с заливом – звонкая на голос.

Назвать собак – на горячий след, если они сбились.

Сколоться со следа – потерять след.

Наводят охотники крика<ми>: аха, ха, ха – ту-ту-ту!

Заяц жирует – когда, прежде нежели лечь, он жирует – делает петли кругом. Потом заяц сдвоит или строит, когда он сыт после жиров, то идет на логово, и потом сдвоит и строит – два раза пройдет из хитрости, чтобы затерять свой след. Скидывается значит сделать прыжок большой с двойки; после делает несколько сметков и ложится

Кричать по жирам.

Гонять стайно – вместе гонять

Перечет собака – собака, которая забегает вперед.

Собака спеет – когда она слышит, что отзывается и подваливается (к борзым).

Собака паратая – называется так быстрота гончей собаки, резвость ее.

О борзых еще не говорено.

Рыщет – идет одна за охотником.

Присворить – привязать к себе собаку.

Высворить – выучить собаку, чтобы она не бросалась под гончих.

Оттопать – вогнать опять в лес, чтоб выгнать на барина.

Лаз – место, на которое предполагал охотник, что заяц выбежит.

Зверь вылез – показался из лесу.

Подозреть – увидеть зайца в лежащем положении и атакать.

Следы:

Заячий – малик.

Волчий – тропа.

Лисьи – нарыск.

Ездить по белотропу. [27]

« по чернотропу – осенью, когда нет снегу.

« по брызгам – при начале весны.

« по насту – когда снег сверху промерзнет.

Садкой заяц – увертливый.

[Деревни кочурки и кочугурки]

Разделения зайца по возрастам:

Матерой – старый.

Настовой – родившийся во время насту.

Прибылой – молодой заяц родившийся <1 нрзб.>

Яровой – родившийся во время ярового посева.

Листопад – родившийся осенью.

* * *

Сцена на печи.

Выглядывает из-за двери.

– Соцкий!

– Ге!

– То-то ге! Создатель приехал.

– Из чего ж слышно?

– То-то из чего? Из подушевной.

– Ну, так що ж?

– То-то що! курицу слопал да другу просыть. [28]

* * *

Обоз едет. Мужик остановился и кричит:

- Сенька!
- Що?
- Скажи моей кобыле: тпру.
- Нерзля.
- Да що ж нерзля?
- Кроха у ртю.
- Положи ее в шапку.
- Не влизе.

Встреча мужиков.

- Сват, здорово.
- Здорово, сват.
- А что табак-от есть?
- Есть.
- Ну еще здорово!

(Нюхает)

- Да что ж ты, сват, к нам того...
- Я было того, жена-то таё, я так уж и ну.

* * *

Загибанья.

[Вдоволь] Вдоль те намотать и сто кораблей тебе....!

* * *

Слова.

- Чашник – ремень, который втягивают в портки.
- Махотка – горшок, в котором варят кашу.
- Опаска – опояска, кушак.
- Хохлиться – что ты хохлишься.
- Раскумекать – расчухать. Ты раскумекай прежде.
- Кутня – род клетки в виде колпака, обтянутой сетью.
- Чепки – клетка пти<це>ловки, обтянутая сетью.
- Кóчет – петух.
- Кочетиться – петушиться, ходить петухом.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Индейка – пырка; индейта – пырята.

Борók, борки – мони́сты. состоящие из зернышек пронизок.

Ерилка – небольшая крестьянская ярмонка в деревне Симбирской губернии.

Чапору́ха – чарка.

Красоу́ля – фляжка.

Глазо· · ·> – пожирать глазами; визиром взориться на женскую красоту.

Стечь – пропасть, о собаке, вследствие того, что она, чувствуя приближение болезни и смерти, сбегает из дому и пропадает в стороне – стекла; стечка – самая болезнь.

Плеск – хвост у сома, весь из жира.

Скалды́рник – человек, который со всего хочет выгоду схватить; плеву с г<...> содрать.

Лебезить – ухаживать за кем-нибудь с небольшою подлостью, чтобы получить что-нибудь от него.

Губина – всё, что подходит под губу, съедобное, всякая овощь, кроме хлеба и мяса.

Семенить – подступать мелким шагом.

Бабич – любящий разговориться и водиться с бабами.

Названия карт:

Туз червей, пик червей, король сам-бубен.

* * *

[Прилагательные]

Чума́зый – замарашка.

Чорт в Симбирской <губернии> – шишига.

Площи́ца в Казанской <губернии> – немецкая вошь.

Сгибе́нь – пирог с фаршем, лепешка, загнутая надвое.

Заварное тесто – тесто, прежде замешанное круто, опущенное в горячую воду и потом запеченное.

Софрон – простак. [29]

Стро́ка – подлая муха желтого цвета, кусающая коров под хвостом; муха строчит корову, а корова строчится.

Муха Третьяковского – рыжая с черными полосками, пребывающая неотлучно на г<...>е.

Тимофевна, как репа ядрена.

Назойливой – надоедливой.

Валик – цилиндрическая подушка.

Сивалда́й – неуклюжий, грубый мужик. Дворовых мужики называют дармоедами.

* * *

Комедь.

«Мужик с медведем».

– А как маленькие ребятишки коров крадут?

– А как бабы парятся?

* * *

Блюда.

Моня или Няня – желудок, бараний или другой, начиняется кашей гречневой, мозгом, [легким] и [печенкой], ножками.

Сальник – из рубленной печенки, иногда прибавляет<ся> каши и обкладывается взваром.

Желудок свиной начиняется рубленным мясом свиным; кладется много перцу.

Кулебяка – из одного лука и хвоста сомового или плеска, который весь из жиру, которого вбирает <в> себя всего тесто.

Просяные булки – из пшена, сварен<ного> на молоке и потом протертого; к нему прибавляют потом муки; пекут и едят горячими с икрой свежую.

Хи хи

Задняя часть зайца называется тушка.

[Кулеб<яка>] Головизна – пирог с головизной, то есть со всей головой осетра, с хрящем и со щеками и с потрохами; входит и тешка – нижняя часть.

Кулебяка с маленькой белугой в 5 пуд<ов>.

Птичьи и звериные крики.

Дергун, коростель дергает, сильно бегают в траве; живет в сырых лугах.

Перепел бьет.

Турухтан в Казанск. <губ.>[30] <род> кулика в траве.

Кулик куликает.

Весной, когда понимает турухтан, зоб[31] играет разными цветами.

Ветютин, дикой большой голубь в лесах, кустах; воркует заунывно и глухо.

Дикий гусь большой, и казарà – маленькой; гогочет гусь.

Утка крякает.

Галки говорят; налетевши кучей, говорят вверху меж собой.

Скулить, [32] о собаке: протяжно лаять.

Скучат щенки, когда сука не дает молока.

Тявкает – отрывистый лай (о шавке).

Писк диких птиц.

Утка нырок

Чирок самец

Филин укает

* * *

Голуби [разделяются] бывают гонные.

Гонные бывают: Чистые и Турманы.

1) Чистые:

Белый с пером значит когда в хвосте одно перо из крайних черное; если же в середине, то – синехвостый; если ж между ними попадетя белое перо, то редохвостый.

Ежели два пера с краю черных – двуперый; ежели более, то вилун; коли черное в правильных – севина. Голубь, имеющий одну сивинку, то голубь с сивинкой; если ж несколько, то сивастый.

Чистые бывают: синие – с темносивыми плечами; бывает он с светлым глазком на каждом перышке серый, темнее [бывает] коноплястый, еще темнее смурый.

Смурый – белопопаясый, красивый.

Скобунчик – весь белый, на плече отметина в виде скобки.

Наплекой – у которого одно плечо только серое.

Взлизастой – у которого у оконечности отметинка белая.

[Цвет голубей]

Вишнепокромой – с каймой на крыльях вишнев <ого> цвета.

Белопопаяс – светлее цвета.

Чагравый – голубь очень темный; сверх указанных отметин имеет отметину на груди.

Пеструшка – сверх пестроты имеет [длинные] черточки белые по перу.

Лысый – у которого черная полоска на лбу.

Великой недостаток, коли <с?> чистой голов<ой>

2) Турманы все голоноги; бывают красные и черные.

Черные с белыми хвостами называются Сороками.

Глинистые – по цвету.

* * *

Ловля голубей.

[Чем выгнать]

Здание, нарочно устроенное, называется столбянка: при столбянке – приполки.

Загоняет хозяин в колпаке, халате и туфлях шестом, крадясь по-за крышей.

Подымать голубя – пойманной голубь, злобный голубь, с глазами, налитыми кровью, всегда возвращается домой.

Садят в вязки, подшивая крылья иголкой, нового голубя, или в резки, надрезывая крылья.

Увидевши чужака, взгоняют, потом кричат: «перетряхни», подкидывают – он падает и

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
приглушается.

Скакун – голубь бойкий и большой глазковор.

* * *

Арзамас гусят.

Гоняют стадами в Арзамас гусей по триста штук.

Гусей откармливают овсом.

Жаровка – [бывшая] пустынь; был прежде монастырь. Торгует кошками. [Купец]
Бывает ярмонка кошья летом.

Купцы из Жаровки рассылают закупа<ть> кошек комиссионеров по деревням. Торг идет
меной: меняют их у крестьян на боровки, пронизки стеклянные и всякие ожерелья. –
Нищие слепцы разделяются на 20 кругов и поют во время ярмонки духовные песни.
Жаровка Корсунского уезда, Симбирск<ой> г<убернии>.

Серая кошка лучше. Черная, белая и сорока.

Кошечьи меха идут в Китай, меняют на чай.

У стародавних помещиков налагается на крестьян кошечья подать в пользу девичьей,
по кошке с дому.

Всякой мужик несет серую кошку, из которых потом шьют девкам шубы. –

* * *

Мужик подстрекает самолюбие:

Вы люди ученые; вам всё известно. – Вашему здоровью всё известно.

* * *

Вещи.

Рубаха с косым воротом.

Под мышкой ластовка иного цвета.

Портянки – летние онучи.

Дерюга – грубое рядом на мешки, дерущее, шероховатое.

Драч, терпуг, подпилоч – три постепенности напильников. Драч – жесткая нарубка
бугорками, точками; прочие – чорточками.

Сборник – род скуфейки на голове, на которой повязывают потом платок. Утром баба
посиживает пока в сборнике.

Бук – большая кадь, в которую кладут белье.

Бучить – тереть, бить белье в мойка<х>.

Отбучить – отдубасить, прибить кого.

Зря – так, как-нибудь: он это сделал зря, не подумавши.

Колоть – время, когда земля схватывается морозом без снега, становится
замерзнувшею грудю.

Калеть – твердеть, жесткнуть от мороза.

Шумаркать – шуметь, пошаливать, шевелиться.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Рубаха из ксандрейки – красн<ой> китайки.

Франт <?> <1 нрзб.> и перстнях на руке.

Бархотка на шляпе.

Гуляфная вода – розовая вода, употребляемая старыми барынями, вместо одеколона, для умыванья рук.

Охальник – сквернослов.

Охальничать – сквернословить.

Жагра – шапка, нагоревшая на светильне.

Щемило – человек прижимающий.

* * *

О родствах.

Невестки: двух братьев жены, между собою невестки. Сводные.

* * *

Тпруко́нюшка – зов коров, от: тпрука коняшка – звать лошадь, отъехать прочь.
Шиня.

Свинью – Аксютка. Кса – отогнать.

[Звать] отогнать баранов – тря.

Отгонять козла – цыба.

Звать гусей: тйга, тйга.

Названья коров: седаушка, пестраушка, бурёнушка, красаушка, белянушка, чернаушка.

Отгонять птицу мелку, приспугивать: шиш, шиш.

Мартын – водяная птица, питающаяся рыбою, которую ловит не с налету, как рыболов, а у берегов, величиною с утку; цвет белый с черной головой, красным носом и ногами.

Баклан больше мартына, пестрый, как и мартын, с небольшим носом; ловит рыбу, пlying целым флотом; гонит ее, крича и махая крыльями, к самому берегу; у берегу окружает ее полукругом и ныряя начинает хватать ее.

Месяц Сентябрь и начало Октября.

Закупки наезжих купцов и закупщиков бывают осенью, после уборки хлеба. Первая закупка произведений, потребляемых на фабрики и заведения в губернии.

1. Зола гречневая на поташный завод продается по десятина<м>; выгодна для покупателя потому, что он знает, сколько выйдет, а продавец не знает. Зная это, помещик продает в золе уже сженой. Мужик или заводчик и тут надует, покупая тулаем, т. е. без меры и весу, а просто кучей; дороже двух рублей десятина не продается. Покупка производится закупщиками, ибо все поташенные заводы производятся в Симбир<ской> губернии крестьянами.

2. Семя конопляное закупается всё крестьянами на масло. Четверти высшая цена 11 рублей, а дешевле 8 р. не бывает. Конопляная избойка называется колобом, употребляется для корму скота, лошадей и коров (колобан – хлеб формы четверугольной, из пшенишной муки); (фабрика: [состоит] [между] 2 дубовые бруса или 2 щеки составляют толк). Семя поджаренное смолотое [и обжаренное] кладется в кошель; клин забивается стулом.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
3. пенька [пудами] на собственные канатные заводы, производимые крестьянами и мещанами в городах и по пристаням; продается пудами: не больше 2½ и не меньше рубля.

Мочка пеньки лучшая – чувашская. Мочат ее чувашаи не так, как мы: мочат зимою; роят для этого прудки в родинках в незамерзающей воде и расстилают потом на снегу; от того полотно всегда белее, а пеньку всю зиму до весны расставляют на кольях тына у коноплянников, чтобы обсушилась со всех сторон.

4. Посконь – мужской конопель. Вся употребляется на собственные полотна.

5. [33] Мак. За маком приезжают арзамасские купцы, где главные маковые маслобойни; прод. <ается> пудами от 4 до 3 рубл. пуд. Весь мак идет на маслобойни в Арзамас; оттуда всё масло идет в Москву.

6. Орехи. Когда хороший урожай, обкладывается всякая баба принести назнач<енную> меру. Всё в Армазас. Пуд от 5 до 4-х.

7. Репа продается [десяти<нами>] по сажен<ям> в поле крестьянам, которые уже собира<ют>, от 2 р. до 70 копеек.

Хлебная продажа.

Около Генваря месяца.

Закупщики все иногородные купцы.

Купцы, приехавшие на пристань, снимают прежде мельницы, потом закупают хлеб, заставляя доставлять его к себе на мельницы.

Помещики запрашивают огромную цену, а купцы, зная хорошо характер каждого помещика, и сколько у него хлеба, и какого достоинства хлеб, и когда ему сроки в опекунский совет, соображая с этим, дают ему цены. В разъезд<ах> купцов и в запрашиваниях со стороны помещик<ов> проходит всё время до [Сентя<бря>] Генваря.

Нанимая мельницу, купец нанимает суда, и потому сими обстоятельствами бывает тоже принужден приступать к сделке, ибо суда нанимаются на срок. В Генваре месяце утверждаются цены, и начинаются поставки на мельницы. Мельницы мукомольные<?> и большие по Свяге, потом Барышу, по Сызране, по Черемшану, по Майне.

Пристань важнейшая Промзино: из нее хлеб в один год доходит <до> Петербурга.

По смолотии хлеб кладется бунтами в мешках на подобие ядер.

Как весна, обкалывают лед около судов, и суда называются суряками. Обколовши, начинают грузить суда и стараются их приготовить, чтобы они вместе со льдом вышли в Волгу. Грузка есть праздник бурлаков; задатки, начинают разгуливать и праздничать, прощаются и расстаются с женами, которые приходят в лентах, разряженные подареньем любовников и супругов. Тут же весенние песни и гульба на пристани между хлебами.

Обыкновенно идут, несутся нарочно с плывущими льдами до Нижнего. В Мае уже бывают в Нижнем, выехав от 15 Апреля; скорое путешествие зависит от большого разлива. В начале Июня уже бывают в Рыбинске невзгодья на пути: мели, карши.

Мука[34] в мешках, овес в куле кладется сверху, ибо боится подмочки; крупа тоже в кулях; солод (зерно, пустившее росток) также в куле; пшеница и горох ссыпаются прямо. Нагрузкой занимаются особые наемщики с крючками на веревке, которыми поднимают мешки и кули и взваливают на спину; иногда поднимают до 9 пудов, при бранях, криках и понуканьях. Бурлаки же в это время гуляют с лентами за шляпой; бабы плетут хороводы. Девки все высокорослы и стройны. (Горох идет на флот – морякам.)

* * *

Какие продукты и через какие пристани идут в Петербург и какие в Москву?

Сало – приезжают московские купцы, но закупают на рынках, куда подвозят продавцы, рубл. 10 и 11 пуд сырьем; закупивши, топят его в салотопнях; топленое складывается в бочки, и весною грузится на суды и идет в Петербург. Сырец – нетопленое сало.

* * *

Рыбные ловли.

Нерет – род верши с сетью, банда.

Крылена – верша с крылом, перегорожающая небольшую речку.

Невод – самой боль<шой>.

Волокуша – меньше, тоже с матней.

Бредень – в два человека, без матни.

Недотка – тканая сеть, очень мелкая, закидывается как бредень.

Сак – на палке, вроде ложки.

Блесна – блестящая метал<лическая> рыбка, с крючком в пасти на веревке за лодкой. Зимой опускают ее в прорубь, встряхивая. Плеснить – ловить таким образом.

Уженье рыбы, удить. Уда состоит: из крючка, грузила, поплавка; удилице – дерево, леса – шнур волосяной.

Жерлица – большая уда на веревке без удилица; закидывается и остав<ается> без ловца.

Рачня – для ловли раков; состоит из обруча, натянутого сетью с грузилом в хвосте; опускается на веревке в воду с куском мяса и оставляется так. Раки, наевшись, там и остаются.

Ловля снастью – через реку протягивается веревка с крючками, вся в крючках, и поплавком; подъезжающий на лодке узнает и вытаскивает веревку, отцепляя с крючков рыбу. Так ловится вся красная рыба: осетр, белуга, стерлядь, шип (средняя между осет<ром> и стерлядью), севрюга.

Стерлядь мерная.

Ловля острогой – выезжают с лодкой ночью, к носу лодки укреплен коза, железная жаровня, величиной в большую тарелку, в ней раскладывают огонь. Кладут смольё, сосновый корень, расколотый в щепу. Жаровня освещает дно реки и показывает рыбу. На лодке трое: один у огня, другой гребет веслом, третий бьет острогой, – острога род граблей с шестью и более зубьев крючковатых – опускает в воду тихо и потом бьет вдруг. Нужно метить в голову, чтобы попасть в хвост. Строжить – ловить острогой. Эта ловля всегда осенняя, Сентябрь.

Ловля на дух. Рыба соскучивает в продолжение зимы находится вечно под льдом, ей душно; тогда в феврале месяце подрубают лед с берегов, и она несметными кучами подходит к берегам; ее берут просто саками. Это бывает в небольших речках, озерах и прудах.

* * *

Предмет ярманки Нижегородской.

Железа:

Листовое по 25 листов в тюке. Яковл<евского> зав<ода> – лучшее.

Полосное.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Шинное.

Резное, железные полосы.

Прутовое.

Котельное и полукотельное.

Томленка – сталь; от слова томить, ибо железо кладется в четырехугольные глиняные ящики, где, соединясь с углем, железо превращается в сталь. Действие – томление. Сталь остается так на огне по две недели.

Брусовое.

Ряд железный – две версты.

* * *

Бухарцы привозят: шали, халаты, армячину, сушеные фрукты: урюк, абрикос, али-бухара, род слив, манна, нуга из фисташек, шептала, – сушеные персики. Петербургские купцы навозят много индиго.

Из Казани идет сафьян, большим количеством выделяемый татарами; меняют его на индиго. Индиго идет на бабьи сарафаны из крашенины, которые, впрочем, бывают также из кумачу, красной китайки, из <1 нрзб.>

Из Грузии идет большим количест<вом> красная бумага, в мотках привозят. Армяне привозят кизлярскую водку и рыбу шамаю.

* * *

Ловли отдаются помещиками прибрежных земель на откуп рыбакам-крестьянам, большую часть составляющим компанию. Всё лето производится ими ловля. Живут в шалашах. Вылавливая рыбу, пускают в одно озеро, где она остается до зимы; потом замораживают ее и продают.

* * *

Во время бала наследнику втесался туда француз Гибан. Г<осударь> насл<едник>, желая пробраться вперед из тесноты, взял слегка его под бока, прося учтиво позволить пройти ему. Гибан присел и сделал такую смешную фигуру, что н<аследник> захохотал и спросил его: «Отчего вы присели? Вы, верно, думали, что я хочу что-нибудь с вами сделать?» – «Я, ваше им<ператорское> в<ысочество>, [думал] принял вас за губернатора и оттого присел, потому что губернатор всегда имеет привычку меня щекотать». – Н<аследник> засмеялся еще пуще. Гибан засмеялся и, [сам] что любопытнее, [все] сам губернатор Хомутов, который тут же присутствовал, засмеялся.

* * *

Слова.

Курмыш – место в деревне, [врозь] в сторону от улицы. До соб<ора>.

Коляска – трясучка.

Комолая. Безрогая корова, комолая.

Мозгнуть – когда в жидкости оказывается гнилое брожение.

Мозглый – загнившая жидкость.

Промозглая – совершенно прогнившая.

Трупёрда – толстая, ж<..>астая.

В Симбирской губернии попов называют: дурья порода.

Хлебопашество.

Начинают с 15 Апреля. Ожидают, чтобы земля прочахла, т. е. чтобы просохла и не слипалась в грязь. Начинают пахать сохой в одну лошадь. Прежде всего начинают сеять овес, горох и мак, обождав дни два, чтобы земля проветрилась. Для гороха и маку еще прежде, т. е. с осени, раз вспахивают.

Первый раз вспахать называют вспарить – врезавают глубже, чем во второй.

После овса вспаривают землю для пшеницы и ячменя, если не успели осенью, и потом во второй раз вспахивают в начале Мая; называется засеять: семена засеял. Бывают уже известные севцы, которые так умеют засеять, что рядов совсем незаметно. Хорошие всходы – коли взшло всё ровно; всходы осеклись, остановились в росте; затонели – когда от бездождья листочки становятся тонки; жохнуть, поохло, когда еще более от бездождья посохло.

Стебли хорошо разгроздились, когда взшли гроздями, в несколько стеблей; [35] в однобылку, когда от одного зерна однобылый стебель. Всходы укрыли землю – когда всё позеленело и не видно земли. Всходы заострились – когда от бездождья верхушки потонели и подсохли. На борозду пробилло – когда дождем смочило во всю глубину борозды.

Рожь, ячмень, пшеница колосятся, когда из трубки показывается колос.

Овес мечется, а не колосится.

Хлеб пошел в трубку, когда является колосовая трубка.

Через-зерница, когда в одном месте есть зерно, а в другом пусто; мелкоколосый и крупноколосый.

Завязалась пяточка – сначала образуется род молочка, когда снизу шелуха начинает затвердевать.

В половину налила рожь, когда образуется половина зерна.

Просо не колосится, а кистится. Для проса пашут с осени; сеют его в одно время с пшеницею.

Хлеб свернуло, когда хлеб поспел преждевременно от сильного жара.

Озимой может быть только [овес] рожь и пшеница, иногда ячмень. Озимой лучше ярового: тяжелее весом и больше зерном.

[Порчи хлеба]

Головня в овсе, исключительно когда зерно всё почернеет и рассыпается в пыль; бывает от дождей и слишком тучной почвы.

Рожки или спорынья во ржи, когда зерно превращается тоже в черный нарост.

В просе, пшенице тоже головня.

Просо брунеет, когда начинает краснеть.

* * *

[Уборка]

Рожь, овес, пшеницу и ячмень жнут; гречиху косят; лен и конопель берут.

Жнут бабы и мужики, коли хлеб взшел рано; коли же поздно, то одни бабы, ибо мужики заняты вспахиваньем под озимой.

Хлебы травны, когда весной от дождя взойдет много травы и предстоит от того много полотья.

Козлец, полынь, песика задавила хлеб, когда эти травы разрастаются сильно в дождливое лето.

Зерно бывает дуплястое, когда от дождей его налило сильно и потом жаром свернуло так, что в середине его остается небольшая пустота; тощее, толстокорое, когда [кожа] верхняя оболочка толста; бывает на черноземе; на песчаной земле бывает всегда тонкокорое. Хлеб [бывает] от тонкокорого и белее, и лучше, и более муки, меньше отрубей.

Сжавши, складывают снопы.

Сноп состоит из гузовья (от гузно) и пояса, которым связывают.

Разные роды складки:

Крестами в 25 снопов, копнами.

Боровками – невысокая форма, сноп к снопу, гузовья закрывают колосьями.

Стоянками – [ставятся] гузовьями книзу, стоймя: тот и другой род лучше в хорошее время.

Овес кладут, коли сух, тот же час в скирды; в скирде сто снопов, сколько можно взять на воз.

В гумнах [всегда] складывают кладями, в двести телег и более.

Хлеб – складывать в клади, а сено – метать стог.

Шиш – копны вместе, конусом вверх.

Остожье – шиш с жердям<и>, на который мечется сено, и составляет стог.

Валы валять – соединять ряды скошенной травы, несколько рядов в один вал.

Копнить сено – из валов составлять потом кучи.

Возилки – род воза без колес: одна перекладина, соединяющая две хворостины неохмыстанные, с листьями, которые служат оглоблями с комлевой стороны: [36] сено накладывается на них и увязывается бичевкою.

Клади хлебные и стоги – сверху [37] укрываются соломой, сверх которой кладутся переметины – две хворостины, связанные верхушка<ми> и перекинутые – одна на одну, другая на другую, противоположную, сторону клади.

Сено бывает: лесное, степное и пойменное; оно бывает крупное и мелкое.

* * *

Блюда.

Рассольник – пирог с курицей, гречневой кашей, в начинку подливается рассол. Яйца рубленные.

Лепешки с припёкой – припёка бывает с творогом, с маком, с луком.

Сочни – род клецек, круглые; в маковом молоке варятся.

Левашни – пирожное, вздутое из теста и с вареньем внутри; пекётся на маковом молоке; имеет форму треугольной шляпы.

Калинник – пирог с калиной.

Круглой пирог – с яйцами, грибами; пирог с груздями.

Пряженцы – маленькие пирожки с мясом и луком; подается к ним суп или бульон.

Сосуды.

Бочка сороковая.

Пересек – бочка, разделенная надвое, ушат.

Лагун – форма ведра с крышкой.

Жбан – сосуд узкий кверху, с рыльцем, – для квасу

Лады – доски, из которых состоит бочка.

Слаживать бочку – делать бочку.

Зауторить – делать выемку для вставки дна.

Ставень – круглый ящик, деревянный, точеный, с крышкой пополам вроде табакерки; кладут масло, мед.

Побратима – шарообразный сосуд деревянный, с узким горлом; кладут мед, варенья.

Доскәнец – деревянный маленький сосуд, величиной в табакерку, но без стоячих боков, круглые, часто <?> встречаются со стулом для колец, ожерельев и прочего.

Коробья – тонкая посуда из гнутого дерева; шьется дерельком.

Лукошко – из такого же дерева, круглое, для[38] пересыпки зернов<ого> хлеба.

Кузов – кубом из березы, [39] для грибов и проч.

Бурак – из берестовой тоже коры, длинной цилиндр с крышкой, во внутрь входящей, для икры и проч.

* * *

Сушилы – верхний этаж над амбарами, ледниками и проч., где лежит[40] пух, окорока, рыба – высушенная, овчины, кожи разные, сыромятные, крылья гусиные, балыки, мед, крупа мелкая, орехи, холст, сукна.

Коптилка – строенье, где коптится ветчина; маленькое, обыкновенно в стороне, в саду.

Мыкальник – тоже из осинов<ого> дерева, овальная большая коробка, где бабы кладут[41] веретена, мочки, мыканные из льну.

Загорода – место, загороженное кругом; пригорода – пригороженное к чему-нибудь.

Коровник – коровий загон.

Клетухи – хлев.

Погреб – яма, погребница – строение над ней.

Снавра – брусок, вгоняемый впоперек досок для их связи; снаврить.

Расхлебенить – раскрыть настезь, распахнуть:

Сидит баба на юру,
Расхлебенивши <1>.

Плетень – вбиваются в землю колья, на четверть один от другого, и заплетаются хворостом.

Городьба – жердьми вбиваются колья по два вместе, на расстоянии 4 аршин на полторосажени; потом впоперек кладут жерди, расстоянья на пол-аршину между ними, привязываясь ивовыми прутьями.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Тын – из плах, то есть расколотого дерева, стоймя, вверху расчепливается и вгоняется в расцеп планка, служащая связью.

Частокол имеет такое же основание, как городьба, но жерди переплетаются стоймя очищенными от сучков ровны<ми> кольями; употребляется у попов в огородах, у помещиков в садах и загородах.

Капус<т>ник – огород, засеянный капустой.

* * *

Выражения.

Муха-громотуха – синяя муха большая, шумящая по стеклам окон.

В Симбирске называли одного немца Тараканьими мощами.

Шастанный овес – лучший; шастать, шастанье – очищение овса от шелухи при пересыпании.

* * *

Торговля.

Из Симбирской губернии вывозится много деревянной посуды в Оренбургску<ю>, где меняют на хлеб, т. е. сколько насыплет зерна в чашку, то и цена чашке. Отправляется тоже много оконниц со стеклами. Туда же вывозится преимущественно из лесных уездов Курмышского и Алаторского, где много лесов, по реке Суре и знаменитый лес корабельный.

* * *

Сошник – род заступа для копания земли, с острием на конце; употреб<ляется>, когда земля становится твердой.

Вилки для кидания хлеба; подавать снопы вилами – о двух зубьях; вилы для сена – о трех зубьях, растопыренных; шест длиннее гораздо.

Кляч – палка, за которую влекут сеть, тянут невод.

Ступни – род туфлей из лыка, которые надевает мужик, слезая с полатей, наскоро; из лыка, как и лапти.

Шубник – короткий, с косым воротом и с тальей.

Полушубок – не длиннее куртки; тулуп широкой и длинной.

Егоза – вертлявая, не сидящая на месте; оттуда: егозить – вертеться, не посидеть.

Мозгляк – протухлый.

Свержий – здоровый.

Кукан – привязь, шипок с веревкой, на который нанизывается пойманная рыба. Держать на кукане – держать кого на привязи.

По<р>хлица – на мельнице железо, в которое вделяется камень, быстро движущийся на веретене, порхающий.

Сосунок – жеребенок, который сосет еще мать; потом он годовик, потом двух-годовик, потом лоншак – трехлетний.

Отжиг – ухватка, образец, манер. У нас другой отжиг – у нас другой ман<ер>.

Отскочиха – в стороне, далеко. Он живет на отскочихе.

Чохом – гуртом, разом.

* * *

Рыло, хрюкало, рождество.

Съездил его в рождество.

Трафной – гадкой, которого не едят.

* * *

На пристанях по Суре народ побогаче и веселится по воскресным дням щегольски; старики сидят на завалинах у изб.

* * *

Камни в Симбирской губернии.

Песчанник употребляется на жернова; песок, связанный кремнистым цементом. Песчанник сланцоватой, ведомый только Петру Михал<ычу>, плитами, толщиной пальца в три, аршина в полтора квадрата.

Все Жигулевские горы состоят из известняка белого и палевого цвета, оба годны для строений, первый крепче. Испытать, как выдерживает мороз.

Смолистый сланец – горючее вещество; находится в большом изобилии в Симбирской губернии, протяжением почти на 300 верст. Много дает пламени, жару не столько и потому годен на освещение; во Франции сделано уже применение его к сему предмету.

* * *

Донник – растение из трифолиум; бывает в рост человека; душистое, с беленькими, меленькими цветочками; кладется в табак. В старину вязалось в пучки и вешалось в нужники для запаха.

В старинных домах, возле самого дому, был травник из разных душистых [трав] растений: калуфер, заря, мята; в троицын день вязались из них пучки, с которыми входили в церковь. Плаканье над ними называется: плакать на листу.

* * *

Крестьянские ремесла:

Вязанья поясов.

Вязанья сетей.

Вязанья чулок.

Плетение лаптей.

Плетение кузов.

« ступней.

« шелковых поясов.

Валяют войлока.

« кошма, большой войлок для устилок полов, возов.

Валенки – войлочные башмаки.

Ткание холста.

« сукна сермяжного.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
« мешковин, грубого полотна на мешки.

« парусины.

« полосушки, холстяной полосатой материи из крашенных ниток.

« сит и решет – ситы всегда волосянные, а решеты – из лыка.

« рогож, цыновок, кулья, всё из мочал.

* * *

Мужички: Маленкин, Фыров, Удалов, Милушкин, Шатин, Брюханов, Рыжев. Кабаки: Зацепа, Кружало, Навозной, Агашка, Московской.

* * *

Чапыжник – мелкой, кривой, дрянной лес, кустами поросший от корней, объединенный скотом.

Слом – дерево, сломанное бурей.

Выворот – вывороченное с корнем.

Гуменник, гумно, кладенник – где складывается хлеб кладями.

Лунь – птица хищная, вся белая; говорится: белый, как лунь; породы коршунов; их меньше, но больше ястреба. Ноги и нос желтые; [42] полет плавен, плавнее ястреба; почти не движет крыльями и, смотря [пристально] с вышины [43] в траву, хватает полевых мышей и полев<ых> степных зверьков. Говорят: сова летит, а лунь плывет – когда учат маленьких детей производить движенье руками.

Шебарской – малой дерзкой, забияка.

Комель – толстый конец дерева.

Лес комлевой – хороший, толстый, а лес вершинник – тонкий, верхний сруб.

Мурысь – самая тихая печаль (?).

* * *

Сушка хлеба производится в:

Овинах – большой, крестьянский хлев называется овинный;

Ригах – господской наз<ывается> рижный.

Сыромолот – смолотый сырым.

На шишах сушат в иных местах мужики, повесивши снопы колосьем к низу; в сарае под ними роют яму, где раскладывают огонь, а над ним отверстие в крыше для проходу дыму. Весьма часто хлеб загорается.

* * *

Торговля.

Прасол – мужик, торгующий всем, не определяя себе рода торговли; не пропускает ничего и почти во всем знаток; оттуда прасолить.

* * *

Запили саратовцы на радостях

Застали мужика <2>.

* * *

Дягили.

Борщовик – с широкими зубчатыми листьями.

Козлец.

Коровка – стебель гладкой, толстой, походит на зорю, лист большой; белая кашка, растет в лесах.

Шкерда – стебель толстый; лист длинной, большой продолговатой формы; цвет как у репейника, шарик из игольчатых лепестков желтого цвета, щеткой; водится в черных лесах, вкуснее всех прочих.

Катовики – стебель тонее шкерды, цветок имеет скатанную форму, как шарик; желтого цвета, в лесах.

Дикая редька *Bunias orientalis* – листья продолговатые; острый цветок, самая маленькая звездочка желтого цвета; по полям, приятного вкуса.

Песика, вкус репы.

* * *

Растения, употребляемые в кухне:

Сныдь – растение безвкусное, толкут и кладут его в ботвинью.

* * *

Микитки, хватить кулаком под микитки – под ребра.

Салазки своротить – своротить челюсть нижнюю.

Трущоба – лесное место с оврагами, непроходимое.

Пйкоть – чаща лесная из кустарнико<в>.

Кабёл – пень, вырытый с корнем.

Старица – сосна, вся проникнутая смолой, потерявшая все ветви свои и только на верхушке сохранившая; старое русло реки.

Проток – небольшая речка, соединяющая два озера.

Колотóвка – мельница маленькая, которая шумит и стучит; старуха небольшая, крикливая и бранчивая.

Вёреск[44] – жесткое растение полу-кустами, вечно зеленеющее. *Erica* – с маленьким цветом; растут по песку, в сосновых лесах.

* * *

Красик – красавец, народн.

Середовой – человек средних лет.

Вилòк – капуста, свернутая в головку.

Кочкарник – место, покрытое кочками.

Лога – узкая долина.

Места потные – сырые места.

Шуры-муры – когда парень волочитя за девкою, говорят: у них с нею шуры-муры.

Шить: тачать, сшивать два куска вместе; когда клин вшивается, называется:

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
прислонить, сослонить два клина.

Строка – шов верхний; строчить.

Кантик – проймах<?>.

Пройма.

* * *

Приметы дурного управителя.

Василий Сергеевич строг при сборе холстов и яиц; строго взыскивает, чтобы баба принесла положенный кузов грибов и проч.

Всегда плохой управитель подозревает, что покушаются на его жизнь, и боится, чтоб его не убили.

Бывает покровительствуем барыней, потому что строг по ее части, то есть смотрит за приносом ягод; знает хорошо, во сколько пасм талька, и сколько нужно пасм на постав (постав – мера аршин в 25); накладывается на бабу в год два постава. Зимой баба прядет и опрядывает тальки, а летом ткет полосушки.

Зимой собираются бабы в чью-нибудь <избу> вместе прясть. Это называется супрядки, у девок – посиделки.

Девки обкладываются сбором грибов, ягод.

* * *

Промыслы разных губерний. Из Ярославской губернии множество развозят по всей России грибов, из Москвы также.[45]

* * *

* * *

Обычаи.

В воскресный день дворня после обедни приходит с поздравленьем к барам, пробирается обыкновенно через девичью; более[46] делают визиты те, которые уже почему-либо отличены и пользуются за старость и старую службу вниманием, – в праздники большие, в Троицын день.

* * *

Праз<дники>.

Большой самый праздник – Свет<лое> воскре<сенье>, не работают целую неделю.

Троицын день и Семик не работают 3 дни. Заплетают венки, поют песни; хороводный праздник оканчивается бросаньем венков в реку.

Хороводы начинаются с начала весны и всякое воскресенье продолжают; оканчиваются Петровым днем. С этих пор время называется деловую порою или страдою, от слова страдать от труда.

* * *

Птица.

Пустельга – хищная птица, величиною с ястреба, пестрая; ловит одних мышей.

Белохвостик такого <же> рода, только с белым хвостом.

Полуночица – вылетает в полночь; вся сизая, меньше голубя, гоняется за летучими мышами. Полет быстрее свиного.

Совы залетают в курятники ночью и нападают, заклеывая носом и раздирая когтями.

* * *

Части мельницы водяной:

Снасть – вся мельничная машина.

Водяник – вся водяная часть.

Каждое колесо утверждено на валу, каждый вал движется на шипах, каждый шип лежит на подшипнике. На каждом водяном колесе сухое колесо, каждое сухое колесо движет шестерню, цепляя своими зубцами за ее цевки.

* * *

Сено в Петербурге продается лучшее, броницкое, по всему Волхову свозимое в Броницы; продается по 60 коп. Засеваемое англичанами – по 40 коп. Отава, второй укос, по 30 и 40 <коп.> асс.; покупается извозчиками, которые, впрочем, покупают лучший овес.

* * *

В Оренбургской губернии[47]

В Оренбургской есть речка Сюгоши, называемая от русских Сивушкой.

Промысл – хлебопашество. Хлеб весь расходуется внутри губернии на медные заводы и железные.

Хлеб продается пудами: ярового 30, озимого 50.

Медом славится Оренбургская губерния.

Красный или хлебный от 2 до 10.

Липец беложелтоватой от 20 до 25.

Травяной, зеленой даже 30.

Пчелы находятся в диком состоянии, заводят гнезда в древесных дуплах; такое дерево называется[48] борть. В грамотах древних упоминаются бортевые и бортяные уголья.

Борти, бортники, приставленные за смотрением бортей.

Вишни дикие покупаются купцами верховыми, из-за Волги, садами, тут же бьущими из них морс. Большие выгоды, но не всегда равный доход, потому что иной раз не родят, иной раз выгорят от полевых пожаров, называемых палами. Пожары происходят от жнив, остающихся от жатвы срезанных стеблей соломы. Выжигают их нарочно весной, чтобы не мешали вспахиванию.[49] От них загорается всё поле, выгорают кусты, бустыль, стоги сена и всё, что ни есть на пути. Картины пожаров ночью великолепны: пожар стелется по полю быстро, иногда вдруг взметывается, идет вверх, встретив что погромнее.

Ее же сушат и продают пудами от 7 до 10.

Полевая клубника. Русские сушат и продают рублями 2 дешевле вишней. Татары делают из нее пастилу и отвоз<ят> в Казань и Оренбург.

Малины в лесах дороже других ягод. Клубничкой обкладывается всякая баба по фунту в день.

[Дикая вишня]. Ежевика.

Костяника – красная ягода величиною в горох, кисло-сладкая.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Черемуха сушеная продается.

Рябина тоже сушится.

* * *

Выражение Ноздрева:

«Сыграл, как молодой полубог» (на билиарде).

* * *

Сведения о Лыскове.

Промысл мужиков в посредничестве между продавцами и закупщиками хлеба. Мужики привозят в Лысково хлеб зимою, который складывается в амбары. Весной приезжают в Лысково купцы закупать его, с доставкой лысковцев в Рыбинск. Доставляют туда лыскавцы или на своих судах, которые сами строят, или на наемных. Суда: расшивы с мачтами и парусами тащат лямкой бурлаки вверх против течения, что назыв<ается> тащить завозней. Завозней называется лодка, на которой отправляется один вперед брос<ать> якорь; бросивши [вверх], завозня быстро отправляется назад по течению подать на судно конец веревки; веревка накладывается на блоке; уцепивши свои перевязи, или лямки, [50] бурлаки напирают [51] грудью; судно идет вперед; другой конец на другом конце наматыв<ают>.

* * *

Дела, предстоящ<ие> губерна<тору>.

Главное дело – образовать губернское правление.

Дела губернского прав<ления>: [52] полицейская <часть> всей губернии: что в городе [53] полицмейстер, то в губернии губернатор. Все случавшие<ся> происшествия: скоропостижные смерти, пожары, самоуправства, ссоры, убийства, неподчинения и неповиновения, все чрезвычайные происшествия: голод, появления засух, погод, саранчи, насекомых, все донесения обо всем. Об этом всем доносят по местам находящиеся чиновники. Капитан-исправник то же в Земском суде, что губернатор в правлении, и забирает от заседателей все донесения.

Губернское правление состоит из присутствия и канцелярии. Присутствие из трех советников и губернатора. Все советники равны: в иных губерниях – по уездам: на каждого равное число уездов; [54] в других – по материям: одному советнику герольдия – всё, что относится [55] к лицам служащим: назначение, определение, увольнение чиновников, предание [56] суду, выговоры, замечания (всё это не иначе, как с ведома присутствия), награды, наказания, повышения, преданье суду с отрешением и без отрешения. Все должны присылать послужные списки своих подчиненных. Второму – происшествия, продовольствие, магазины запасные, рассмотрение спорных дел – куда их относить: в суды ли, если судебные, или в губернии, – если распорядительные; относительно квартирования войск и повинностей квартирных, подводных и дорожных, собиранье податей и недоимок (которые ныне, может быть, в минист<ерстве> имуществ), побудительные меры ко взысканию их.

Рекрутские [57] наборы, назначение мест и лиц для присутствия. –

(Главная часть всех поползновений на все взятки, общая пожива; выигрывающие: председатель и член присутствия, канцелярия, медик, военный депутат, казенная палата). Губернское правление больше всего берет с откупщиков за назначение места, где, в каком уезде составить присутствия, потому что выпивается в это время вина множество. Иногда около 80 тысяч срывает губер<нское> правление взятки с откупщика. –

Остроги и пересылка преступников. –

Утверждение всех приговоров уголовной палаты.

Губернатор удерживает власть в уголовном суде. Уголовная палата все приговоры свои присылает к губернатору, который или соглашается, или отмечает свое мнение

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru и с ним отсылает в сенат. Обыкновенно губернатор призывает председателя или секретаря и с ним<м> переговаривает и соглашается <1 нрзб.>.

Повинности натурою и деньгами: на дороги, мосты, – устройство и содержание. Больше все согласны натурою, а не деньгами: это копейка от души или побольше, что дворяне уж с уездным предводителем соглашаются между собою. Повинности падают на тех, которые даже поближе[58] к тем местам, где нужны мосты и пр.

Квартермистр для назначения квартир ездит сам, если новый человек; если ж давно живет, то знает и места.

Он имеет у себя карты подробные – с означением всех деревень, мест, их удобств.[59] Распоряжения эти делаются с определений губернатора, имеющего право согласиться или не согласиться, который, утвердив это, доводит дело[60] к предводителю дворян<ства>, а предводитель дворянства соглашается об этом с дворянами в собрании.[61]

* * *

Приказ общественного призрения.

Имеет у себя больницы, рабочие дома и богадельни, и все богоугодные заведения. Все заведения эти образуются из вкладов добровольных, делаемых умирающими, или даваущи<ми> обет, или желающи<ми> получить крестик, и из доходов: процентов с капитала, процента из штрафных денег и со всяких сделок, крепостей.

Губернатор может сделать здесь в<сё>: уменьшать расходы, находить всё новые пути для извлечения новых доходов. Губернатор всем этим любит занима<ться>, потому что на богоугодные заведения обращено внимание государя, и за это дают награды.

Правление приказа: неперемный член, секретарь, заседатель от дворянства и заседатель от купечества.

От губернат<ора> города – полиция и хозяйство.

Хозяйство: доходы и расходы.

Доходы – земли, отдаваемые городами жителям, сбор с домов, с лавок, с[62]

Расход на полицию.

Правл<ение> состоит из думы; дума – из головы с двумя заседателями, из купцов и мещан; предмет – увеличение доходов и расходов.

Полицмейстер в совершенной зависимости от губернатора, хотя и назначается комитетом раненных. Предмет – следствие всех [мелких] дел и происшествий города; определяет наказания и препровождает все дела, выходящие из круга мелких происшествий, по принадлежности, в другие места.

Магистраты в больших городах: часть судебная, разбор тяжб.

* * *

Места, не подведомственные губернатору, но на которые он может иметь влияние.

Казенная палата – заведывает всех казначейств всеми доходами, хранит казенные подряды, торги и всё, что ныне составляет палату государственных имуществ: правление казенн<ыми> крестьян<ами>, оброчные статьи – в отдаче на подряд лугов, земель, мельниц, рыболовств. Источник всех взятков с подрядчика.

Правление крестьян – голова с писарем: относился письменно и лично, правил независимо, просто, без всяких ограничений, выбирался миром. Случаи для взятков: выкупиться от постоя, избежать от разных нарядов и повинностей. Самая главная часть, донныне оставшаяся, откупа.

* * *

Откупа.

Винный. Откупщик едет в Петербург с залогом; берет свидетельство, утвержденное гражд<анской> палатой, состоящее в описании имени и в том, что оно не заложено. Откупщики платят помещикам 8 процентов и билеты из банка сохранной казны, [63] на которые тоже процент. Чем он беднее и менее к нему доверенности, тем больше дает.

Сделки откупщика с казенной пал<атой>. Откупщик должен взять известное число вина в казенной палате непременно. Остальное или сам покупает у помещиков-винокуров, или сам курит. Казенная палата, сдирая чрезмерную сумму с откупщика, ему мирволит [64] во всем: позволяет открывать кабаки не в законных местах и не в законные <часы>: во время обедни, в праздники и до обедни, продолжая ярманочные дни; позволяя разводить водой вино, позволяет употреблять возбуждающее зазор <...>; не закрывает вечером езды и проч. Сила откупщика так велика, что его нельзя ограничить, потому что он лопнет, если скрутить его, и потому все, даже честные, берут от него взя<тки>.

Откупщик всем дает; все с ним в дружбе и все им довольны.

Губернатору, смотря по губерниям, – от 10 до шестидесяти; в казенной палате виц-губернатору и советнику винных дел – не меньше самого губернатора, и нисходя до мел<ких> чиновников. Кроме того всякий служ<ащий> имеет право послать за штофом сладкой водки к откупщику, в каком бы месте ни служил.

Всей полиции дает, и городской и земской, вся полиция у него на жалованьи.

* * *

Правление:

Виц-губернатор и три советника, один губерн<ский> казначей. Советник вин<ных> и соляных дел (ибо продажа соли есть также предмет казенной палаты) и советник казенных крестьян.

Губернатор может иметь влияние на палату при подрядах и торгах, ибо должен присутствовать в качестве председателя при всех торгах, при закупке вина в казенное ведомство, при подрядах на станциях, при всех оброчных статьях. Кроме того он должен участвовать при всех подрядах в губернии по всем ведомствам, которые все производятся или в казенной палате, или в Губернском правлении.

Совершенно независимое лицо от губернатора – прокурор: не должен даже водиться с губернатором и подчиняться какому-нибудь его влиянию. Есть блюсти<тель> выгод казны и законов. Его обязанность давать протесты на всё то, что дела<ется> незаконно. Все дела ему присылаются на просмотр. Он смотрит на две вещи: на законность форм и на медленность в производстве. Имеет стряпчего казенных и стряпчего уголовных <дел>; никакое след<ствие> в губернии не производится без присутствия при нем губернского стряпчего. Он осматривает остроги – чтобы их кормили, не мучили, чтобы дела остр<ожников> производились, как можно, без замедления. Словом, он – око закона. Никакое производство дела не имеет исполнения без его пометки: «читал». Имеет право понуждать о скорейшем производстве. Прямо на имя государя, через министра юстиции, посылает еженедельно донесение о содержимых в остроге. Все протесты посылает на имя министра юстиции; к нему посылают от министерства бумаги редко.

* * *

Взятки прокурора:

1) [65] Общо – от всех мест правительственных [с которых он] берет взятки; 2) от случайных дел; 3) от уездных стряпчих, получающих много при следствиях; и 4) от откупщика.

[Уездный] Совестьный судья по выборам не зависит от губернатора; благодетельнейшее установление. Судить все дела, где должны быть смягчены законы, по совести (христианской); малолетних, умалишенных. Суд его окончателен, поэтому стараются охотно препроводить дела в сов<естный суд>. Жалованья ему нет, канцелярия содержится от дворян, так, как и сиротское отде<ление>, находящееся под председательством предводителя.

* * *

Взятки губернатора.

Самые нестыдные, неопасные взятки с откупщиков, которые берут и честные, потому что от этого никому <нет> утеснения, и дела шли бы так же, как и без бранья. Они берутся явно.

Взятки с мерзавцев, замешанных в уголовных преступлениях, и во всех следственных делах над богатыми помещиками[66] – губернатор и сам непосредственно, и чрез секретаря. –

С старообрядцев во время резизии и объезда всей губернии, которую он должен делать раз в год. Тут в виде хлеба-соли пук ассигнаций запекают в хлеб; и во всех экстренных происшеств<иях> и делах:[67] тут посредством секретаря.

Следствия рождаются о скрывании священников беглых, об обращении в раскол православных. Они виновны в скрывании беглых людей, которых принимают с желанием обратить их; о постройке новых церквей или поновлении, которые раскольникам запрещены, часовен и молитвен<ных> домов. – Пожива всей полиции, губернского правления, земского суда, прокурора.

Взятки с чиновников за продажу места: губернатор берет с капитан-исправника, при торгах и подрядах и при постройках зданий, чтобы утвердил цены.

Соблазны губернатору и подъезды разных чиновников, из которых, под видом услуг и разных забот о его хозяйстве, всякой хочет ему дать взятку.

На что следует обратить внимание губернатору: чтобы свести всех в то, что губернское правление не берет и неподкупно. К этому достигнуть строгим смотрением и наблюдением за всем ходом дел, – чтобы губер<нское> правление не брало взяток с капитан-исправника[68] за мирвольства с его стороны, за ненужные выговоры и проч.

При ревизиях губернии обращать внимание на земской суд и на уездный суд,[69] где дол<жно> вдруг спросить дела нерешенные, которых до 50 и более, проглядеть их.

* * *

Маски, надеваемые губернаторами.

Маска благородного и воспитанного губернатора: говорит о благородстве, братается с благородными; говорит о своих связях с благородными, даже употребл<ает> слово мы: «Мы с таким-то, с Блудовым, с Дашковым». Любит литературу; любит облагородить всё; рад приезжему литератору.

Их мысли: взятки вывести можно только воспитаньем, просвещеньем; чиновников нужно необходимо вводить в общество. Стараются заводить библиотеки, хлопочут о губернских ведомостях. Весьма рады, когда кто, приедущий из столицы, найдет, что у них точно так же, как в Петербурге, вернет французское слово.

* * *

Военный генерал – прямой человек.

Жалуется на то, что все воры и мошенники, что честного человека нигде нельзя найти, что секретарь его мерзавец, но он держит только так, ради того, что другого найти нельзя, и потому советует к нему обращаться. Хорош с дворянами; играет больше в вист; обеды задает, и бывает либерал, в дразги и мелочи не входит, но называет даже это чернильными делами, и не может заниматься <ими>, как неблагородны<ми>. Но сам берет взятки через секретаря.

Губернатор-делец. Терпеть не может дворян (который прежде был сам секретарем), делает всё сам и берет сам, потому что знает, как брать. Любит рассказывать свою прежнюю жизнь; видит промысл и волю провидения во всяком случае своей жизни и рассказывает подвиги своей, но скрывает все подлости и взятки и даже говорит: «Что ж делать, когда у меня такая прямая душа, что я не могу?» и тому

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
подобное.

Имеют две-три собственные мы<сли>, которые любят повторять, и особенно хлопочут, <чтоб> не было губернского правления, но только канцелярия, и любят рассказать, как они сделали когда-то страшные выгоды казне при по<стройках>. Уверены вообще в том, что всё дело состоит в том, чтобы доставить казне денежные выгоды, увеличить к<акой>-нибудь доход, сберечь деньги. Бывают безжалостны. Все имеют о себе высокое мнение, о своем уме, [70] о своей дельности и деятельности. [71]

* * *

Губернский предводитель мало имеет законной власти, но много может иметь хор<ошего> влия<ния>, [72] если хорош <с> губернатором. Настоящая полезность велит знать всех дворян, для этого должен быть хлебосол. Приобретя познание, он может иметь <влияние> на хороших и честных, заставляя их служить, приводя их в уважение как у дворянства, так и у губернатора. На плохих и слабых, уговаривая их, прося других дворян. На чиновников по выборам, капитан-исправника, усовещивая его и напоминая, что его выбрали не с тем, чтоб делать пакости. Всюду может он грозить именем губернатора. Надобно знать, что в губернии две партии: половина дворян, скверная, хочет выбрать капитан-исправников – плутов и которые бы потворствовали им; другая половина хотя и честных, но махнувших рукой в уверенности, что честного ничего нельзя завести и что плуты заведутся, а потому губерн<скому> предводителю, даже и по соглашению с губернатором, бывает трудно действовать.

Кроме того, губернский предводитель, и это даже его обязанность, должен обращать внимание на обращение помещиков с крестьянами, увещевать жестоких и, в случае, когда всё будет недостаточно, доносить губернатору, который, с своей стороны, делает то же и, когда всё будет недостаточно, прибегает к мерам, к установлению опеки. Губернский предводитель непременно должен войти в тесные сношения с губернатором, если губернатор истинно честный человек. Губернатор должен также помнить, что его выгода быть в согласии с предводителе<м>, и [потому] он должен показывать к нему уважение, давать в иных случаях ему место впереди. Это всё нравится дворянам, которые в лице предводителя видят уважение к себе.

* * *

Чем губернатор стеснен при генерал<-губернаторе>.

Тем, что это необходимая инстанция между им и министром: ничто не доходит до министра с мысли губернатора, но с генерал-губернаторской.

Тем, <что> может вмешиваться во всё, спрашивать, узнавать и путать, распоряжая<сь?> чиновниками.

Двором, образуемым вокруг генерал-<губернатора> око, которое должно быть всюду: его любовницами, женами, женским полом и канцелярией генерал-губерн<атора>.

По поводу генерал-губернатора нельзя наказывать никого, ни наградить.

(Нужно было вам впутываться, сказал генерал-губернатор Муразову).

* * *

Генерал-губернатор может много иметь влияния нравственного, как лицо, совершенно первенствующее и стоящее выше личностей, – именно тем самым, чем они покуда делают вред...

* * *

По дороге к Симоновскому:

Новоспаский монастырь.

Покровский монастырь.

Андрониев монастырь.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
В Басманной Никита мученик.

* * *

Крестовоздвиженский, на Воздвиженке.

Новинский монастырь.

Троицы, в Газетном переулке.

Иоанна Предтечи, в Конюшенной.

В Басманной Никиты мученика.

В Хамовниках, у Николы за Остоженкой, у Хамовнической заставы.

Сиротские мещанские заведения.

* * *

Взметнев служил в министер<стве> финансов; славно знает дела министерства финансов; не служит, живет и хозяйничает в Крыму, где садит сады. Был несколько времени славным губернским предводителем, знает нужды и потребности. Несчастен сыном, которого любит и для которого готовит всё имение. С молодости <1 нрзб.> с правдой попался...

* * *

В Ахтырке изобилие певчих, обитатели отдают детей.

* * *

О посиделках и супрядках в обществах высших.

Все роды чиновных идеалистов <?>

Записная книжка, 1846–1851*

До свиданья. Франкфурт на Майне 1846, 8/20 октября. Да не смущается сердце ваше.

Иоанн XIV, 1.

Вексель № 12017 Moscou le 1 Fevrier 1253 f.

Suivant l'avis de M. Rougimont de Lowenberg, Paris.

Zenker et Voller

[Чернильница и чернило в городе: Губной клей, хлеб,

[Одеколона, меховые сапоги]

Полотенца,

Книги. Архитектор. [Описание растений и деревьев

<1 нрзб.> Российской Империи

К чертковой. Суворовского сослуживца]

На панталоны.

Шапка,

Стакан,

Спальные сапоги,
чулки.]

Сапоги, жилет,
Одеколон. Князь Оболенский
Гроту, Аксакову, Урусовой
взять бритвник, просвиру
взять шубу
от портного 2 сертука жилет,
подтяжки
подтянуть штрипки,
одну штрипку.

* * *

На почту адреса. Молебен Сказать о белье узнать о письмах у Хвостов<ой>

Писать письма: Плетневу с уведомлением о получении денег,
Шевыреву ответ на его грустное письмо,
Над<ежде> Никол<аевне>.

[Бахметьев в Колымажном Дворе в Собст<венном> Доме.]

* * *

Воронья ягода. Будника в Оренбургской губер<нии>.

Маркевича Записки о Малороссии

Пассека Вадима. Путевые записки, предмет Малороссия.

У Пресненских прудов в доме графа Толстого Анастасья Сергеевна.

Об отношенья<х> Новгорода к великим князьям от Федора до Шуйского.

Самоеды в домашнем и общественном от<ношении>.

Иславин.

Записки об Алеут<ских> островах священни<ка> Вениамина.

Всеобщий садовник, Осипова и Ушакова. 5 частей, п. 1823.

Садоводство полное, Левшина, 4. 30 р.

Подробный словарь увлекательной ботаники и хозяйств<а> и садоводства, 4 части,
пер. Н. Н. 10 р.

Цветоводство подробное или флора русская, Василия Левшина 1820.

Огородник, Левшина.

Карман<ная> книга сельск<ого> и домаш<него> хозяйств<а>, соб<рал> Н. Осипов.

Земледельческий – 7 р.

В 2 Madame Сара на Дмитровке.

Матиаса на Ильинке наверху.

Русск<ие> сказки для детей, разс<казанные> нянюш<кой> Черепьевой.

* * *

Звезда освещена свечами. Пришедши под окны дома, сперва поют тропарь и кондак празднику, а потом виноградьё. Между тем звезда беспрестанно круговращается.

* * *

Святки – праздники торжественные во всех народах, как праздники рождества и проводы старого года. Во многих местах в противоположность зимнему времени дома и церкви убирают ветвями зеленых дерев. Ночь перед рождеством особенно богата всякими поверьями. Все должны непременно быть по домам. Всяк заблудится, кто в это время в дороге. В иных местах женщины ни за что не оставят кудели на прялках, чтобы чорт вместо их не вздумал сесть за работы. Если кто из молодых девок не допрядет кудели накануне рождества, прялка придет за ними в церковь и при венчании, и мужья подумают, что они лентяйки.

Существует поверье, что если войти в хлев ровно в полночь, то найдешь весь скот на коленях. Многие убеждены, что пчелы поют в ульях, приветствуя наступающий день праздника. В Шенкурске есть обычай печь к этому дню из пшеничного теста фигуры, изображающие маленьких коров, быков, овец, других животных и пастухов; они ставились на стол и посылались в подарок родным.

В Малороссии ходят со звездой всю ночь, мальчишки славят рожденье Христа, за что дают им колбасы, пироги и проч. В Шенкурске целую неделю ходят со звездой из бумаги в аршин.

В средние века существовало поверье, что дьяволы в продолжение 8 дней после рождества Христова скитаются по всей земле и при наступлении разрушения их царства в тревоге и тоске рыскают по улицам в мрачном и отчаянном виде, терзая, муча и увлекая встречных и поперечных. От этого произошло умышленное наряжание в дьяволов и всяких страшилищ, с намерением сим удалить очарование от себя. Все наряжавшиеся потом очищались купаньем в реках в день крещенья господня. Впрочем, во все времена и у всех народов окончанье года сопровождается много переряжаниями, [73] ночным и дневным ликованьем, гаданьями со множеством суеверий о наступающем году. Будет ли урожай, будет ли замужем, будет ли жив, здоров и богат в новом году. Соединяясь в группы и переходя толпами по домам, чтобы песнями, сказками, прибаутством тешить гостей. Вертеп и священные представления рождества куклами. [74] – Музыка пастухов-пришельцев на волынках. [75] Ряженьё <?>, присказки и прибаутки о старом житье-бытье, загадки продолжают во всё время святок.

* * *

Ночь накануне Нового года вся в гаданьях. В полночь прислушиваются у церкви под замком, и если там почудится им печальное или радостное пенье, выводят из первого предвещание себе смерти, а из другого – свадьбы. Вечер накануне Нового года называется Васильев вечер, или Богатым, иногда Авсень, Овсень, Усень, Говсень, Бауцень и Таусень. Крестьянские дети ходят обсыпать по домам хозяев овсом и хлебом из рукавиц в предвещание урожая.

* * *

В масляницу под великим постом прощаются и целуются, прося <друг> у друга прощенья во всем, в чем случилось оскорбить. Прощаются также и с теми, которых никогда не видали, словами: «Прости меня, брат». «Бог тебя простит», отвечает другой. В иных местах ходят на кладбище прощаться с усопшими родственниками. Приходят также к священникам, своим духовникам. В семье прощаются друг с другом перед тем, как итти спать, причем дети кланяются в ноги родителям, а слуги

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
господам. В XVII <веке> царь ходил на прощанье к патриарху с боярами,
окольничьими и думными людьми, и был угощаем медом и романею. В простолоудьи по
окончании масленицы идут в баню обмываться. На первой неделе поста пекут в иных
местах блины на постном масле.

* * *

Праздники весенние.

Заклинанья весны. Во многих местах Великой России кличут и закликают весну с гор
и высоких мест. В Украине дети, нося на руках ласточку (сделанную из дерева),
ходят из дома в дом славить весну. Песни же называются веснянками; их поют
девушки, собираясь по вечерам с того времени, как запоет овсянка, – до Троицы. Со
дня этого праздника начинаются игры в горелки, а как станут распускаться листья
на деревьях, игры хороводами.

Существует поверье, что в день праздника Пасхи, приходящей в начале весны,
солнце играет. При первом громе, умываются с золота и серебра, и с куриного
яйца.

* * *

(Семика или семицкий четверг, праздник погребенья убогих и завиванья венков;
позорищем семика бывает кладбище и роща.)

* * *

Первый весенний праздник Красная горка. <Состоит> из хороводов по улице,
изображающих сеянье проса. Хоровод. Сходбище, когда из городов возвращаются
парни для рабочей поры. Хоровод идет вокруг парня и девки, стоящих в середине. В
игрище плетень, взявшись попарно и сомкнувшись руками в виде плетня,
вытягиваются в линию, а хороводница запекает: «Заплетися, плетень». Потом первая
пара поднимает вверх соединенные руки, и под эту арку начинают проходить игроки.
Хор поет: «Расплетися, плетень».

* * *

Радуница, Радунец, Радовница. Отрадный праздник заупокойный совершается на
могилах в Фомино воскресенье или около того. Прежде поминали память умерших
родственников блинами. пивом; женщины причитали добродетели покойника заунывным,
плачевным голосом; мужчина, взявши чарку с вином, отливал часть на могилу, а
остальное допивал сам.

Существовало также христосование с покойниками в светлую седмицу; поката по
могиле красным яйцом, говорили: «Христос воскресе», думая, <что> усопший
отвечает ему в могиле: «Воистину воскресе». В Патерике Печерском описывается,
как в 1465 тела усопших святых ответствовали на возглас священноинока в
Великий день. В Киеве Радуница называется проводами в воспоминанье того, как по
распятии господна тела многих святых восстали и вновь по воскресении господнем
возвращались опять после праздников в гробы, сопровождаемые гражданами. [Был]
Обычай поздравлять умерших с празд<ником> воскресен<ия> Христ<ова> повсеместен
(во вторник фомин). В Белоруссии прежде катают яйца на могилах, потом садятся за
стол, приглашая усопших: «Святые родители, придите с нами хлеба-соли кушать», а
по окончании пиршества обращаются вновь, извиняясь, что небогато угостили, и
прибавляя: «чем богаты, тем и рады». В это же время женихи и невесты приходят
просить благословенья на брак у своих усопших родителей.

* * *

Юрьев день. Георгий Победоносец уважается особенно у всех народов. В победе его
над драконом изображается победа христианства над язычеством. Он покровитель на
войне и в битвах и он же покровитель пастухов; сему последнему установлен
праздник Юрьев день, с которого выгоняют в первый раз скотину в поле; пастухи
получают себе по десятку яиц, по кувшину молока и готовят в поле себе яичницу. В
Малороссии это начинается крестным ходом на жито, с молебном и водосвятьем, и
окроплением нив св<ятой> водою, после чего молодежь забавляется играми, катается
по житу, чтобы быть сильными и здоровыми, как Юрьева роса. В Белороссии выгоняют
скот вербой на Юрьеву росу; поговорка: «выдти на Юрьеву росу» значит выздороветь

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
больному человеку. По выгоне скота на Юрьеву росу, хозяин уже не заботится об нем, будучи уверен в безопасности своей скотины, порученной покровительству св. Георгия. Есть поговорка: «св. Юрий коров запасает, а Никола коней». Юрьев день [есть] время перелома во времени. Пословицы: Егорий с водой, а Никола с травой – знаменуют время разлива и спаденья вод, бывающих в это время. Егорий с полувозом, а Никола с целым возом, Егорий с теплом, а Никола с кормом; Егорий с кормом, а Никола с мостом. С этого дни начинаются торги, сроки, выгоны, первое сеянье ярового и огородных растений, словом, все важные труды и сделки крестьян, а потому имя Георгия призывается сильно в помощь. Как весенний, так и осенний Юрьев день в старину был замечателен сроком перехода поселян от одного помещика к другому и поселения их по условиям на помещичьей земле. Самый оброк, взносимый крестьянами, называется Юрьевым.

* * *

Крещение кукушки в пятое, шестое, иногда седьмое воскресенье по Пасхе есть праздник женского побратанья; в день жен мироносиц поселянки идут в лес, уже покрытый листьями, и там, нагнув две молодые березки, связывают их ветвями, платками и полотенцами, так чтобы они составили венок, и к этому венку привешивают два креста. Две подруги, желающие покумиться, ходят вокруг венка в разные стороны и по три раза крестообразно целуются сквозь венки, а прочие женщины поют: «Ты кукушка ряба, ты кому же кума? Покумимся, кумушка, покумимся, голубушка, чтоб нам с тобою не браниться». После сего подруги меняются крестами и, с того времени называясь кумами, живут в мире и согласии. В ознаменованье готовят тут же яичницу и после дружеского пиршества пляшут обыкновенные плясовые соседки. В иных местах, надев на кукушку крестик или на травку кладут на платок и сев вокруг, меняют<ся> крестами. Мужчины не допускаются. В иных местах сливается с Семиком.

Земледельческие праздники.

Дожинки – последний день жатвы.

Оборки – остальной день оранья. Досевки – последний день сеяния. Толоки с играми и забобонами.

Семик любимый народный девичий праздник, весенние святки, приходится в седьмой четверг по Пасхе на седмице св<ятых> отец, называемой в народе Семицкой. Позорищем Семика бывают роши и леса, берега рек, озер или прудов; в первых завивают венки, а на другие пускают их для угадыванья. В Москве празднуется Семик в Марьиной роще. Есть такие же загородные роши и в других городах. С ним вместе объединяется и праздник погребенья убогих. Доныне в Семик ставят по улицам у домов и даже в комнатах березки не только в селах, городах, но и в столицах, где только есть березняк и липняк. Прежде даже в Москве на каждом дворе у хозяина и хозяйки в Семик становился стол, обставиваемый березками в виде куши, на столе яичница и дрочена. Толпы народа в венках из ландышей, дойничков и незабудок или же просто из березовых ветвей носили по улицам березу, изукрашенную лентами и лоскутками в сопровождении Семицких песней.

При завивании венков поют известную песню: «Ай, в поле липонька». В иных местах целуются сквозь венки, кумаются. Носящий березку называется в иных местах кум, а девица кума. Тот и другой играют только роль. У волжских жителей Семик открывается хороводной песней, которую поют, ходя около березки, из ветвей которой делают венки. Потом делают другой круг, в середине которого мужчина, женщина ходят и поют вместе с другими. Потом делают третий круг и поют третью песню, затем одна сторона круга раздвигается и двое, подняв вверх руки, держат платок за оба конца, чтобы дать пройти сквозь сделанные ворота Царевне, которая в то время была вне круга, когда же пройдет Царевна, продолжают петь:

Вы сойдитесь поближе,
Вы еще того поближе.
Прицелуйтесь милее,
Вы еще того милее.

В междудействии, когда окончится круг, садятся за столы, накрытые скатертью, угощать друг друга лакомствами, пивом и вином. Сделав из себя круг, перевиваются, приходя все поочередно под поднятые двумя девками вверх руки, и поют. Иногда в середине ходит в мужской шляпе гордо девушка вокруг хоровода и

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru хоровод поет: «По травке муравке гулял молодец удалой». Под вечер девушки возвращаются домой с венками, которые хранят до Троицына дня... Многие считают всё же, <что> Семик есть праздник языческой полюбовного соединения людей. Торжественно? <1 нрзб.> Лад [земли] неба с землею.

В Чистопольском уезде, в Савине городке, служат молебн на ржаном и яровом полях [а потом] в Троицкую субботу, а потом вплоть до ночи поют и пляшут в честь Ярилы.

Троицын день. Развиванье и пусканье на воду венков, украшенье древесными ветвями и цветами храмов перешло из ветхозаветной церкви в память Синайского законоположения, потому что в то время всё зеленело и цвело, когда даны были богом заповеди на Синае. (Иудеи также в праздник жатвы, который окончив в Палестине в половине Сивана, приносили благодарность богу за новые плоды земные, праздник кущей совершали под тенью древесного.) Множество различных цветов означают о сошествии Духа Утешителя, явившегося в огненных языцах. Так равно и самое различие языков и дарований.

С венками на голове водят хороводы и круги по всем рощам; в иных местах, держась за платки в руках, тихо движутся вокруг, а вокруг стоят женихи, высматривая невест. Перед заходом солнца отводят хороводы, песни умолкают, поселанки или горожанки пускают венки на воду реки или ручья, замечая, чей поплывет, завертится [76] на одном месте или потонет. Первый счастливое, второй и третий несчастливое предвестие. Наблюдают, в какую сторону [77] струя понесет венок, в той быть девице замужем. В некоторых местах после Троицкой вечерни для загадыванья пускают на воду пучки тех цветов, с которыми стояли в церкви. В Псковской губернии обметают пучками родительских цветов родительские могилки, что там называется: глаза у родителей прочищать. Троицын день называется Русальной неделей, ибо, по народному верованью, русалки выходят из воды на землю около Троицына дня и остаются на земле до Петрова дня, рассыпаясь по деревьям и в густой траве. См. праздник крещенья русалок.

Вербная Суббота. Детский праздник, вспоминающий торжество еврейских детей, которые подстилали ваии, т. е. финиковые и пальмовые ветви Христу во время шествия его в земной Иерусалим. Святитель, представляя в это время вход Христа, проходит улицу города или деревни, кропя святой водой и благословляя врата домов, читая у каждого ворот краткие молитвы, а дети [постылают ветви] устилают ему путь ветвями и одеждами, поя: «осанна в вышних и благословен грядый во имя господне». В старину митрополит (в последствии же, когда стали патриархи, патриарх) шествовал в сопровождении народа, сидя боком на осле, держа в одной руке евангелие, а другой благословляя народ. Осла вел боярин, государь придерживал повод и шел возле, нес в другой руке вербу, отроки в красных [одеждах] платьях сбрасывали с себя верхнюю одежду и устилали им путь. Всему предносилась впереди убранный верба – целое дерево, убранный плодами (иногда оно возилось на двух санях). Процессия шла к Успенскому собору и обходила весь город, у каждого московских ворот останавливался патриарх читать молитвы, а диакон, идя впереди, кропил [город] святой водой. По прибытии в собор процессии дочитывалось евангелие и начиналась литургия.

Обыкновение, перешедшее с Византии. Патриарх константинопольский шествовал также на осле; в начале XVII в. видел Карем такое шествие на ослиати архиерея с св. горы Сиона в Иерусалим через Масличную гору в сопровождении духовенства и прочих верных, подстилавших ему на пути травы, цветы и одежды, воспевавших подобно еврейским отрокам: осанна. Дольше бывают у нас в некоторых городах накануне праздника в вечернее время ходы из одной церкви в другую с освещенными ваиями. В <1 нрзб.> Польше и малой <?> школьники с учителями идут одевшись в лучшее платье с ветвями перевязанной лентами вербы; хранятся у образов с тем, чтобы выгонять ими скотину в Юрьев день. Кто проспал вербную утреню, того бьют вербой приговаривая: не я бью, верба бьет. Вербна хлест, бей до слез! На красные яйца, на мягкие перепечи!

Русалки и Русалия. Водные нимфы, жительницы рек, являются в зеленую неделю на рассвете у русла их рек. Их видят на них <?> чешущими прекрасные длинные волосы. С ними смешивают и души умерших детей, [которые] без крещенья, которые по мысли новых греков и южных руссов выходят из [земли] гробов и витают в легких парах утра. Мать слышит его голос в шуме южного ветерка и для успокоения возжигает ладон пред иконой богоматери, убранный белыми розами. Целые 40 дней после воскресенья Христова носятся их скорбные души в образе бабочек, пчел и утоляют

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru жажду из цветочных чашечек, и новые греки и славянские народы верили, что русалки забавляются плясками в тени густых д<еревьев>, в углубленья уединенных долин заманивая милостивых младенцев, юношей и девиц, у греков – с тем чтобы наделить их сокровищами, у нас – чтобы защекотать. По нашему преданию, они не выходят из рек до Троицына дня, а с Тр<оицына> дня или с Семика до Петрова дни рассеиваются по лесам, качаются на сучьях древесных или разматывают пряжу, похищая ее у поселянок, которые ложатся спать без молитвы. В Клечаную субботу накануне Троицына дни русалки по мысли малороссиан бегают по ржи и хлопают в ладоши, приговаривая: «Бух, бух, соломенный дух! Мене мать породила, некрещену положила». С зеленой недели они витают в лесах, аукают и зазывают с хохотом прохожих: «ходите к нам на рели качаться», с тем чтобы защекотать на смерть. На Русальной неделе никто в Малороссии не осмеливается купаться в реках или <хлопать> в ладоши. В четверг на Зеленой неделе девушки и даже женщины, боясь прогнать русалок, чтобы они не испортили скотины, не работают, называя этот четверг Велик день русалок. Тогда взрослые девушки тайком ходят в лес, бросают завитые венки русалкам, чтобы они добыли им суженых и ряженых, и тотчас убегают. В этих венках русалки бегают по ржи. В других местах русалки бегают наги и и беспрестанно кривляются. Если кому случится их увидеть, тот сам будет всегда кривляться. Думают, в Воробьиные ночи у русалок бывают свадьбы и пляски. На воде раздаются тогда смех и плеск; думают, что злые духи похищают души умерших без крещенья младенцев, освобождают их только в Зеленые святки. Души эти уносятся чрез семь лет по воздуху и просят себе крещенья три раза. Если кто услышит этот зов и подаст им крещенье, говоря: «я тебя крещая Иван и Марья во имя отца и сына и св. духа», тогда сии души возьмутся ангелами. Существует в некоторых местах праздник провожанья русалок. Вечером хороводы девиц, женщин с песнями становятся по углам улиц. В середине каждого кружка стоит женщина с чучелой в руках, изображающей русалку, пляшет под весенние песни и кривляется. Потом хороводы разделяют<ся> на две стороны, у одной хотят вырвать чучело, другая не дает. При чем обе стороны кидают друг <в> друга песком и обливают водою. Думают, что провожанье русалок есть провожанье весны.

Иван Купало. Первые купанья в реке, скаканья чрез огни, праздник очищенья. Огонь и вода как орудья очищенья. В иных (по свидетельству ар<хиепископа> Вениамина) украшается перворожденная дева как невеста, эмблема чистоты, Веста. После гаданья, собиранья разных трав в сии дни, когда природа совокупляет все свои силы и тайны, вдыхает предчувствие мира духовного, с плясками выходили за водою и кропили ею свои дома, а всю ночь прыгали чрез зажженные костры; как бы празднуют в один и тот же день и крещенье Иоаново и крещенье того, кто крестил огнем и духом. В Иванов день топят в иных местах бани, воткнув в веники собранную травку Иван да Марья, парятся ими для здоровья, или с другими целебными травами, а потом варят в складчину кашу. В иных местах, съевши кашу, садятся на передних колесах от телеги, одни на ось, другие на оглобли, и с песнями катаются до утренней зари, а на заре для здоровья умываются росой. Ко времени Купала приходят в зрелость все лекарственные травы и корни, а потому и собираются. В банях всегда святят веники. С Иванова дни начинают светиться в купинах светляки (Ивановы червячки). Солнце совершает переход через должайшую черту. Не оттого ли и перескакивание через живые огни и катанье колеса, образующее солнечный поворот. После ликованья в этот страшный таинственный день во всю Ивановскую ночь купанье. На рассвете имеет значенье [даже] очищенье от самого праздника.

Ярило [один] самый буйный праздник, соединяется с ярмарками, торжками, кулачными боями, попойками и играми. Приходится на рубеже лета и весны, когда начинается плодотворный жар в природе, начинает зреть и краснеть плод, животные в яру и человек сильнее чувствует вожде<ние>. Ярило, кажется, был бог избытка сил мужества и вождельня, почти то же, что Припекало. Ему приписывали также атрибуты Прияпа. Женщины плясали вокруг куклы с <...>, а иногда пьяный мужик был наряжаем Ярилой и плясал в колпаке и бубенчиках, убранный лентами.

Петровки. Петраки, Петрово говейно, Петров день важен как день всяких сроков и взносов пошлин. В летописях даже упоминаются Петровы торги. Это время помочей, толок, унавоживаний полей и сенокоса. По народной пословице, с Петрова дни красное лето, зеленый покос, зарница зорит хлеб и начинаются Петровские жары. Еще с вечера выходят в иных местах поселяне караулить солнце, которое играет в этот день на небе, как и в Светлое воскресенье. В ожидании раскладывают <костры> и проведат время в песнях. Солнышко то спрячется, то покажется, то вниз уйдет, то перевернется, то блеснет голубым и розовым и разными другими цветами. Увидев играющее солнце, все испускают радостный крик. Петровские хороводы начинаются с

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
зарей, на гульбищах устраиваются качели. В иных местах этот <день> последи<ие>
проводы весны. Привязав несколько телег, запряженных гусем, катаются из конца в
конец селенья и заключают веселым хороводом. Носят с песнями по селениям куклу и
бросают в реку. После Петровок начинаются в иных местах гулянки ночные,
называемые Петровками, продолжающиеся до Спаса.

* * *

διὰ τὴν ἀδελφότητά <за братство>

προσφῶρον εἰς τὸν ἁγίον ναὸν <просфору в святой храм>

διὰ ὀνοματᾶ <во имя>

хóту подержи

òспур остановись

джибу мòя дай воды

хобс хлеб

бид вино

малун точно так

ля нет

мош лязин не надо

Бирйду inse1 хочу сойти

я мухàри <погонщик, хозяин>

Мелль соль

достаньте молоко халиб

далеко

близко

бухара завтра

иля игі будем

валет <слуга>

Талум агаба хочу научиться

Кавам скоро

Бариду <Хочу>

Дано Конст<антину> Миха<йловичу> 10 наполеонов.

В Смирне купить шляпу и книгу Евхолог<ион>, галстух и спирт подарок

Купить: 4 утиральника Шлафорок Ящик для бритв отдать в мытье Резинные <1 нрзб.>

петура юфка <? лепешка; турецк.>.

Путешествие к святым местам Кира Бронникова 1824 года, Москва.

Наместник Лавры Лаврентий

Схимник Парфений

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Chansons populaires de la Grèce, 1824.

Свод латинской грамматики с греческого, соч. архиепископа Инокентия. М. 1826 (5 рублей).

Руководство к познанию латинского языка. Этимологическая часть. Соч. Рейса, перевод Зедергольма. М. 1823 (10 руб.)

Краткая латинская фразеология соч. А. Лебедева. 1816, М. 18 руб.

Российско-латинские разговоры употребительные в общезнании, издал Э. П. С. Н. 1826.

Школьные разговоры на латинском, русском, греческом, французском и немецком. М. 1810.

Греческого языка начальное познание, 3 части, Москва, в университетской типографии. М.

Домашний врач Гомеопат, доктора Геринга. Москва, в университетской типографии. 1846, издал Форбрихер.

Русско-латинский словарь Гельерта <?> 1814.

Фразеология английского языка Герда, 4 книги, 1840.

Rudimenta linguae Graecae Jacobi Dressti (Uesyuma). Zanit.

Руководство к Русским законам Рождественского.

[Пушкин в доме <1 нрзб.> в Полтаве: Титов

Туфли. Мавро в Екатериненской

заказать князя Гагарина.

башмаки. Стурдзы

Пальто темный Месмахеру <?>

пике За пашпорт

Купить замки и завески Алсуфьеву

<1 нрзб.> Колоши

Чулки Стекло к часам.

масло миндальное Взять у Базили <?> золото 2000 р.]

<2 нрзб.> В Киеве: Lemare Манишки Молитвенник

Галстухи кисейные Головы к сапогам

визитные билеты чулки

пас для бритв молебны о домашних

просфиры и об Александре Петровиче.

минеральные воды.

* * *

Бедный чиновник 14 класса <?> Бордяг, нуждается в помещении сыновей

Парчевый жилет и картуз. Штаны.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
* * *

Спас на Берестове;

Полтава Живопись под бастионом в крепости.

[Малага Икона Игоря в Лавре у памят<ника> Румянцева.

свидетельство

волосы стричь Софийский собор в очищенном виде.

штаны себе

на штаны Екиму Опускаемая икона при больших воротах в Лавре.

письма]

в Гостинном дворе купить Описание Лавры Евгения.

чемодан Ризы шиты Елизаветой Петровной.

одеколон

греческой лексикон Иеромонах Максимов.

к Толстому об Викторе, Трех святителей древняя церковь близ Софийского собора.

Соф<ье> Гри<горьевне> и А. М.

бумаги писчей и оберточной, Федору сертук,

чулки, подтяжки отдать белье.

Книги

Быт Русского народа, соч. А. Терещенко, 4 части, СПб. 1848, цена 4 рубли.

Русская старина в памятниках церков<ного> и гражданского зодчества, составлен.
А. Мартыновым.

Заметки и воспоминанья русской путешествен<ницы> О. Шишкиной по России в 1845
ГОДУ.

Песни крестьян Владимирской и Костромской губерний, собраны и изданы Смирновым.
М. 1847. Цена 1 рубль.

Булошная

Заколдованный принц

жена и карты

Андрей Петрович <1 нрзб.>

* * *

Чьи имена вспомнить у гр<оба> св<ятого>:

Матвея Александр<овича>, Надежду Николаевну Ш<ереметеву>, Всю родную семью мою,
Александру Осиповну С<мирнову>, Степана Петровича Шев<ырева>, Михаила
Петров<ича> Погод<ина>, Александра Петровича Толстого, Петра Александровича
Плетнева, Василия Андреевича Жуков<ского>, Вьельгорских, Аксаковых и всех
близких сердцу друзей и благодетелей. Батинков...

* * *

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Николай Гоголь – в св. Граде.

* * *

В Иерусалиме:

Молебен о благополучном прибытии.

Перечестъ всё, о чем хотелось просить.

Купить крестики из перламутра, четки и проч. и образки всех сортов, освятить их на гробе господнем.

Писать письма: домой, Матвею Александр<овичу>, Надежде Никол<аевне> и Жуковскому, Толстому; вторые: Шевыреву и в нем Малиновск<ому> – к Плетневу.

* * *

В Назарете дождь задержал нас двое суток.

* * *

Статистика обозов.

Зимние – с какими именно припасами приходят первые обозы, вторые и третьи? И что вообще предметом обозов и куда, кроме столиц, они стремятся? Также и об обозах летних.

* * *

Anecdotes Françaises – Allemandes par abbé Mozin.

* * *

Вопросы Хомякову:

О крестьянах: вольных, господских, казенных и удельных, их внутреннем быте, правлении, правах и преимуществах, состоянии нравственности и духе, как результате [всего] быта.

* * *

[в доме Рачинского]

в М<оскве> Сухар<ев>ка. № 14783. Марта 1. 1849 год. 400 р. стр. 147.

* * *

Зачем я оказался учителем? Я сам не помню. Мне показалось, что гибнет лучшее что перо писателя обязано служить исти<не> и беспощадное жало сатиры коснулось, вместе с искоренением злоупотреблений, и того, что должно составлять святыню; что слишком уже много увлеклись теченьем времени и не останавливаются оглянуться вокруг себя.

* * *

Мне так стало совестно [за мою недеятельность], мне так стали тяжелы упреки, что я остаюсь так долго в бездейственности. Я поспешил: [я думал], что если обнаружу мое состояние душевное и чем я занят <?>

* * *

Из настол<ьной> книги.

Гляди и любуйся красотой души своей, лжесвидетель, клятвопреступник, первый нарушитель закона и святыни, думающий быть христианином и не умеющий пожертвовать пылью земной небесному, дорожащий презренным достояньем <1 нрзб.>.

* * *

Милосердия, господи. Ты милосерд. Прости всё мне грешному. Сотвори, да помню, что я один и живу в тебе, господи; да не возложу ни на кого, кроме на одного тебя, надежду, да удалюсь от мира в святой угол уединения.

* * *

Он вспоминал, как гренадер Коренной, когда уже стихнули со всех сторон французы и офицеры были переранены, закричавши: «Ребята, не сдаваться», отстреливался и потом отбивался штыком, когда прижали их теснее и когда всех их перебили, один остался и не сдавался, и в ответ на предложенье, схвативши ружье за дуло, отбивался прикладом и ляд<ункой>, так что [изумляясь] не хотели погубить, ранили только легкой раной. Взявши в плен, Наполеон приказал выпустить.

Чепышенко в Турецкую войну 1828 года, будучи ранен пулей близ груди, вытащил окровавленную пулю и, зарядив ее в ружье, выстрелил по неприятелю, сказавши: «лети туда, откуда пришла». Сам перевязал рану наскоро и не оставлял сраженья до окончанья дела.

Рядовой 5 егерской роты Гаврилов, находясь конвойным при начальнике стрелковой цепи 2 батальона, стрелял редко, говоря: «Берегу патроны вашего благородия: стреляю только по тех, кто на вас прицелится». И, сказавши эти слова, выстрелил в ту же минуту и положил француза, прибавя: «Он на вас целил».

* * *

Фразеология.

Белы руки со подносом,

Язык с приговором.

«Ты прощай, моя укат-гора высокая», говорит невеста, прощаясь с катальными горами.

* * *

Гулянка, которой ждали целый год поселяне, была в полном своем разгаре.

* * *

Вынос ноги и все ружейные приемы и построики.

Потянул ветер с яровой стороны.

Зима.

И одни<м> цветом белым рисует зима. Бедный цвет, но как много и ка<кая> изобретательность в <1 нрзб.>. Эти роскошные завесы, снеговые глыбы, покрывающие от корней до верха большие и малые деревья; это множество жемчугу и брильянтов, сверкающих при свете солнца и луны; этот недвижный, величественный вид растений, как будто выточенных из слоновой кости, это многозначительное безмолвие и тишина, этот полумрак днем и полусвет ночью.

* * *

Кукольник против Семенов<ских> казарм в Гороховой улице рядом с Москов<скими> казарм<ами> в доме Демидова.

Боткин у князя Вяземского.

* * *

Никола на <1 нрзб.> по Дмитровой дороге.

* * *

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
И вдруг яр среди ровной дороги – обрыв во глубину и вниз, и в глубине леса, и за
лесами – леса, за близкими, зелеными – отдаленные синие, за ними легкая полоса
песков серебряно-соломенного цвета, и потом еще отдаленные леса, легкие как дым,
самого воздуха легчайш<е>.

Над стремниной и кручей махала крыльями скрипучая ветряная мельница.

* * *

Круто выпуклилась степовая равни<на>, чтобы лучше показаться, и полосато
пестрела гладкая покатошь. [<1 нрзб.>] По зелено-пепельному грунту резко
пробивалась темно-красная орань, только что взрытая плугом. За ней лентой яркого
золота – нива сурепицы, и вновь бледно-зеленый грунт и как снег белые кусты.

* * *

Ива, плетень и куры.

Сорока села на брюхо свинье, [78] побрататься, но скотина не шевелилась, лежа в
луже, ленивым хруканьем изъявляя неудовольствие от постороннего прикоснове<ния>.

* * *

Рубец во всю дорогу зеленый с растущими по нем бодягами и ничего за ним, [79]
кроме безграничной равнины зелено-седоватой: чуть-чуть, как точки, какие-то
копешки, и вот деревцо, и вот оживилась равнина: брызнуло по ней золото цветов;
засинела на миг [васильками] и станет поле фиолетового цвета от множества
столпившихся васильков, и потом зарябит всеми цветами вдруг, и опять станет
одноцветно-зеленое.

* * *

Вишневые низенькие садики, и подсолнеч<ники> над плетнями и рвами, и соломенный
навес чисто вымазанной хаты, и миловидное, красным обводом окруженное окошко.

Ты древний корень Руси, где сердечней чувство и нежней славянская природа,
темнее кудри, чернее брови, и без бороды хорош славянин: закрученные усы,
высокая шапка с червонным верхом; весь стан, обтянувшийся ловко, или обойденный
в три раза, и при шарова<рах>, богато расположившихся над чеботами, при шапке с
нахлобуч<кой>.

* * *

Бесконечная, широкая, поросшая пыреем почтовая дорога.

* * *

Рябил, как мрамор, белый и желт<ый> рогатый скот, рассыпался по полю, и, завидя
издали, по дороге стрелой летели две собаки, поднявши хвосты, полаять на экипаж,
затем остаться потом довольными, как всякой, сделавший доброе дело.

Степная чайка с [красивым] хохлом, в виде скобки, подымается с дороги.

* * *

И вдруг лесная стена стала перед глазами. Свет и тени лежали на деревьях, то
выступавших округленьями, то уходивших. Дорога врезалась в лес, пролетев сквозь
клены и дубы, вышла на луг, где подымались тростники, и вновь врезалась в лес
еще высший. По левую дубы, по правую березы, как беспредельно высокий частокол.
Густой лес взлетает выше и выше.

Подле плотины вербы развилыстые, тростник и утка с утятами.

* * *

Атрибуты комнаты:

Маленькое в четверть аршина зеркало в рамках из зеркальшек, выложенных мозаикой.

Наугольники в углах комнаты и грязный утиральник на гвоздике [80] с узорами, по краям вышитый красными нитками.

* * *

Одна ровная линия вдали, где крышки спрятавшихся домов и крылья ветряной мельницы, заслоненной байраком.

* * *

Сплетеная в шестеро коса обвивает

* * *

Бежит обтянутая синей запаскою у поясу, и трясутся под полотном трепещущие груди, [81] и лишенные обуви ноги, обнаженные до колен, [82] кровью и здоровьем играют.

* * *

Все поле червонной золота от ярко-желтевшей сурепицы, а конец его у дороги червонел [и краснел] от васильков и будяков с пушистыми розовыми цветами.

* * *

В час, когда поднимается восставшее солнце, блистая <2 нрзб.> и лиловым цветом обольет, багрянцем тронется пробужденная <1 нрзб.>.

Многокрылая мельница вертела за дорогой

* * *

и заходящему солнцу краснели скирды сена, телеги и люди, остановившись по полям.

Долина и по обоим бокам сосновый лес или рощи по долине, береза по левому боку горы, дуб по правую, и дерево-исполин выходит особняком, приподняв картинно развилисто-уродливые <1 нрзб.> ветви.

Дорога спускалась вниз; внизу полукругом необозримая над долиной по ту сторону ровная линия, и гребнем ряд деревьев. На правый бок линия прерывалась снова в бок горы с городом наверху; церкви, колокольни, деревья, дома чуть были видны сквозь сизый туман.

Коляска спускалась ближе к гребле по мосту (по долине проходила река). Скоро <1 нрзб.> возвышенья понизилось также. И город скрылся.

С обоих боков сходили к долине круглобокие горы, насупротив одна против <другой>, а за ними третья, насупротив Чичикова, облаченная туманом.

Поле, как штучный паркет из кусков соломенного <1 нрзб.> и бледно-красноватого цвета.

* * *

Черты городов.

Старые домишки, полусогнившие крыши, поросшие мхом, травой и даже кустарником.

Мелочные лавчонки, где продавался чай, деготь, сахар и хомуты.

Становилось душнее по мере приближения к городу. Воздух начал сгущаться от пыльных облаков, воздымаемых скрипучими колесами телег, тяжело нагруженных мешками.

Город на оврагах предстал пред глаза; овраги блистали, как бы исподнизу освещались где-то скрывшимся солнцем из-за деревьев. Деревья же темного цвета громовой тучи.

Открывшийся город как бы из двух состоял половин: одна выдвигалась длинной цепью домов и колокольной вперед, другая, позади, освещалась, блестя, солнцем.

* * *

Не твоему носу рябину клевать – это ягода нежная. Не твоей харе клюкву есть – морщиться не умеешь.

Во Владимирской растут жарова <?>[83] да клюква, да можжевельник. Владимирец съездит раз пять-шесть в зиму с материалом, но продает клюкву, лен, можжевельник; в обмен получает орехи, соль. Торговля мелочная [процветает] огромная. Она вся в руках продавцов крестьян, идет на миллионы.

* * *

Первою моею заботою по приезде в губернию будет заслужить доверенность благородного си<м>бирского дворянства-с, второю-с пробудить участие к местной жизни, к интересам края, стремленье к общественной пользе-с, любовь к своей губернии-с, третьей-с моей заботой будет создать законную оппозицию для направления моих действий. Дворянской [с] предводитель есть орган общественного мнения, признанный <?> предводитель мысли всего благородного дворянского сословия.

Если не найду,

* * *

Боже, дай полюбить еще больше людей. Дай собрать в памяти своей всё лучшее в них, припомнить ближе всех ближних и, вдохновившись силой любви, быть в силах изобразить. О, пусть же сама любовь будет мне вдохновеньем.

* * *

Дрягил. Поддончиков. Тентетников. Баранчиков. Никита Семенович Коза. Бухманлов. Чухалов.[84]

* * *

Рихтер против Боровицких ворот в доме кн. Оболенского.

На Плющихе в доме Ломоносова Армфельд.

Перфильев на Пресненских прудах, дом гр. Толстого.

На Никитской дом Мещеринова против церкви. Россет.

У Шевырева о Попове. Каков человек, образ мыслей, способность и годность к канцелярскому делу.

Васильчиков на Никитской в доме Черкасского.

Назимов Владимир Иванович.

Настасия Александровна.

Власова дом в Хлебниковском переулке.

Беляев Федор Николаевич на Зубове.

Погодина спросить о евангелии <1 нрзб.> архиеп<ископа> Григория.

Россет.

Галстух.

У Погодина Яворского 3 тома.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
На Пятницкой у Троицы в Вышняках. В доме Самгина арх<иепископ> Смарагд.

Киреевский у Филипа митрополита.

Фон-Визин на Малой Дмитровке свой дом. Иван Александрович.

* * *

Пословицы малороссийские.

Брехнёю свет пройдешь, да назад не вернешься.

До булавы треба головы.

Булò да загулò.

* * *

Ответы и вопросы старообрядцев. <1 нрзб.> – Толкование на воскресное евангелие.

* * *

А вы думаете легко воров выгнать? Царь, который только и думает о том, как их выгнать, да и тот не может, – царь, у которого и войско, и всякая сила есть. Как же вы хотите, без всякой силы и власти, это сделать? Что с-пьяна передушите всех, думаете поправить? Думаете, лучше будет погибнуть? Те, которых шеи потолще, останутся. Что, те святые что ль. Еще больше станут допекать друг друга.

* * *

Неизъяснимое вечернее блистанье <2 нрзб.> по ним разметанных знаков. Погасанье лучей и дым от хат легкими струями к небу нес<ется?>. Как осмелился позабыть тебя человек. О, да будет проклят, кто научил людей покинуть простоту для просвещенья. Заплатил страданьями и тяжким и подлым бессилием.

* * *

На горнам наклоне повиснула живая картина: купа дерев вместе с избами, прятавшимися под их тенью, пруд, плетень и гать, по которой стучал ехавший воз.

* * *

Книги:

Manuel historique de système politique des états de l'Europe et de leurs colonies par M. Heeren.

Словарь и корнеслов белорусского наречия, сочин. Древлянского.

Начертание слав<янской> мифологии, соч. Касторского.

* * *

Нарышкин на Пречистенке, в собств<енном> доме, Михал Мих<айлович> Нарышкин, бывший в Сибири.

Поговорить о распространении грамотности в России. Шихматовка.

Барин первой сорт.

* * *

Статский советник Федор Михайлович Чуйкевич в СПб. на Воскресенском проспекте и на углу Захарьевской улицы в доме Колосовой.

* * *

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Филатов в Севске. Постоялый двор.

* * *

Запасаться нужно в хорошее время на дурное и неурожайное: умерять дух нужно в веселые минуты мыслями о главном в жизни – о смерти, о будущей жизни, затем, чтобы легче и светлее было в минуты тяжелые.

* * *

– А чем же, скажи, хороша религия?

– А тем именно, что подчиняет всех одному закону, что всех соединяет хотя в одном.

Без нее общество не может существовать, потому что всякий человек имеет свои идеи, и что ни человек, то и думает иначе и хочет строить по своему плану всё общество.

– Почему христианская религия именно лучше всех других собственно для общества?

– Она дает свои внутренние законы всякому человеку, с которыми он может ужиться во всяком обществе.

– Как так? Какие же законы?

– Любить всех, как братьев, прощать обиды.

* * *

Леса, роща, всё скрылось <3 нрзб.> еще краснелась выпуклостями.

* * *

[В приходе Неопалимой купины. Дом Жданова в Малом Трубниковском переулке.

Алекс. Ник. Попова на Моховой в доме Устинова.

Данилевскому булавки, конфеты. Казанское мыло. Калоши теплые на ноги.

Аксаковой шнуровки. Щепкина и Шевырева пригласить на обед.

Cours de versions grecques par Lebas et Regnier.]

Гончарная улица, дом Тимофеева № 5, Надеждину о Карташевских.

У Панаева об актерах.

Отец Анастасий, у Троицы Толстой.

Филип Андреевич Юрдов.

Евсевий архимандрит.

Кирил Карпов.

Кавелин, дом Галина. Неофит на Троицком подворье.

Паисия монахиня в Алексеевской, у Паисии доктор. Сокологорск.

* * *

Вяземский в доме Голицына против сквера <1 нрзб.>

Аполина, у ней о графе Блудове.

На Обуховском проспекте.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Гедеонову Россет о концерте, Надеждину, Бенардаки, Блудову, Увар<ову>, Шипову,
Сосницкому.

Языкову. На Поварской в доме Кроткова в переулке против Бориса и Глеба.

Смех и Горе Клушина.

На Сивцовом вражке дом Пушкевича.

В дом Зыкова Афанасиевский переулок у Николы Явленного.

Загрязского на Дмитровке <1 нрзб.> княгине Белосельской [Власьев] Гагаринский
переулок дом Улль.

* * *

[85]

Строчить сказку.

Сверчок скрепит за подполицею.

Каляканье кумушек за прялкой, гребнем и коклюшками. На засидках бабий язык столь
раскидной, что у всех не идут взаимно речи <?>

* * *

Жужжанье, гуденье веретен и трещанье лучины.

Калики и побирушки перехожие.

«Живет себе с косушкой» – горькой пьяница.

На девке золотая лента с широкой поднизью.

Сказавши: «мир вашему сиденью» и получа в ответ: «поди к нашему смиренью», он
садится с краю завалины.

За речкой кони пасутся, свободные на сегодня от плуга. За роцей чуть видна
колокольня ближнего села, за пригорком черная полоса дороги, которою ездят в
поле.

Бабы в высоких кичках, обшитых блестками и позументами с низанными
подзатыльниками,

в котях и полосатых исподницах,

повязав голову писанным алым платком, концы врозь.

* * *

На мосту стоял воз заезжего купца-торгаша с красн<ым> товаром, запонками,
монистами, варежками, стеклярусом, тавлинками со слюдой, свертками кумачу,
крестами, серьгами, кольцами.

* * *

У Никитских ворот в доме Мещерина против Вознесенья Большого.

* * *

Старообрядческая церковь.

К портному первому и второму.

Плетневу о деньгах.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Бошутскому, Бенардаки;

Далю записку о Надеждине,

Толстому о Бурачке и <1 нрзб.>

Отослать записку в Академию Зенькову,

Григоровичу, Брюлову.

Галстух.

Чернильница и портфель.

Чулки и сапоги.

Башуцкий в Стремянной улице в доме Финшау.

Прокоповичу о бритвах. Белоусов, Чистяков, Майков.

С Далем о сословиях нынешних обществ и о пролетариях в наших городах.

С Бенардаки – как велики средства России и возможность продовольствовать
нынешних поедателей всех сортов.

С К <нрзб.> о том, что вопросы еще раздаются глухо и нет возможности посредством
литературы; о том, что следует многосторонне изучать не в мемуарах, но во
всеобщих сжатых историях.

Не отдаляться от буквально ясного значения.

* * *

М. П. Вагнер о том, как ей было вдруг перейти от идеального мира к
существенному. Не затрудняет ли ее хозяйственный хлам <1 нрзб.> и как он
ведется?

Россет о Смирновой.

Попов на Моховой в доме Устинова, на Моховой и Сергеев.

В доме Пантелеева Георгиевский, невеста <?> <1 нрзб.>.

Против Грязной дом Нейслинда на Невском проспекте.

Spectateur в Лондоне.

Терещенко. Старые книги и вещи.

Надеждин, Владимирская в доме Турчанинова, о раскольниках.

Варшавский магазин.

Голицына против Аничкова дворца.

С Бенардаки о государственной неэкономии от умножения мест и департаментов.

Хлеб взять.

Книги лучшие о раскольниках у Надежди<на>.

К 3 портным. Послать эполету Россету.

* * *

«Русская пословица в век не сломится».

* * *

1) Прежде всего обязанности мужа и жены вообще. Обязанности их [прозаические] житейские: муж – хозяин своего отделения, жена – хозяйка своего отделения. Тот и другая идут своей дорогою, соединяются в семье. Здесь еще одна только половина брака.

2) Муж, избравши себе поприще и путь, избирает жену, как помощницу, которая, кроме того, что, оградивши его от всех развлекающих занятий, доставив ему свободное время возложением на себя всех забот домоводства и мелочей жизни, служит ему возбуждающею, стремящею силою, небесным звонком, зовущим его ежеминутно к его делу. Она – часть его мысли, живет в его деле.

3) Союз освящается Христом. Стало быть свыше всех целей есть итти к тому, кто освятил этот союз. Человек слаб и немощен и одному ему без помощи [86] и ободриться он может, ободряя другого, и спастись, спасая другого. И потому в основании христианского союза должно лежать спасенье души.

В него вступать как в божью пустынь монастырь, почему недаром уподобляет апостол союз супругов союзу Христа с церковью.

Год приготовления к супружеству, чтобы осмотреть всё и вступать как в знакомый дом, где известно всякое место, чтобы быть в состоянии с того же дни пойти как по знакомой дороге, [87] олицетворив в себе порядок и стройность. Всё распределено вперед, час минута в минуту и, осенясь крестом, приниматься за дело, как в строгом монастыре, как в строгой школе. Кто повелевает [88] Но всё утверждено еще прежде: оба они невольники установленного ими закона.

* * *

Филарет о русском народе:

«В нем света мало, но теплоты много».

* * *

Обнять обе половины русского народа, северн<ую> и южн<ую>, сокровище их духа и характера.

Коптев поэт, Дмитрий с братом, богомольны.

Служат у Домровского.

Священник Владимирской церкви в Твери Василий Федорович Владиславлев.

Михал Михалч Нарышкин, село Высокое, 7 верст от Тулы.

Исторические памятники армянской церкви, Александра Худобашева.

История русской церкви, 5 томов без II-го, Филарета.

Критико-историческая повесть временных лет червонной Руси, Дениса Зубрицкого.

Бодянский.

Быт Русского народа, Терещенко.

О языческом богослужении древних славян, Срезневского.

Платон, перев. Карповым.

Беседы об отношении церкви к христианам, Амфитеатрова.

Дни богослуженья.

Ten thousand a year 2 vol. warren

La famille Allain

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
midi a [quatorze] 14 Février <?>,

Le journal redigé par Alphonse Karr.

Nosy and then 1 vol. Warren

* * *

Дом Алсуфьева на Тверской, в 4 часа, суббота.

* * *

Платье гадз зефир, дамское матерье.

Сукна – зибер, клер и черные и темное зеленое, коричневые, синие и серые.

Сатин дубль разных цветов.

коленкор белье тонкое.

Зонт и перкаль крученые.

Муслин лукс и бухмуслин, канифас белый.

Платки фуляровые носовые.

Платки носовые бумажные.

Ували газовые.

Шотландки для салопов.

* * *

Железняк вервена (wergwena) сильно вяжущ<ее>, укрепляющее нервы и желудок.

Подорожник приводит слизистую систему в порядок (в грудной болезни и в чахотке).

Редечный сок в чахотке.

Ландышный сок в лихорадке.

Чай акаций тоже в лихорадке.

Цветы сирени, чай женщинам, потерявшим месячное течение крови.

Храповник, дикая бузина на мокрых местах, высокое растение с белыми душистыми цветами, кашкой. Листья противоположные, превратно яйцевидные, зубчатые.

* * *

Рассмотрение хода просвещения России. Петр открыл ход русским в Европу просвещенную, развитую, получившую гражданствен<ность>. Он сделал пользу: бери и забирай всё лучшее, что там ни есть [Пополняй чего] готовое, пополняй чего не достаёт. Но русской народ неводержан. Он перешел границы всего и впал в крайность. Жадно он схватился за всё, что нужно и не нужно. Втянувшись в разветвления роскоши и бесчисленную мелочь, позабыл совершенно то, что есть в своей земле; [уви<дя>] восхитившись оригинальностью и странностью европейского быта, задумал перенести его к себе, точно как будто возможно позабыть, что Европа развилась оттого так, что развилась из своих начал. Россия должна была развиться из своих начал. На Европу нужно было глядеть не породнившись, не обессилев. Если дом уже состроен по одному плану, нельзя ломать его. Можно украш<ения> убрать, отлично отделать всякой уголок по европейски. Но ломать капитальные стены строенья – это нелепость, это почти то же, что поправлять дело рук божиих. От этого произошло, что собственно русское в России мало подвинулось, несмотря на 100 лет беспрерывных подправок, переделок, хлопот и возни. [<1 нрзб.>] В науках, искусствах, в образе жизни, а пуще всего в голове русского человека произошло хаотическое смешение [всего <1 нрзб.>]. Все пробы

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru заведений, чем далее тем более, становились неудачны, оттого русской[89] чем более входил в европейскую жизнь, тем более позабывал свою зем<лю>[90] и тем менее мог знать, что ей более прилично. От этого все прививки были неудачны, не принимались.

[Земледелие.] Хозяйство не ушло вперед. Множество перев<одных> книг о земледелии, о всех отраслях садоводства спутали хозяев. Каждый переломал, перевернул [всё] у себя и ничего не установил нового. Те, которые поумнее, перепробовав всё, возвратились вновь к прежнему простому перво<бытному> близкому к природе той земли, в которой он родился. [Воспит<ание>] Земля стала еще бесплоднее <1 нрзб.>, потому что никогда в России не было вырублено столько леса, как в это время ломок, перестроек, вечных переправок и переделок. Оттого засухи стали сильнее. Высохнувшие реки перестали разливаться и меньше орошать поля.

Страсть к обезьянству стала так велика, что мы готовы завести железные дороги прежде, чем подумали откуда взять топлива.

Науки не делали своего дела уже потому, что отвлеклись[91] от жизни, набили головы множеством терминов, увлекли их в философию, стали решать на бумаге то, что совершенно разрешалось в жизни, приучили к строению воздушных замков и сделали людей неспособными к практи<ческому> делу и нынешним громоздом своим утрудил ум и способности и стали вмешиваться в жизнь, дела и совершенно принадлежать частному человеку. От этого и через это внесло сложность необыкновенную <2 нрзб.>. Множество комиссий, комите<тов> увеличило сложность, упавшую тяжелым бременем. Посреди всего этого всякое чувство экономии потерял<ось>. Трата денег страшная.

* * *

* * *

Limen grammaticum.

Grammatica latine di Ferdinando Porreti.

* * *

Монслин суфлѣ фильдекоссе <?>.

Комментарии

I

Источники текста

Рукописные

Автограф пяти глав, найденный после смерти Гоголя С. П. Шевыревым, ныне хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве (№ 1412).

Отрывки к главе III. 1. Отрывок редакции, предшествующей тексту сохранившейся рукописи (обрывок листа). 2. Набросок речи Костанжогло («Почему нужно хозяйство?...») (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, №№ 3212/8 и 3222/2).

Наброски к несохранившимся главам: 1. «Вот оно, вот оно, что значит...» (Центральный государственный литературный архив в Москве); 2. «... со всех сторон к концу балу Чагравину...» (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, № 3213/16); 3. «Помещики, они позабыли...» (там же, № 3213/14).

Наброски к заключительной главе: 1. «У исповеди...»; 2. «Зачем же ты не вспомнил обо мне...»; 3. «Хуже всего то...»; 4. «Всем жить на счет казны...» (там же, №№ 3213/1, 3213/14, 3213/11, 3212/6).

Печатается по автографу. За окончательный текст принят последний слой этой

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
рукописи. (Первоначальный слой и отрывки печатаются в отделе «Другие редакции».)

II.

Единственный дошедший до нас автограф пяти уцелевших глав второго тома «Мертвых душ» представляет собой пять отдельных тетрадей, из которых первые четыре резко отличаются от последней чернилами и бумагой. Эти первые четыре тетради состоят из перегнутого пополам листов плотной, шероховатой, без водяных знаков, белой бумаги, причем каждая тетрадь первоначально состояла из восьми таких вложенных друг в друга листов. Часть их в процессе переработки текста вовсе исчезла, часть заменена новыми листами с исправленным текстом. Всего в четырех тетрадях С. П. Шевыревым занумеровано 100 страниц.

Первая тетрадь (стр. рукописи 1-35) содержит текст первой главы. Первые две страницы представляют собою позднейшую, чем сами тетради, вставку (от слов: «Зачем же изображать» до слов «освещало их вечное солнце»), заменившую первоначальный текст этого отрывка. Окончание вставки согласовано с началом смежной третьей страницы, но применительно к ее позднейшей исправленной редакции, а не к первоначальному слою. Точно так же и страницы 7-10 из той же первой тетради, содержащие рассказ о воспитании Тентетникова (от слов: «Учителей у него было немного» до слов «в министры или в государственные люди»), своим началом и концом увязаны только с последним слоем смежных страниц, а с их первоначальным текстом прямой связи не имеют и, следовательно, также представляют собою позднейшую вставку в тетрадь.

Вторая тетрадь, содержащая конец главы первой и всю вторую (стр. рукописи 36-45), тоже состояла первоначально из восьми вложенных друг в друга листов, но налицо из них теперь только первые половины согнутых листов (стр. 36-41) и полностью только тот, который когда-то составлял середину тетради (стр. 42-45); последние же полулисты из тетради вырваны и утрачены. Таким образом, нынешние заключительные слова второй главы: «И генеральский смех пошел отдаваться вновь по генеральским покоям» – не являются на самом деле заключительными, так как на утраченных дальнейших полулистах тетради, несомненно, имелось продолжение главы.

Третья тетрадь (стр. 46-71), содержащая большую часть главы третьей, из своего первоначального состава утратила три заключительных полулиста, но заменивший их текст от слов «и слова полились» (стр. рукописи 72), в отличие от других вставок, с текстом предшествующим («желчь в нем закипела», стр. 71) согласован вполне.

Из первоначального состава тетради четвертой (стр. 72-100), содержащей текст окончания главы третьей и всю четвертую, утрачен лишь один лист, но утрачен целиком, т. е. весь развернутый лист был вынут из расшитой тетради без разрыва на половинки, отчего пробелы оказались в двух разных местах содержащегося в этой тетради текста: в главе третьей, после слов (на стр. рукописи 73, см. выше, стр. 70 и 201): «как лучше приняться» – пробел в две страницы от утраты первого полулиста, а в главе четвертой, после слов (на стр. рукописи 96, см. выше, стр. 94 и 226): «[Всё зависит от посредника. Письмен] говорить с таким человеком» – тоже пробел в две страницы от утраты второго полулиста. Был ли этот лист вынут автором при исправлении текста и заменен другим, впоследствии утраченным, или же этот лист утрачен, независимо от авторской правки, установить нельзя. Следующий за последним пробелом эпизод о Ленищине сохранился в его первоначальной редакции на листе из основного состава тетради (стр. рукописи 99-100) и в новой редакции, представляющей авторскую копию исправленной первоначальной редакции. Лист с новым текстом приложен к рукописи и занумерован Шевыревым как страницы 97-98 той же четвертой тетради.

Три позднейшие вставки (стр. рукописи 1-2, 7-10, 97-98) вполне сходны между собою почерком и чернилами; написаны они на такой же плотной, шероховатой бумаге, как и самые тетради. Можно утверждать, что все эти вставки возникли приблизительно на одном и том же этапе в результате первой переработки ранней редакции дошедшего до нас автографа. Текст тетради четвертой, обрываясь на полуфразе, предполагает непосредственное продолжение в следующей тетради, не сохранившейся.

Пятая тетрадь, как сказано, к четвертой не примыкает вовсе ни по чернилам (в основном тексте), ни по бумаге – тонкой, желтого цвета, с глянцем, – не говоря уже о содержании: содержащаяся в нем глава условно называемая «заключительной»,

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru с первыми четырьмя разьединена не только пропуском в конце четвертой, но и прямыми тематическими противоречиями. Резко различия в первоначальном тексте пятой тетради и в первоначальном тексте четырех первых тетрадей также почерк.

За вычетом указанных выше трех вставок, в основе всех четырех первых тетрадей лежит один и тот же довольно четкий и тщательный почерк гоголевского беловика; напротив, крупный и небрежный, с частыми пропусками, описками и поправками на ходу письма, почерк в первом слое пятой тетради характерен для гоголевских черновиков более раннего периода.

Первый слой текста первых четырех тетрадей в основном безусловно является белой копией с несохранившейся редакции; вместе с тем это авторская копия: в процессе создания беловика автор вносил в него на ходу поправки. Впоследствии бывший некогда беловым текст в четырех первых тетрадях покрыт несколькими слоями заменяющих друг друга приписок. Поверх основного текста различаются последовательно: 1) ранний карандашный слой исправлений, причем некоторые из них отброшены автором, многие же обведены черными чернилами; 2) слой, вписанный теми же чернилами мелким и четким почерком; 3) исправления карандашом, большинство которых обведено рыжими чернилами; 4) слой, вписанный теми же чернилами; 5) поздний карандашный слой в виде четких и мелких приписок на полях. Хронологическая последовательность исправлений в ряде случаев видна наглядно.

Что касается пятой тетради, то в ней имеется только один слой поправок, вносившихся поверх основного текста, но далеко не везде и не до конца (последние семь страниц их не имеют вовсе), причем все эти новые вставки и приписки сделаны тем же самым четким и мелким почерком, черными чернилами, что и слой исправлений, почти сплошь покрывающий первоначальный текст первых четырех тетрадей. Таким образом, при полной разнохарактерности и разновременности первоначального текста пятой тетради и четырех первых, ранняя правка (черными чернилами) первых четырех тетрадей совпала по времени с единственной правкой в тетради пятой.

Сохранившаяся рукопись своим внешним видом свидетельствует в общем о пяти этапах работы: 1) первоначальный слой пятой тетради; 2) первоначальный слой четырех первых тетрадей; 3) поправки во всех пяти тетрадях черными чернилами и одновременно вставки, рассмотренные выше; 4) правка рыжими чернилами в первых четырех тетрадях; 5) карандашные записи на полях.

III.

Замысел второго тома «Мертвых душ» созрел у Гоголя исподволь, по мере движения работы над первым томом. Так, уже в письме к Жуковскому из Парижа от 12 ноября 1836 г., где речь идет о веселящих самого Гоголя, ежедневно вписываемых им страницах будущей первой части, есть несколько отдаленных намеков и на вторую, хотя бы только в отношении предполагаемого размера поэмы: «Огромно велико мое творение и не скоро конец его...» и т. д. Такое признание, при всей его туманности, едва ли предполагает только первую часть. Что поэма должна быть «длинной», «в несколько томов», сказано еще раз в письме от 28 ноября 1836 г. к М. П. Погодину.

Более ясные очертания приобрел замысел второй части значительно позже, в период завершительной работы над первой частью. Извещая С. Т. Аксакова о приготовлении первого тома «к совершенной очистке», Гоголь 28 декабря 1840 г. писал ему из Рима: «Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть современем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, не многие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначительный сюжет, которого первые невинные и скромные главы Вы уже знаете». В одновременно отправленном письме к М. П. Погодину (тоже от 28 декабря 1840 г.) к тому, что сказано Аксакову, добавлено: «занимаюсь... даже продолжением „Мертвых душ“», т. е. будто бы прямой работой над второй частью. Достоверность этого признания, однако, сомнительна, как показано будет ниже.

Как бы то ни было, чем ближе к завершению труд Гоголя над первой частью, тем чаще, подробнее и увереннее говорит он в своих письмах к друзьям о предполагаемой второй. В письме к П. А. Плетневу из Москвы от 17 марта 1842 г., среди деловых запросов о судьбе долго не пропускавшейся цензурой рукописи, читаем несколько многозначительных слов о предстоящем продолжении: «Ничем другим

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru не в силах я заняться теперь, кроме одного постоянного труда моего. Он важен и велик, и вы не судите о нем по той части, которая готовится теперь предстать на свет (если только будет конец ее непостижимому странствованию по цензурам). Это больше ничего, как только крыльцо к тому дворцу, который во мне строится».

Эта мысль повторяется почти дословно несколько месяцев спустя, при отсылке уже вышедшей первой части, в письмах к Данилевскому и к Жуковскому. Последнему Гоголь писал 26 июня 1842 г.: «Это первая часть... Я переделал ее много с того времени, как читал Вам первые главы, но всё, однако же, не могу не видеть ее малозначительности, в сравнении с другими, имеющими последовать ей, частями. Она, в отношении к ним, всё мне кажется похожую на приделанное губернским архитектором наскоро крыльцо к дворцу, который задуман строиться в колоссальных размерах».

Эти и подобные им авторские признания Гоголя в момент выхода первой части поэмы, т. е. в период необычайного внимания к Гоголю со стороны всего русского общества, повели к тому, что распространился слух о скором появлении второй части. «Нам уже почти несомненно известно теперь, – передавал много лет спустя Анненков отголоски этого слуха, – что вторая часть в первоначальной очерке была у него готова около 1842 года (есть слухи, будто она даже переписывалась в Москве в самое время печатания первой части романа)». [92] «Но все ждут второго тома, – вскоре после выхода первого, 2 января 1843 г., писал Н. М. Языкову Свербеев, – друзья Гоголя с некоторым опасением, а завистники и порицатели, говоря: посмотрим, как-то он тут вывернется». [93] Прямых свидетельств самого Гоголя ни о замысле, ни о писательской работе над замыслом за 1840–1842 гг. нет ни одного, кроме приведенной обмолвки в письме к Погодину, которую тот воспользовался по-своему: он анонсировал в «Москвитянине» скорое появление в печати продолжения «Мертвых душ». [94] Гоголь, забыв, конечно, что сам этому анонсу дал повод, прямо заявил потом, в письме к Шевыреву от 28 февраля 1843 г.: «никогда и никому я не говорил, сколько и что именно у меня готово, и когда, к величайшему изумлению моему, напечатано было в „Москвитянине“ извещение, что два тома уже написаны..., тогда не была даже кончена первая часть».

Было ли хоть что-нибудь из второй части написано в годы, предшествовавшие выходу первой части, уясняется, кроме того, из текста этой последней. Лирические упоминания о будущем продолжении поэмы начинаются в первой части, как известно, с VII главы, встречаясь затем также в главе XI.

Но и в VII и в XI главах они появились не сразу. В рукописи первой части «Мертвых душ», создававшейся весной и летом 1841 г. (см. т. VI, шифр РК), в лирическом вступлении к VII главе на продолжение поэмы нет даже намёка. Нет его и в первой копии с названной рукописи, снятой Гоголем тотчас по приезде в Москву, в октябре 1841 г. (шифр РП). И только в дополнительных приписках к РП, перед снятием новой копии для цензуры (РЦ), впервые появляется знаменитое авторское признание о второй части поэмы: «И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями» в ожидании, «когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подымется» из его «главы».

То же можно сказать об авторских признаниях по поводу продолжения поэмы, выраженные в главе XI. В РК нет ни отрывка: «Но... может быть в сей же самой повести почувются иные, еще доселе небранные струны», ни отрывка: «как предстанут колоссальные образы, как двинутся сокровенные рычаги широкой повести, раздастся далече ее горизонт», ни, наконец, третьего отрывка: «И, может быть, в сем же самом Чичикове страсть его влекущая уже не от него». [95] Там всё ограничивается заявлением (как в окончательной редакции): «две части еще впереди – это не безделица!» – и обещанием более «широкого», чем в первой части, «течения» рассказа. Уточнения же в перечисленных отрывках: «предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божественными доблестями, или чудная русская девица», повесть «примет величавое лирическое течение» и другие вносятся только при работе над двумя последними рукописями (РП и РЦ), т. е. впервые вводятся в текст поэмы всё в тот же, московский период, в октябре – декабре 1841 г.

Сам Гоголь вспоминал позже именно свой переезд из Рима в Москву как тот период, когда «внутри» него случилось «что-то особенное», что «произвело значительный переворот в деле творчества» и отчего «сочинение... может произойти слишком значительным». [96] В самом деле, в промежуток времени от отъезда Гоголя из Рима (август 1841 г.) до прибытия его в Москву (18 октября 1841 г.) мысль о второй

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru части «Мертвых душ» претерпела, как видно, крупную перемену: из безотчетно-расплывчатой она становится конкретной, как художественный замысел в точном смысле этого слова. Только теперь в нем выступили присущие ему персонажи («муж, одаренный доблестями» и «чудная русская девица»), только теперь наметилась тема нравственного обновления «низких» героев, в первую очередь Чичикова, а потом и других.[97]

Этим, однако, внимание Гоголя к новому замыслу в тот период и ограничилось. Погруженный в завершительную работу над первым томом, Гоголь видит пока и очертания второго лишь в неразрывной связи с первым, высказывая это в лирических отступлениях. О том же говорит лаконическая запись в записной книжке Гоголя 1841–1844 гг., которую он начал заполнять как раз в интересующий нас период, при отъезде в сентябре 1841 г., вместе с П. М. Языковым, из Германии в Россию. Внесенная сюда в указанный момент запись: «Развить статью о воспитании во 2-й части»[98] – предусматривает, кроме впервые тут зафиксированного эпизода второй части о воспитании Тентетникова, также и сходный эпизод главы XI первой части о воспитании Чичикова. Отмеченное еще В. И. Шенроком сходство второго из учителей Тентетникова – Федора Ивановича – с таким же, как он, «любителем порядка», учителем Чичикова, разъясняет смысл приведенной записи, как авторского задания: перенести из только что законченной перед тем последней главы первой части тему о воспитании, расширив ее (отсюда выражение «развить»), в задуманную вторую часть. Не столько, значит, эта последняя сама по себе, сколько опять всё та же первая часть интересовала Гоголя и в момент занесения записи в карманную книжку. Вопреки мнению Н. С. Тихонравова, относившего к 1841–1842 гг. все пять уцелевших тетрадей второй части поэмы (см. 10-е изд., III, стр. 586–598) к этим годам, вплоть до обратного отъезда Гоголя за границу после выигранной им тяжбы с цензурой о первом томе, нельзя относить не только появление уцелевшего беловика, но и какую бы то ни было планомерную работу над вторым томом.

Не сразу приступил Гоголь к работе и после выхода первого тома. Остаток 1842 г. весь ушел на пересмотр и исправления старых произведений («Тараса Бульбы», «Вия», «Ревизора») перед сдачей их в печать для первого «Собрания сочинений». Медлил Гоголь с продолжением «Мертвых душ» и умышленно, желая извлечь побольше для себя пользы из разноречивых отзывов критики о вышедшем первом томе. Даже год спустя после выхода первого тома на нетерпеливые вопросы московских друзей, скоро ли новый труд будет окончен, Гоголь отвечал: «Верь, что я употребляю все силы производить успешно свою работу, что вне ее я не живу и что давно умер для других наслаждений. Но вследствие устройства головы моей, я могу работать вследствие только глубоких обдумываний и соображений».[99] Замысел всё еще, как видно, оставался замыслом. 28 марта 1843 г. Гоголь писал В. А. Жуковскому, мечтая поселиться с ним в Дюссельдорфе: «Мы там в совершенном уединении и покое займемся работой – вы „Одиссеей“, а я „Мертвыми душами“». А спустя два месяца, 18 мая он сообщал Н. Н. Шереметевой о предстоящей ему вскоре усиленной работе. Однако из письма к С. Т. Аксакову от 24 июля видно, что к работе Гоголь еще не приступал: «Прежде всего я бы прочел Жуковскому, если бы что-нибудь было готового, – писал он. – Но увы! ничего почти не сделано мною во всю зиму, выключая немногих умственных материалов, забранных в голову». Встретившись в Дюссельдорфе с Жуковским в августе, Гоголь остается там до ноября и только тут наконец приступает к работе. По его отъезде оттуда (в ноябре) в Ниццу Жуковский извещал Шереметеву 6/18 ноября: «Он отправился от меня с большим рвением снова приняться за свою работу и думаю, что много напишет в Ницце».[100] Начатый, наконец, труд действительно не прерывался и в Ницце. 2 декабря Гоголь писал оттуда Жуковскому: «Я продолжаю работать, то есть набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание „Мертвых душ“». Это набрасывание на бумагу «хаоса» было, конечно, всё тем же начальным фазисом работы. Не умея согласовать этот бесспорно напрашивающийся вывод с прочно укоренившимся у современников Гоголя убеждением, будто вторая часть поэмы начата еще в 1841 г., мемуаристы (Анненков), а по их следам и исследователи (Тихонравов) примирили это противоречие как могли: легендой о трех (вместо двух) сожжениях поэмы, приурочив самое раннее к 1843 г.[101]

Месяц спустя (8 января 1844 г.) Гоголь опять пишет Жуковскому: «Я, по мере сил, продолжаю работать..., хотя всё еще не столько и не с таким успехом, как бы хотелось». В июле он отвечает на запросы Языкова: «Ты спрашиваешь, пишутся ли „Мертвые души“? И пишутся, и не пишутся. Пишутся слишком медленно и совсем не так, как бы хотел».[102] Однако Гоголь не теряет еще надежды на успех дела: в письме к Жуковскому от 1 сентября выражается намерение «засесть во Франкфурте солидным образом за работу». Поселившись во Франкфурте осенью 1844 г., Гоголь

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru трудился там над «Мертвыми душами» до середины января следующего, 1845 г. Отлучившись на месяц в Париж, где работа сразу пресеклась, Гоголь в марте возвращается во Франкфурт, где тоже, однако, из-за быстро ухудшавшегося здоровья работа сколько-нибудь успешно уже не шла. «Занятия не идут никакие, – пишет Гоголь оттуда Языкову 15 марта. – Боюсь хандры, которая может усилить еще болезненное состояние». В письме к Смирновой от 2 апреля делается еще более горестное признание: «Я мучил себя, насилывал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие свое, и несколько раз уже причинял себе болезнь таким принуждением и ничего не мог сделать, и всё выходило принужденно и дурно». При таком положении дела возврат на родину представлялся Гоголю невозможным: «приезд мой мне был бы не в радость: один упрек только себе видел бы я на всем, как человек, посланный за делом и возвратившийся с пустыми руками». Те же жалобы на упадок творческих сил слышатся и в дальнейших письмах 1845 г., приближая нас шаг за шагом к первой из двух действительных катастроф в судьбе гоголевской поэмы.

Ее сожжение, возвещенное потом самим Гоголем в статье «четыре письма к разным лицам по поводу „Мертвых душ“» («Выбранные места из переписки с друзьями»), а также разъясненное им вторично в «Авторской исповеди», справедливо приурочивается (Тихонравовым и другими) к июлю 1845 г., к одному из самых острых пароксизмов тогдашней болезни Гоголя. В письме к Смирновой от 25 июля он говорит о продолжении «Мертвых душ» уже в прошедшем времени, как о чем-то решительно не удавшемся и оставленном.

Сожжение в 1845 г. того, что было написано за два предшествующих года, завершает первый период творческой истории второй части поэмы, естественно возбуждая вопрос: что же именно сжег тогда Гоголь и в каком отношении к этой первой сожженной редакции стоят дошедшие до нас тексты? За ответом следует прежде всего обратиться к пятой из уцелевших тетрадей в основной ее части (т. е. без позднейших приписок).

Сохранившийся от раннего этапа работы Гоголя текст пятой тетради тесно связан по содержанию с первой из пяти карманных записных книжек Гоголя. Ее заключительные заметки, озаглавленные «Дела, предстоящие губернатору», «Места, не подведомственные губернатору, но на которые он может иметь влияние», «Откупа», «Взятки прокурора», «Взятки губернатора», «Маски, надеваемые губернаторами» и, наконец, «Чем губернатор стеснен при генерал-губернаторе», [103] – не оставляют сомнения в том, что они вписывались Гоголем с прямым расчетом положить их потом в основу главы, дошедшей до нас в пятой тетради и возникшей, следовательно, позже, чем эти заготовленные для нее заметки. Но заметки внесены в записную книжку летом 1844 г., со слов графа А. П. Толстого. [104] Следовательно, не раньше лета 1844 г. могла быть написана и глава, содержащаяся в пятой тетради. С другой стороны, не могла она быть написана и много позже. Тихонравов в свое время отметил теснейшую связь этой главы с некоторыми статьями «Выбранных мест из переписки с друзьями». Связь эта, действительно, такова, что не оставляет сомнения в использовании Гоголем одного своего труда для другого. В статье XIV «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» имеется очень близкий к рассматриваемой главе выпад против бюрократической системы, с бесчисленными секретарями, этой «незримой молю, подтачивающей все должности, сбивающей и спутывающей отношения подчиненных к начальникам и, обратно, начальников к подчиненным» (ср. в главе из пятой тетради последствия канцелярской волокиты). Попутно сделана прямая ссылка на те самые беседы о государственных должностях с графом Толстым, которые внесены, как сказано, в записную книжку в качестве материала для «Мертвых душ»: «Мы с вами еще не так давно рассуждали о всех должностях, какие ни есть в нашем государстве», – обращается к тому же Толстому (письмо «О театре...» адресовано ему) в этой статье Гоголь. Столь же близки к этой главе рассеянные в статье упреки Толстому в односторонности: «Хорошо, что покуда вы вне всякой должности, и вам не вверено никакого управления, иначе вы, которого я знаю, как наиспособнейшего к отправлению самых трудных и сложных должностей, могли бы наделать больше зла и беспорядков, нежели самый неспособный из неспособнейших... Односторонний человек самоуверен; односторонний человек дерзок; односторонний человек всех вооружит против себя». Генерал-губернатор из рассматриваемой главы, в отброшенном варианте названный не князем просто, а князем Однорозовым, как раз и восстанавливает против себя всех подчиненных своей чрезмерной прямолинейностью. Еще большая близость к князю и Муразову в наставлениях тому же графу Толстому из статьи XX: «Нужно проездить по России». В дидактической форме здесь намечен тот же образцовый администратор, набравшийся «прямых и положительных сведений о делах, внутри происходящих», каким в рассматриваемой главе выставлен другой

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru своей стороной всё тот же князь. Превозносимое в письме к Толстому его «умение выбрать самих чиновников», рвущихся «изо всех сил», так что «один записался до того, что нажил чахотку и умер», перекликается с тем местом главы, где с портфелем в руках появляется чиновник при князе для особых поручений, на лице которого выражались «забота и труд». Призыв в письме к Толстому, при вступлении на должность губернатора, ближе знакомиться с «всяким сословием» через тех, «которые составляют соль каждого города», с точностью отражает взаимоотношения князя с Муразовым; самоутешение взяточника в письме: «взятку я беру только с богатого», есть буквальное повторение слов, сказанных Чичиковым в разговоре с Муразовым; самый, наконец, призыв «проездить по России» есть только парафраз такого же совета Хлобуеву. Не менее близка к рассматриваемой главе третья статья из «Выбранных мест», озаглавленная: «Занимающему важное место», и обращенная к тому же Толстому. В этой статье особое внимание уделено должности генерал-губернатора; в заключительной главе в этой роли выступает князь, который так же точно призван упорядочить расшатанный лихоимством «организм губернии», как и в статье.

Из этих сближений можно сделать вывод, что отдельные статьи «Выбранных мест», высланные, начиная с 30 июня 1846 г., для печати Плетневу, вырабатывались в тот самый год, который отделяет приведенную дату от даты уничтожения рукописи «Мертвых душ» и в течение которого если и была сделана попытка вернуться к «Мертвым душам» (см. ниже), то не ей, во всяком случае, обязана своим возникновением глава из пятой тетради. Эта глава, как увидим, предполагает наличие многих других глав, т. е. является завершением работы за гораздо более длительный период. Следовательно, об одновременном возникновении этой главы и «писем» к Толстому из «Выбранных мест» говорить не приходится. Нельзя, с другой стороны, допустить, чтоб эта глава возникла позже. Тематическую связь главы из пятой тетради со статьями «Выбранных мест» можно поэтому объяснить только обратным заимствованием материала в эти статьи из написанной уже к тому времени рассматриваемой главы. Эта глава, следовательно, возникла в период между пребыванием Гоголя вместе с Толстым в Бадене – летом 1844 г. – и прекращением работы над «Мертвыми душами» летом 1845 г., т. е. в тот самый франкфуртский период работы над второй частью поэмы (сентябрь 1844 г. – 15 января 1845 г.), который, как уже установлено, не был совершенно бесплоден. От сожжения эту главу, кроме простой случайности, могла уберечь как раз ее близость к задумывавшемуся тогда циклу дидактических писем: Гоголь мог ее пощадить как пригодный для нового замысла материал.

Признав главу из пятой тетради уцелевшим от сожжения фрагментом первой редакции, можно попытаться хотя бы в общих чертах восстановить на основании ее и остальные главы этой редакции, подвергшиеся сожжению. Текст уцелевшей главы обрывается на полупhrазе, и лист остался недописанным. Следовательно, можно думать, что сгоревшая редакция доведена была не дальше, чем эта глава. Ряд признаков подтверждает предположение, что этой как раз главой должна была тогда (в 1845 г.) оканчиваться вторая часть «Мертвых душ»

Бросается в глаза строго выдержанный на протяжении всей этой главы тематический параллелизм с последней, XI главой первого тома. С первых уже слов уцелевшая от сожжения глава лишь варьирует те подробности биографии Чичикова, которые хорошо знакомы из указанной главы первой части: связи с пограничными контрабандистами, пристрастие к голландскому полотну, к мылу, сообщающему гладкость коже, и к сукнам «с искрой»; поговорку Чичикова из главы XI о журавле и синице повторяет в уцелевшей главе второй части поучающий Чичикова юрисконсульт. Служебная невзгода, постигшая Чичикова в главе XI от строгого начальника, «гонителя неправды» и «человека военного», является точно таким же тематическим прототипом для центрального эпизода рассматриваемой главы с арестом и высылкой Чичикова по распоряжению генерал-губернатора.

«Ваше сиятельство», вскрикнул Чичиков: «умилосердитесь. Вы отец семейства. Не меня пощадите, старуха мать». – «Врешь», вскрикнул гневно князь. «Так же ты меня тогда умолял детьми и семейством, которых у тебя никогда не было, теперь матерью». Эта реплика князя из уцелевшей главы ранней редакции второй части прямо отсылает читателя к указанному эпизоду главы XI первой части: «Всё, что мог сделать умный секретарь, было уничтожение запечатанного послужного списка, и на то уже он подвинул начальника не иначе, как состраданием, изобразив ему в живых красках трогательную судьбу несчастного семейства Чичикова, которого, к счастью, у него не было». Это сопоставление как будто позволяет в князе из уцелевшей главы и в «гонителе неправды» из главы XI видеть одно и то же лицо. К

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
образам главы XI прибегает Гоголь и для центрального события новой главы – того самого перерождения Чичикова, о котором возвещало одно из лирических отступлений первого тома. В заключительной главе второго тома читаем: «Чичиков задумался. Что-то странное, какие-то неведомые дотоле, незнанные чувства, ему необъяснимые, пришли к нему... Как будто то, что было подавлено суровым взглядом судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутно-занесенное зимней вьюгой окно, хотело вырваться на волю». [105] Ср. в главе XI первой части: «Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко». Наконец, одинаково отъездом Чичикова из потрясенного его приключениями города – там NN, тут Тьфуславля – заканчивается рассказ собственно о приключениях. Параллели эти позволяют предположить стремление к симметрии заключительных глав каждой части поэмы.

Располагая заключительной главой, уцелевшей от сожженной в 1845 г. первой редакции, можно кое-что усмотреть из нее и относительно содержания предшествующих, не уцелевших глав этой редакции. Прежде всего видно, что глава I в редакции 1843–1845 гг. существенно отличалась от ныне известной. Как установлено еще Тихонравовым, осужденный в уцелевшей главе Дерпенников, за которого Муразов заступает перед князем, – прообраз нынешнего героя первой главы, замешанного в деле «филантропического общества» Тентетникова. Но реплика Муразова о Дерпенникове обнаруживает решительное несходство ряда подробностей в несохранившемся эпизоде из жизни Дерпенникова и в сохранившемся – из жизни Тентетникова. Муразов говорит о Дерпенникове в сохранившейся главе: «справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, был оболещен и сманен другими, осудить так, как и того, который был один из зачинщиков? Ведь участь постигла ровная и Дерпенникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного, а ведь преступленья их не равны». Степень замешанности ленивого Тентетникова в дело о «филантропическом обществе» гораздо меньшая, чем у «оболещенного и сманенного» Дерпенникова; кара, постигшая, как видно, Дерпенникова одновременно с остальными участниками противоправительственного общества, Тентетникова в тот момент минует, но возможность ее продолжает тревожить Тентетникова много позже, во время проживания уже в деревне, когда приехавший к нему Чичиков принят им за жандарма. То, что отнесено в сохранившейся первой главе на задний план, в предисторию героя, в первоначальной редакции этой главы, видимо, занимало одно из главных мест. В соответствии с этим герой первой главы в редакции 1843–1845 гг. оставался до конца второй части «юношей», тогда как заменивший его позже Тентетников сразу выставлен в возрасте 32–33 лет.

В первой главе несохранившейся ранней редакции Дерпенникову, вероятно, была посвящена особая «статья о воспитании», «развить» которую во второй части предписывала еще заметка в записной книжке 1841 г. Из той же записной книжки в главу о Дерпенникове могли уже перейти некоторые подробности деревенского времяпрепровождения, тоже сохранившиеся позже в применении к Тентетникову, как-то: изгнание приказчика «со всеми качествами дрянного приказчика», перечень которых в точности совпадает с заметкой записной книжки «Приметы дурного управителя»; хозяйственные неудачи, всё описание которых в сохранившийся текст первой главы попало из той же записной книжки; [106] разглядывание на речной отмели мартына, изображенного в точном согласии с заметкой записной книжки; ссора с Вишнепокромовым, который, с одной стороны, в качестве уже хорошо известного читателю персонажа выступает в уцелевшей главе ранней редакции, а с другой, по замысловатому своему имени, восходит к заметке всё той же записной книжки (о цвете голубей): «Вишнепокромый с каймой на крыльях вишне<ого> цвета». Кроме того, в первой главе редакции 1843–1845 гг. могли быть приданы Вишнепокромову, тоже оттесненному в дошедшей до нас редакции этой главы на задний план, и некоторые дополнительные черты, как, например, качества псового охотника, несомненно подразумеваемые в нем в уцелевшей последней главе, в его реплике на слова Муразова о дожде: «Очень, очень бы нужно... даже и для охоты хорошо» Целый раздел записной книжки посвящен как раз терминам псовой охоты. Деревенский кабак, «которому имя было Акулька», мог носить это название уже в сожженном рассказе о Дерпенникове: записная книжка в числе нескольких названий кабаков содержит и близкое к «Акульке» название «Агашка». Мог быть намечен, наконец, так трудно давшийся позже Гоголю волжский пейзаж: среди сведений, переданных Гоголю П. М. Языковым о Поволжье и занесенных Гоголем в записную книжку, есть описание тех самых растительных и геологических пород (песчаника и известняка) с Жигулевских гор, которые придали потом свой колорит доминирующему во второй части речному пейзажу.

Что составляло содержание главы II в редакции 1843–1845 гг., судить трудно.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Возможно, что эпизод с генералом Бетрищевым в той редакции еще отсутствовал: в уцелевшей главе это имя не упомянуто ни разу, хотя поводов для упоминаний было не меньше, чем в нынешних главах III и IV, где для придания себе весу Чичиков не раз упоминает генерала – «близкого приятеля и, можно сказать, благотворителя». Нет для этого персонажа никаких заготовок и в записной книжке.

Глава III, напротив, со своей известной нам ныне тематикой, несомненно присутствовала уже в редакции 1843–1845 гг. Эпизоду о Петухе близко соответствуют многочисленные заметки в записной книжке о рыбной ловле и кушаньях, так что даже понимание отдельных мест этой главы без справки там дается не сразу. Например, сцена заказывания перед сном завтрашнего обеда, с кулебякой на главном месте, понятна, в качестве завершающего весь эпизод штриха, лишь при учете, что речь идет о кулинарном применении пойманного в начале эпизода «чудовища» (осетра): особая заметка записной книжки разъясняет как раз, что кулебяка готовится из осетра. Эпизод о Костанжогло прямо упоминается в размышлениях посаженного под арест Чичикова в уцелевшей главе: «„Сделаюсь помещиком, потому что тут можно сделать много хорошего“. И в мыслях его пробудились те чувства, которые овладели им, когда он был у Гоброжогло, и милая, при гремящем свете вечернем умная беседа хозяина о том, как плодотворно и полезно занятие помещьем». [107]

Сложней вопрос, как выглядела в редакции 1843–1845 гг. нынешняя глава IV. Прежде всего, уцелевшая глава вовсе не предполагает центральной темы нынешней главы IV – покупки Чичиковым имения Хлобуева; их деловые взаимоотношения в уцелевшей последней главе ограничиваются только разделом наследства после умершей старухи Ханасаровой; и мошенничество в отношении Хлобуева со стороны Чичикова и некоторое поправление собственных дел Хлобуева одинаково вращаются тут не вокруг купли-продажи (как следовало бы на основании нынешней главы IV), а вокруг полученного по подложному завещанию наследства. «Скажите, пожалуйста, ведь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши получше?» спрашивает Хлобуева Муразов. «После тетушки все-таки вам досталось кое-что». Но, согласно нынешней главе IV, дела Хлобуева начинают поправляться после получения им задатка от Чичикова, о чем в эпилоге, однако, не сказано ни слова. Не стал еще в уцелевшей последней главе помещиком и сам Чичиков; его согласие с пожеланием Муразова: «нужно бы дождичка для посева» – сопровождается оговоркой: «сказал Чичиков, которому совсем не нужно было дождика», что идет в разрез с его сельскохозяйственными планами в нынешней главе IV. Покупка имения – еще только в проекте и при обдумывании Чичиковым своей будущей жизни во время сидения в остроге («Это я заложу, заложу с тем, чтобы купить на деньги поместье. Сделаюсь помещиком»). Содержание нынешней главы IV никак не входило, следовательно, в редакцию 1843–1845 гг. и поездка Чичикова, Платонова и Костанжогло к Хлобуеву, и осмотр владений Хлобуева, и признания Хлобуева Платонову о себе самом – всё это мотивировано в ней теперь той самой покупкой, которой уцелевшая заключительная глава не знает. Больше того: диалог Хлобуева и Платонова из нынешней главы IV явно повторяет в ряде мест диалог Хлобуева и Муразова в уцелевшей заключительной главе и, следовательно, возник лишь после отказа Гоголя от этой последней (об этом см. ниже). Сближение Чичикова и Хлобуева достигалось, следовательно, в первой редакции посредством какой-то иной, чем в нынешней главе IV, фабулы: завязкой эпизода служило, надо думать, получение наследства. Эпизод о старухе Ханасаровой был, вероятно, в редакции 1843–1845 гг. разработан широко и детально. На это указывает ряд отголосков данного эпизода в уцелевшей последней главе: обнаружение учиненного Чичиковым при вводе наследников во владение подлога, заинтересованность в наследстве не только Хлобуева, но и Тыфуславльского губернатора Леницына (названного здесь Алексеем Ивановичем, а не Федором Федоровичем, как в нынешних главах I и IV), сватовство «чиновных лиц» за Марью Еремеевну (ближе нам не известную, но предполагающуюся известной) и пр. Утраченный эпизод, замененный потом (или дополненный) нынешней главой IV, содержал, следовательно, и рассказ о самом подлоге, и иное, чем в нынешней главе IV, вступление в рассказ Хлобуева и Леницына, и, наконец, эпизодический персонаж, Марью Еремеевну – вероятно, одну из упоминаемых Леницыным воспитанниц старухи, вокруг которой загорается ссора жадных до ее приданого «женихов». Входило, может быть, в утраченный эпизод и волокитство Чичикова за «плясуньей», упоминание о которой в последней главе тоже как будто предполагает что-то уже известное из предшествующего содержания поэмы: «и уже начали ему вновь грезиться кое-какие приманки: вечером театр, плясунья, за которую он волочился». Входил, наконец, в одну из следующих глав первой редакции рассказ про Вороного-Дрянного: его упоминает в последней главе Муразов.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Что дальше следовало в сожженной редакции 1843–1845 гг., усматривается из слов уцелевшей последней главы о самом Муразове: «повел Хлобуева в комнату, уже знакомую читателю, неприхотливее которой нельзя было найти и у чиновника, получающего семьсот рублей в год жалованья». Эта «уже знакомая читателю», но в уцелевшей главе отсутствующая картина жилища Муразова предполагает особую посвященную ему главу, по образцу глав первой части, большинство которых имеют по собственному герою, а герои (Манилов, Коробочка, Ноздрев, Собакевич, Плюшкин) показаны на фоне собственного жилища. Вместе с Муразовым вступал, очевидно, в рассказ и князь: их диалог в сохранившейся главе предполагает в предыдущих главах поэмы ряд аналогичных диалогов на сходные темы: «Вот вам Чичиков!» говорит вошедшему Муразову князь: «Вы стояли за него и защищали», – напоминание, выходящее за пределы наличной главы, как и реплика Муразова: «Вы несколько раз приказывали мне откровенно говорить».

Сожженную в 1845 г. редакцию второго тома Гоголь охарактеризовал (в четвертом письме по поводу «Мертвых Душ» в «Выбранных местах из переписки с друзьями») как «пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясением, где было много такого, что составляло мои лучшие помышления и занимало мою душу. Но, – продолжает он, – как только пламя унесло последние листы моей книги, ее содержание вдруг воскреснуло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра, и я вдруг увидел, в каком еще беспорядке было то, что я считал уже порядочным и стройным. Появление второго тома в том виде, в каком он был, произвело бы скорее вред, нежели пользу... Вывести несколько прекрасных характеров, обнаруживающих высокое благородство нашей породы, ни к чему не поведет. Оно возбудит только одну пустую гордость и хвастовство... Бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе „Мертвых душ“, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен». Другими словами, метод статического изображения душевных качеств для героев второго тома, с «характерами значительнее прежних», оказывался неприменимым; на простых аналогиях или антитезах к первому тому второй том построить не удалось: художник с ужасом почувствовал, что «повторяется». Предстояло поэтому обновить не только бытовой материал, но и приемы изображения. Недаром первая же попытка после выздоровления снова взяться за оставленный труд свелась как раз к разграничению художественных сфер первой и второй части.

16 марта 1846 г. Гоголь писал из Рима Жуковскому о «небесных минутах», выпавших ему на долю среди страданий болезни, прибавляя: «Мне даже удалось кое-что написать из „Мертвых душ“, которое всё будет вам в скорости прочитано». По верному предположению Тихонравова, след этого минутного возврата к только что сожженным «Мертвым душам» сохранился в отрывке: «Идея города – возникшая до высшей степени пустота». [108] В наибольшей своей части касаясь первого тома поэмы, предназначавшегося тогда к переизданию в исправленном виде, отрывок этот, однако, в конце переходит от первой части ко второй: «Весь город со всем вихрем сплетней – преобразование бездельности жизни всего человечества в массу... Противоположное ему преобразование во II части, занятой разорванным бездельем». У Гоголя была мысль о возобновлении работы над обоими томами сразу. «Первая часть мне потребна при писании второй и притом нужно ее самое значительно выправить», – говорит Гоголь в том же письме. Однако надежда на выполнение такого двойного труда быстро сменяется разочарованием. Уже в апреле того же 1846 г. Гоголь признается Шереметевой, что только в дороге попытается «продолжать доселе плохо и лениво происходившую работу»; но и дорога, в которую он пускается в мае, для «Мертвых душ» не дает на этот раз ничего. Литературные планы Гоголя с «Мертвых душ» целиком переносятся на затеянную в то время публикацию «Переписки». [109]

Одновременно автором дается согласие на переиздание первого тома «Мертвых душ» без исправлений, [110] лишь с присоединением нового предисловия. Оно высылается вместе с письмом к Шевыреву от 26 сентября, и из его содержания видно, как далек стал Гоголь от вернувшихся было к нему на минуту весной надежд. Предисловие содержит обращение к читателям с просьбой о присылке тех бытовых материалов, поисками которых были заполнены для Гоголя следующие годы, когда возврат к художественной работе над второй частью представлялся ему невозможным без предварительного долгого изучения «статистики России». [111] Через все письма 1847 г. настойчиво проходит мысль о необходимости, прежде чем вновь взяться за продолжение поэмы, «озариться полным знанием дела», «изрядно поумнеть», достигнуть «безъискусственной простоты, которая должна необходимо присутствовать

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru в других частях „Мертвых душ“, дабы назвал их всяк верным зеркалом, а не карикатурой» и т. д. А касаясь попутно своей текущей писательской работы, Гоголь неизменно характеризует ее теперь как еще только предстоящую, как такую, к которой лишь в будущем можно будет «приступить». [112] Пока же она сводится к обдумыванию или, в лучшем случае, к набрасыванию вчерне.

Из отдельных писем видно, что именно могло тогда обдумываться и набрасываться. В сыне С. П. Апраксиной, у которой живет в Неаполе Гоголь, его упорно интересует одна и та же черта: «желанье сильное» «заняться не шутя благоустройством крестьян» своего имения, [113] т. е. главная черта будущего Тентетникова. Имя «Улинька» впервые, с особым ударением на его русском характере, упоминается Гоголем тоже в 1847 г. в письме к супругам Данилевским: «моя добрая Юлия, или по-русски Улинька, что звучит еще приятней» (письмо от 18 марта). Наконец тогда же, среди отыскиваемых материалов по «статистике России», особо испрашивается «биография хотя двух человек, начиная с 1812 года и до сих пор», [114] т. е. бытовой материал для создания образа генерала Бетрищева. Но из стадии собирания материалов и черновых заготовок весь этот труд в 1847 г. еще не выходит, о чем бесспорно свидетельствует написанное в конце года письмо к Жуковскому – вариант «Авторской исповеди». Содержащееся тут авторское признание подводит несомненно итог как раз этому переходному периоду в творческой истории второй части: «Уже давно занимала меня мысль большого сочиненья, в котором бы предстало всё что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней свойство нашей русской природы. Я видел и обнимал порознь много частей, но план целого никак не мог предо мной выясниться и определиться в такой силе, чтобы я мог уже приняться и начать писать. На всяком шагу я чувствовал, что мне многого недостает, что я не умею еще ни завязывать, ни развязывать событий и что мне нужно выучиться постройке больших творений у великих мастеров... Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы – и ничего не выходило. Я думал, что уже способность писать просто отнялась у меня. И вдруг болезни и тяжкие душевные состоянья, оторвавши меня разом ото всего и даже от самой мысли об искусстве, обратили к тому, к чему прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту, – к наблюдению внутреннему над человеком и над душой человеческой... С этих пор, – продолжает Гоголь, – способность творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить ясно из мглы, чувствую, что работа пойдет, что даже и язык будет правилен и звучен, а слог окрепнет... Хочу заняться крепко „Мертвыми душами“». Письмо, датированное 29 декабря 1847 г., написано в Неаполе, откуда несколько недель спустя Гоголь отплыл в свое паломничество в Иерусалим. Путешествие закончилось около 20 апреля 1848 г. в Одессе.

Ни в Одессе, ни потом в родной Васильевке, в мае – июле, к занятиям Гоголь еще не приступает. «Я еще ни за что не принимался, – пишет он из Васильевки Плетневу 7 июня: – Покуда отдыхаю от дороги. Брался было за перо, но или жар утомляет меня, или я всё еще не готов; а между тем чувствую, что, может, еще никогда не был так нужен труд, составляющий предмет давних обдумываний моих и помышлений, как в нынешнее время». [115] Лишь в середине октября обосновавшись в Москве, Гоголь приступает, наконец, к началу работы. Труд над «Мертвыми душами» вступил в новый фазис.

А. М. Виельгорской Гоголь сообщает из Москвы (29 октября) о близости давно ожидаемого момента: «Я еще не тружусь так, как бы хотел... еще нет этого благодатного расположения духа, какое нужно для того, чтобы творить. Но душа кое-что чует и сердце исполнено трепетного ожидания этого желанного времени». «Принимаюсь серьезно обдумывать тот труд, – пишет он 18 ноября Смирновой, – для которого дал бог средства и силы». «Соображаю, думаю и обдумываю второй том „Мертвых душ“, – двумя днями позже пишет Гоголь Плетневу. – Прежде чем примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и речью. Боюсь нагрешить противу языка». А в марте 1849 г., подводя небольшой итог сделанному, Гоголь жалуется: «Работа моя шла как-то вяло, туго и мало оживлялась благодатным огнем вдохновения». [116] Тем не менее, всё же шла; в письме к Плетневу от 3 апреля читаем: «хоть и не так тружусь, как бы следовало, но спасибо богу и за это». А в письме к Жуковскому от 14 мая 1849 г. имеются уже первые признаки авторского удовлетворения достигнутым результатом: «Жду нетерпеливо прочесть тебе всё, что среди колебаний и тревог удалось создать». Жуковский не приехал, однако, ни в Петербург (куда готов был выехать Гоголь), ни в Москву. И первое авторское чтение написанного за истекшую зиму состоялось у Смирновой.

Поездка Гоголя к ней в гости в Калугу, описанная в «Воспоминаниях» брата Смирновой, Л. И. Арнольди, падает на конец июня – начало июля 1849 г. Вот что

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru находим у Арнольди о прочитанных тогда Гоголем главах второго тома «Мертвых душ»: «Вечером сестра рассказывала мне, что Гоголь прочел ей несколько глав из второго тома „Мертвых душ“ и что всё, им прочитанное, было превосходно. Я, разумеется, просил ее уговорить Гоголя допустить и меня к слушанию: он сейчас же согласился, и на другой день мы собрались для этого, в одиннадцать часов утра, на балконе, уставленном цветами. Сестра села за пядьцы, я покойно поместился в кресле против Гоголя, и он начал читать нам сначала ту первую главу второго тома, которая вышла в свет после его смерти уже. Сколько мне помнится, она начиналась иначе и вообще была лучше обработана, хотя содержание было то же. Хохотом генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею следовала другая, в которой описан весь день в генеральском доме. Чичиков остался обедать. К столу явились, кроме Уленьки, еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанец или португалец, проживавший у Бетрищева в деревне с незапамятных времен и неизвестно для какой надобности. Первая была девушка средних лет, существо бесцветное, некрасивой наружности, с большим тонким носом и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по целым дням и только непрерывно вертела глазами в разные стороны с глупо-вопросительным взглядом. Португалец, сколько я помню, назывался Экспантон, Эситендон или что-то в этом роде; но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто – Эскадрон. Он тоже постоянно молчал, но после обеда должен был играть с генералом в шахматы. За обедом не произошло ничего необыкновенного. Генерал был весел и шутил с Чичиковым, который ел с большим аппетитом, Уленька была задумчива, и лицо ее оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетникове. После обеда генерал сел играть с испанцем в шахматы и, подвигая шашки вперед, непрерывно повторял: „полюби нас беленькими...“. „Черненькими, ваше превосходительство“, перебивал его Чичиков. „Да, повторял генерал, полюби нас черненькими, а беленькими нас сам господь полюбит“. Через пять минут он опять ошибался и начинал опять: „полюби нас беленькими“, и опять Чичиков поправлял его, и опять генерал, смеясь, повторял: „полюби нас черненькими, а беленькими нас сам господь бог полюбит“. После нескольких партий с испанцем генерал предложил Чичикову сыграть одну или две партии, и тут Чичиков выказал необыкновенную ловкость. Он играл очень хорошо, затруднял генерала своими ходами и кончил тем, что проиграл; генерал был очень доволен тем, что победил такого сильного игрока, и еще более полюбил за это Чичикова. Прощаясь с ним, он просил его возвратиться скорее и привезти с собою Тентетникова. Приехав к Тентетникову в деревню, Чичиков рассказывает ему, как грустна Уленька, как жалеет генерал, что его не видит, что генерал совершенно раскисается и, чтобы кончить недоразумение, намерен сам первый к нему приехать с визитом и просить у него прощения. Всё это Чичиков выдумал. Но Тентетников, влюбленный в Уленьку, разумеется, радуется предлогу, и говорит, что если всё это так, то он не допустит генерала до этого, а сам завтра же готов ехать, чтобы предупредить его визит. Чичиков это одобряет, и они условливаются ехать вместе на другой день к генералу Бетрищеву. Вечером того же дня Чичиков признается Тентетникову, что соврал, рассказав Бетрищеву, что будто бы Тентетников пишет историю о генералах. Тот не понимает, зачем это Чичиков выдумал, и не знает, что ему делать, если генерал заговорит с ним об этой истории. Чичиков объясняет, что и сам не знает, как это у него сорвалось с языка; но что дело уже сделано, а потому убедительно просит его, ежели он уже не намерен лгать, то чтобы ничего не говорил, а только бы не отказывался решительно от этой истории, чтоб его не скомпрометировать перед генералом. За этим следует поездка их в деревню генерала; встреча Тентетникова с Бетрищевым, с Уленькой и наконец обед. Описание этого обеда, по моему мнению, было лучшее место второго тома. Генерал сидел посредине, по правую его руку Тентетников, по левую Чичиков, подле Чичикова Уленька, подле Тентетникова испанец, а между испанцем и Уленькой англичанка; все казались довольны и веселы. Генерал был доволен, что помирился с Тентетниковым и что мог поболтать с человеком, который пишет историю отечественных генералов; Тентетников тем, что почти против него сидела Уленька, с которой он по временам встречался взглядами; Уленька была счастлива тем, что тот, кого она любила, опять с ними, и что отец опять с ним в хороших отношениях, и наконец Чичиков был доволен своим положением примирителя в этой знатной и богатой семье. Англичанка свободно вращала глазами, испанец глядел в тарелку и поднимал свои глаза только тогда, как вносили новое блюдо. Присмотрев лучший кусок, он не спускал с него глаз во всё время, покуда блюдо обходило кругом стола, или покуда лакомый кусок не попадал к кому-нибудь на тарелку. После второго блюда генерал заговорил с Тентетниковым о его сочинении и коснулся 12-го года. Чичиков струхнул и со вниманием ждал ответа. Тентетников ловко вывернулся. Он отвечал, что не его дело писать историю кампании, отдельных сражений и отдельных личностей, игравших роль в этой войне, что не этими геройскими подвигами замечателен 12-й год, что много

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru было историков этого времени и без него; но что надобно взглянуть на эту эпоху с другой стороны; важно, по его мнению, то, что весь народ встал как один человек в защиту отечества; что все расчелы, интриги и страсти умолкли на это время; важно, как все сословия соединились в одном чувстве любви к отечеству, как каждый спешил отдать последнее свое достояние и жертвовал всем для спасения общего дела; вот что важно в этой войне, и вот что желал он описать в одной яркой картине, со всеми подробностями этих невидимых подвигов и высоких, но тайных жертв. Тентетников говорил довольно долго и с увлечением, весь проникнулся в эту минуту чувством любви к России. Бетрищев слушал его с восторгом, и в первый раз такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, как бриллиант чистой воды, повисла на седых усах. Генерал был прекрасен; а Уленька? Она вся впиалась глазами в Тентетникова, она, казалось, ловила с жадностью каждое его слово, она, как музыкой, упивалась его речами, она любила его, она гордилась им. Испанец еще более потупился в тарелку, англичанка с глупым видом оглядывала всех, ничего не понимая. Когда Тентетников кончил, водворилась тишина, все были взволнованы.. Чичиков, желая поместить и свое слово, первый прервал молчание: „Да, сказал он, страшные холода были в 12-м году“. – „Не о холодах тут речь“, заметил генерал, взглянув на него строго. Чичиков сконфузился. Генерал протянул руку Тентетникову и дружески благодарил его; но Тентетников был совершенно счастлив тем уже, что в глазах Уленьки прочел себе одобрение. История о генералах была забыта. День прошел тихо и приятно для всех. – После этого я не помню порядка, в котором следовали главы; помню, что после этого дня Уленька решила говорить с отцом своим серьезно о Тентетникове. Перед этим решительным разговором, вечером, она ходила на могилу матери и в молитве искала подкрепления своей решимости. После молитвы вошла она к отцу в кабинет, стала перед ним на колени и просила его согласия и благословения на брак с Тентетниковым. Генерал долго колебался и наконец согласился. Был призван Тентетников, и ему объявили о согласии генерала. Это было через несколько дней после мировой. Получив согласие, Тентетников, вне себя от счастья, оставил на минутку Уленьку и выбежал в сад. Ему нужно было остаться одному, с самим собою: счастье его души.. Тут у Гоголя были две чудные лирические страницы. – В жаркий летний день, в самый полдень, Тентетников – в густом, тенистом саду, и кругом его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описан был этот сад, каждая ветка на деревьях, палящий зной в воздухе, кузнечики в траве, и все насекомые, и наконец всё то, что чувствовал Тентетников, счастливый, любящий и взаимно любимый. – Я живо помню, что это описание было так хорошо, в нем было столько силы, колорита, поэзии, что у меня захватило дыхание. Гоголь читал прерасходно. В избытке чувств, от полноты счастья, Тентетников плакал, и тут же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невесте. В эту минуту в конце аллеи показывается Чичиков. Тентетников бросается к нему на шею и благодарит его. „Вы мой благодетель, вам обязан я моим счастьем; чем могу возблагодарить вас?.. всей моей жизни мало для этого..“ У Чичикова в голове тотчас блеснула своя мысль: „Я ничего для вас не сделал; это случай, – отвечал он, – я очень счастлив, но вы легко можете отблагодарить меня!“ – „Чем, чем? – повторял Тентетников, – скажите скорее, и я всё сделаю“. Тут Чичиков рассказывает о своем мнимом дяде и о том, что ему необходимо хотя на бумаге иметь 300 душ. „Да за чем же непременно мертвых? – говорит Тентетников, не хорошо понявший, чего собственно добивается Чичиков. – Я вам на бумаге отдам все мои 300 душ, и вы можете показать наше условие вашему дядюшке, а после, когда получите от него именование, мы уничтожим купчую“. Чичиков остолбенел от удивления. „Как? вы не боитесь сделать это?.. вы не боитесь, что я могу вас обмануть.. употребить во зло ваше доверие?“ Но Тентетников не дал ему кончить. „Как? – воскликнул он, – сомневаться в вас, которому я обязан более чем жизнью!“ Тут они обнялись, и дело было решено между ними. Чичиков заснул сладко в этот вечер. На другой день в генеральском доме было совещание, как объявить родным генерала о помолвке его дочери, письменно или через кого-нибудь, или самим ехать. Видно, что Бетрищев очень беспокоился о том, как примут княгиня Зюсюкина и другие знатные его родные эту новость. Чичиков и тут оказался очень полезен: он предложил объехать всех родных генерала и известить о помолвке Уленьки и Тентетникова. Разумеется, он имел в виду при этом всё те же мертвые души. Его предложение принято с благодарностью. Чего лучше? – подумал генерал, – он человек умный, приличный; он сумеет объявить об этой свадьбе таким образом, что все будут довольны. Генерал для этой поездки предложил Чичикову дорожную двухместную коляску заграничной работы, а Тентетников четвертую лошадь. Чичиков должен был отправиться через несколько дней. С этой минуты на него все стали смотреть в доме генерала Бетрищева, как на домашнего, как на друга дома. Вернувшись к Тентетникову, Чичиков тотчас же позвал к себе Селифана и Петрушку и объявил им, чтобы они готовились к отъезду. Селифан в деревне Тентетникова совсем изленился, спился и не походил вовсе на

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru кучера, а лошади совсем оставались без присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими девками. Когда же привезли от генерала легкую, почти новую коляску, и Селифан увидел, что он будет сидеть на широких козлах и править четырьмя лошадьми в ряд, то все кучерские побуждения в нем проснулись и он стал, с большим вниманием и с видом знатока, осматривать экипаж и требовать от генеральских людей разных запасных винтов и таких ключей, каких даже никогда и не бывает. Чичиков тоже думал с удовольствием о своей поездке: как он разляжется на эластических с пружинами подушках и как четверня в ряд понесет его легкую, как перышко, коляску.

Вот всё, что читал при мне Гоголь из второго тома „Мертвых душ“. Сестре же моей он прочел, кажется, девять глав. Она рассказывала мне после, что удивительно хорошо отделано было одно лицо в одной из глав; это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию; ей уже за тридцать лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость. В это время она встречается с везде и всегда скучающим Платоновым, который также израсходовал всего себя, таскаясь по светским гостиным. Им обоим показалась их встреча в глуши, среди ничтожных людей, их окружающих, каким-то великим счастьем; они начинают привязываться друг к другу, и это новое чувство, им незнакомое, оживляет их; они думают, что любят друг друга, и с восторгом предаются этому чувству. Но это оживление, это счастье было только на минуту, и чрез месяц после первого признания они замечают, что это была только вспышка, каприз, что истинной любви тут не было, что они и не способны к ней, и затем наступает с обеих сторон охлаждение и потом опять скука и скука, и они, разумеется, начинают скучать, в этот раз еще более, чем прежде. Сестра уверяла меня, а С. П. Шевырев подтвердил, что характер этой женщины и вообще вся ее связь с Платоновым изображены были у Гоголя с таким мастерством...». [117]

Рассказ самой А. О. Смирновой о чтениях в Калуге передан в «Записках» П. А. Кулиша: «Еще до переезда с дачи в город Гоголь предложил А. О. Смирновой прочесть ей несколько глав из второго тома „Мертвых душ“ с тем условием, чтоб никого при этом чтении не было и чтоб об этом не было никому ни писано, ни говорено. Он приходил к ней по утрам в 12 часов и читал почти до 2-х. Один раз был допущен к слушанию брат ее, Л. И. Арнольди. То, что читал Гоголь А. О. Смирновой, начиналось не так, как в печати. Читатель помнит торжественный тон окончания первого тома. В таком тоне начинался, по ее словам, и второй. Слушатель с первых строк был поставлен в виду обширной картины, соответствовавшей словам: „Русь! куда несешься ты? дай ответ!“ и пр.; потом эта картина суживалась, суживалась и наконец входила в рамки деревни Тентетникова. Нечего и говорить о том, что всё читанное Гоголем было несравненно выше, нежели в оставшемся брательне. В нем очень много недостает даже в тех сценах, которые остались без перерывов. Так, например, анекдот о черненьких и беленьких рассказывается генералу во время шахматной игры, в которой Чичиков овладевает совершенно благосклонностью Бетрищева; в домашнем быту генерала пропущены лица – пленный французский капитан Эскадрон и гувернантка англичанка. В дальнейшем развитии поэмы недостает описания деревни Вороного-Дрянного, из которой Чичиков переезжает к Костанжогло. Потом нет ни слова об имении Чагранова, управляемом молодым человеком, недавно выпущенным из университета. Тут Платонов, спутник Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портрет, а потом они встречаются, у брата генерала Бетрищева, живой подлинник этого портрета, и начинается роман, из которого Чичиков, как из всех других обстоятельств, каковы б они ни были, извлекает свои выгоды. Первый том, по словам А. О. Смирновой, совершенно побледнел в ее воображении перед вторым: здесь юмор возведен был в высшую степень художественности и соединялся с пафосом, от которого захватывало дух. Когда слушательница спрашивала: неужели будут в поэме еще поразительнейшие явления? Гоголь отвечал: „Я очень рад, что это вам так нравится, но погодите, будут у меня еще лучшие вещи: будет у меня священник, будет откупщик, будет генерал-губернатор“». [118]

След летних чтений 1849 г. остался, кроме приведенных воспоминаний, [119] также в переписке самого Гоголя. В указанном выше письме из Москвы от 29 июля он передает Смирновой поклон от ее нового знакомого: «Кланяется Вам Тентетников». А Смирнова, отвечая Гоголю из Калуги 1 августа 1849 г., в свою очередь, запрашивает: «Как жаль, что Вы так мало пишете о Тентетникове: меня они все очень интересуют, и часто я думаю о Костанжогло и Муразове. Уленьку немного сведите с идеала и дайте работу жене Констанжогло: она уже слишком жалка. А впрочем всё хорошо». [120]

Чтобы ответить на вопрос, как относится текст, впервые оглашенный в Калуге, к наличным сейчас пяти тетрадям, надо, прежде всего, учесть систематический и длительный характер этих калужских чтений, продолжавшихся по несколько часов изо дня в день и охвативших, кроме всего нам известного, также ряд отсутствующих теперь глав. Такого рода чтения могли, конечно, производиться только по беловику. Вернее всего, в Калуге читалась сохранившаяся ранняя редакция, т. е. первоначальный слой четырех первых тетрадей. Ряд признаков, приведенных в мемуарах, действительно ведет нас к этому тексту. Иное начало первой главы, запомнившееся Смирновой и ее брату, легко объясняется тем, что начало рукописи, дошедшее до нас, является новой вставкой, [121] первоначальный же текст (первый лист рукописи) утрачен. Отсутствующее ныне продолжение главы второй: обед у Бетрищева, партия в шахматы, возвращение Чичикова к Тентетникову, новый визит Чичикова и Тентетникова вместе к генералу, застольный разговор о 12-м годе, помолвка, сборы Чичикова к генеральским родственникам – тоже несомненно находилось в тетради второй в тех полулистах, которые не сохранились. Именно к первоначальному слою второй и третьей тетради относятся критические замечания Смирновой (в письме от 1 августа). Если сравнить произведенную Гоголем переработку тех мест глав первой и второй, где появляется Уленька, то сразу станет видно, что переработка в целом следовала как раз совету Смирновой: «немного свести с идеала» Уленьку – и, значит, совет относился именно к первой из двух наличных редакций. Еще наглядней отразилось в доступном нам тексте второе замечание Смирновой. Соответствующее место третьей главы в первой из двух наличных редакций как нельзя лучше оправдывает оценку, данную Смирновой жене Костанжогло: «она уж слишком жалка»; а в исправленном виде то же место с наименьшей очевидностью отражает на себе самый совет: «дайте работу жене Костанжогло». [122] Не противоречит, наконец, первоначальный текст четырех первых тетрадей и всему тому из приведенных воспоминаний, что приурочено там к несохранившимся главам: эпизод об «эманципированной» красавице в пересказе как Арнольди, так и Смирновой одинаково связан с путешествием Платонова и Чичикова вместе, т. е. с дальнейшим развитием той фабулы, которая намечена уже в наличных главах третьей и четвертой. Эпизод входил, следовательно, в одну из дальнейших глав, после четвертой, обрывающейся, как известно, на полуфразе. След этих изъятых из уцелевшей рукописи глав сохранился не только в черновом наброске о Чагравине, [123] но и в ряде заметок в записной книжке, заполнявшейся в значительной своей части как раз в период, предшествовавший поездке в Калугу весной и летом 1849 г. (см. ниже). Заметка, начинающаяся: «Он вспомнил, как гренадер Коренной, когда уже стихнули со всех сторон французы...» (см. выше, стр. 376*), предусматривает, без сомнения, застольную беседу о 12-м годе у генерала Бетрищева. Следующий далее ряд пейзажных заметок, с прямым упоминанием в одной из них Чичикова (см. выше, стр. 377–380*), точно так же предусматривает, должно быть, описания природы для несохранившихся глав, особенно богатых подобными описаниями, что запомнил Арнольди.

Есть, таким образом, все основания признать, что первоначальный текст сохранившихся первых четырех тетрадей представляет собою уцелевший фрагмент той самой редакции второго тома, которая создана была Гоголем в Москве и впервые была им прочитана летом 1849 г. у Смирновой. Эта редакция по счету была второй, если считать первой редакцию, сожженную в 1845 г.

На закончившийся калужскими чтениями период 1848–1849 гг. падает, кроме частично уцелевшего первого слоя четырех первых тетрадей, и близкий к ним по почерку и чернилам дефектный отрывок двух мест из главы третьей (см. факсимиле, стр. 272*), несомненно предшествовавший соответствующему тексту тетрадей, так как будущий Костанжогло назван здесь Берданжогло с исправлением на Скудронжогло – фамилию, перешедшую в первый слой третьей тетради. В тот же период 1848–1849 гг. сделан был, как указано, уцелевший набросок о Чагравине (см. выше, стр. 273*) и, вероятно, другой, впервые публикуемый набросок: «Вот оно, вот оно, что значит» (см. выше, стр. 272*), в котором можно видеть фрагмент главы о Вороном-Дрянном. Каждому из этих персонажей посвящена была, надо думать, во второй редакции особая глава, как и упоминаемому в письме от 1 августа Муравову. Сверх четырех уцелевших глав, в рукописи, по которой Гоголь читал в Калуге, могло быть, таким образом, еще три главы, а всего вместе – семь, как запомнил со слов Смирновой Аксаков (Арнольди говорил о 9 главах).

Особой оговорки требует, в связи с новой редакцией, заключительная глава. Ее в этой редакции, в период калужских чтений, повидимому не было: князь-губернатор в воспоминаниях Арнольди и в письме Смирновой от 1 августа не упоминается вовсе.

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Судя же по воспоминаниям, записанным Кулишом, этот персонаж упомянут был тогда Гоголем только как еще проектируемый. К переработке уцелевшего от 1845 г. текста последней главы Гоголь, действительно, приступил лишь позже.

Калужские чтения в июле 1849 г. завершили еще один фазис работы, чтение Аксаковым в августе открывает собою другой. Из воспоминаний С. Т. Аксакова известно, что Гоголь прибыл к ним в тот год в Абрамцево 14 августа, а четыре дня спустя, 18-го вечером, неожиданно для всех присутствовавших состоялось первое чтение.

«Гоголь прочел первую главу второго тома „Мертвых душ“, – рассказывает Аксаков. – С первых страниц я увидел, что талант Гоголя не погиб, и пришел в совершенный восторг. Чтение продолжалось час с четвертью... Тут только мы догадались, что Гоголь с первого дня имел намерение прочесть нам первую главу из второго тома „Мертвых душ“, которая одна, по его словам, была отделана, и ждал от нас только какого-нибудь вызывающего слова... На другой день Гоголь требовал от меня замечаний на прочитанную главу, но нам помешали говорить о „Мертвых душах“. Он уехал в Москву, и я написал к нему письмо, в котором сделал несколько замечаний и указал на особенные, по моему мнению, красоты. Получив мое письмо, Гоголь был так доволен, что захотел видеть меня немедленно. Он нанял карету, лошадей и в тот же день прикатил к нам в Абрамцево. Он приехал необыкновенно весел или, лучше сказать, светел и сейчас сказал: „Вы заметили мне именно то, что я сам замечал, но не был уверен в справедливости моих замечаний. Теперь же я в них не сомневаюсь, потому что то же заметил другой человек, пристрастный ко мне“.

Гоголь прожил у нас целую неделю; до обеда раза два выходил гулять, а остальное время работал; после же обеда всегда что-нибудь читали. Мы просили его прочесть следующие главы, но он убедительно просил, чтоб я погодил. Тут он сказал мне, что он прочел уже несколько глав А. О. Смирновой и С. П. Шевыреву, что сам он увидел, как много надо переделать, и что прочтет мне их непременно, когда они будут готовы. 6 сентября Гоголь уехал в Москву вместе с Ольгой Семеновною. Прощаясь, он повторил ей обещание прочесть нам следующие главы „Мертвых душ“ и велел непременно сказать это мне». [124]

Тут же, в Абрамцево, в конце августа, а с 6 сентября – в Москве переделка написанного захватила Гоголя. 20 октября он пишет А. М. Виельгорской: «Всё время мое отдано работе, часу нет свободного. Время летит быстро, неприметно... Избегаю встреч даже со знакомыми людьми, от страху, чтобы как-нибудь не оторваться от работы своей. Выхожу из дому только для прогулки и возвращаюсь съизнова работать... С удовольствием помышляю, как весело увижусь с Вами, когда кончу свою работу». Менее бодрыми, но всё же категорическими заявлениями о движущейся, хоть и медленно, работе отмечены и дальнейшие письма 1849 г., вплоть до признаний (в конце года) Жуковскому: «Скотина Чичиков едва добрался до половины своего странствования» – и 21 января 1850 г. Плетневу: «Конец делу еще не скоро, т. е. разумею конец „Мертвых душ“. Все почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, как набросаны; собственно написанных две-три и только». Чтобы понять, как случилось, что вместо семи глав, читавшихся летом 1849 г., к январю 1850 г., в результате новой почти полугодовой работы, их оказалось «две-три и только», надо учесть обычный способ художественной работы Гоголя: едва изготовленный беловик всякий раз немедленно начинал у него обрастать приписками, снова превращавшими его мало-помалу в черновик, требующий новой белой копии. [125] И что именно такой характер носила художественная работа Гоголя во второй половине 1849 г. перед новыми чтениями у Аксаковых, видно из семейной переписки последнего: «Вчера целый вечер провели мы с Гоголем, – 10 января 1850 г. писал старик Аксаков сыну Ивану. – Гоголь был необыкновенно любезен, прост и искренен... говорил о том, как он трудно пишет, как много переменяет, так что иногда из целой главы не остается ни одного прежнего слова». [126] Вероятно, к этому времени относятся исправления черными чернилами, которые проходят сплошь от страницы к странице и даже от строки к строке, через все четыре тетради, образуя собственно не приписки к старому тексту, а самостоятельный новый текст. Он-то и создавался между сентябрем 1849 г. и январем 1850 г. За этот период, очевидно, были так исправлены «две-три главы».

В январе 1850 г. Гоголь читал у Аксаковых первые главы в исправленном виде. «В январе 1850 года Гоголь прочел нам в другой раз первую главу „Мертвых душ“, – свидетельствует Аксаков. – Мы были поражены удивлением: глава показалась нам еще лучше и как будто написана вновь». [127] Очередь была за второй. «Января 19-го, – продолжает Аксаков, – Гоголь прочел нам вторую главу, которая была довольно

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru отдала и не уступала первой в достоинстве». [128] Гораздо горячее высказался Аксаков, под непосредственным впечатлением от прочитанного, в письме к сыну: «Скажу одно: вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три я не мог удержаться от слез. Такого высокого искусства показывать в человеке пошлом высокую человеческую сторону нигде нельзя найти, кроме Гомера». [129] Из этого отзыва видно, что в состав главы второй и теперь не могли не входить те патетические страницы (об отечественной войне, о помолвке Уленьки и Тентетникова), которые прочитаны были летом Смирновой и которых в сохранившейся тетради недостает по чисто внешней причине.

Дальнейшая переработка прочитанного летом 1849 г. в Калуге растягивается на всю первую половину 1850 г., до самого отъезда Гоголя из Москвы, в июне, в Васильевку. В письмах за этот период он несколько раз жалуется на «дурно» или «праздно» проведенную зиму, [130] но всё же перед отъездом читает Аксаковым еще две выправленные главы – третью и четвертую [131] – и вспоминает об этом в письме к гр. А. П. Толстому от 20 августа, как о бесспорном успехе: «Когда я перед отъездом из Москвы прочел некоторым из тех, которым знакомы были, как и Вам, две первые главы, оказалось, что последующие сильнее первых и жизнь раскрывается чем дале, тем глубже». Весьма показательно, что к 13 июня, к отъезду из Москвы, Гоголь успел выправить заново, из семи написанных ранее глав, ровно столько, сколько содержит уцелевшая рукопись: четыре главы. Если правильно подметил Д. А. Оболенский, что «рукопись, по которой читал Гоголь, была совершенно набело им самим переписана», [132] то можно предположить, что одновременно с внесением в сохранившиеся четыре тетради первого слоя приписок Гоголь этот новый текст тут же переписывал набело, что подтверждается идущими от Кулиша сведениями о снятии белой копии со страниц рукописи 7–10 с текстом о воспитании Тентетникова. [133] Этим, с другой стороны, может объясняться и отсутствие в уцелевших тетрадях конца главы второй, конца главы четвертой и всех следовавших за ней: эти части рукописи, одни возможно менее остальных пострадавшие от приписок, другие и вовсе пока еще без приписок (далее четвертой главы исправления пока не шли), Гоголь мог, во избежание лишней работы, присоединить к копии, снятой со всего остального. Остальное же, т. е. наиболее зачерненные приписками части калужской рукописи, и есть известные нам четыре тетради.

Первый слой приписок (черными чернилами), датируемый сентябрем 1849 – июнем 1850 гг., распространяется, как установлено выше, также на пятую тетрадь, на уцелевший от 1845 г. фрагмент первой редакции. Имея теперь новую редакцию, Гоголь дошел, наконец, и до эпилога. Внесение в первоначальный текст пятой тетради приписок черными чернилами датируется, по наблюдению еще Тихонравова, упоминанием в них сортов сукна: «Здесь сукны зибера, клер и черные»; эти названия вписаны Гоголем в записную книжку (см. выше, стр. 388*) и, конечно, лишь отсюда перенесены в текст поэмы. Но запись в этой книжке, по своему положению в ней, датируется не ранее как 1849 г. (см. ниже). Изменения, внесенные в заключительную главу этими приписками 1850 г., рассчитаны на приспособление старого фрагмента последней главы к новому художественному целому: сношения Чичикова с контрабандистами, его визит к подкупному юристу устранены; их место заступила картина ярмарки, заранее намеченная записями карманных записных книжек; устранен и Вишнепокромов, что соответствует лишь беглым упоминаниям этого персонажа в наличных четырех главах и полному умолчанию о нем мемуарных источников (Арнольди, Смирновой). При всем том приписки в пятой тетради не таковы, чтобы можно было признать новый текст сколько-нибудь законченным. Приписками, например, почти не затронута заключительная речь князя. Над последней главой Гоголю предстояло еще трудиться, как, впрочем, и над всей второй частью поэмы.

С переездом на юг, сперва в Васильевку, а потом – в конце октября – в Одессу, труд Гоголя вступает в последний, очень бодрый по началу период: предполагается, что «второй том эту же зиму будет готов»; строится проект прочесть будущим летом Смирновой, Жуковскому и Плетневу всё написанное, а в сентябре явиться в Петербург «для напечатания». [134] Возобновившаяся в Одессе работа вполне как будто этот проект оправдывает. «Утро постоянно проходит в занятиях, – пишет Гоголь Смирновой 23 декабря, – не тороплюсь и осматриваюсь. Художественное создание и в слове то же, что и в живописи, то же, что картина. Нужно то отходить, то вновь подходить к ней, смотреть ежеминутно, не выдается ли что-нибудь резкое». Отсюда можно заключить, что в эту пору Гоголь много внимания уделял деталям. При такой работе над текстом Гоголь и прежде любил пользоваться двумя рукописями сразу. [135] Можно предположить, что и художественная доработка второго тома «Мертвых душ» осуществлялась в этот период тем же приемом. В

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru рукописях Гоголя приписки карандашом вообще играют роль пробной наметки, закрепляемой потом чернилами. Однако последний слой приписок в сохранившейся рукописи второго тома поэмы – главным образом карандашные приписки на полях – никаких признаков обычного закрепления чернилами не имеет. Это дает основание допустить, что карандашная наметка на этот раз не столько была связана с текстом сохранившихся тетрадей, сколько служила наметкой для последующего беловика. С точки зрения художественной выразительности эти наметки имеют неоспоримые преимущества перед предшествующим текстом. Таковы введенные нами в основной текст поправки к вступительному в первой главе пейзажу: их как раз уловил Оболенский [136] при новом чтении Гоголем этой главы в Москве осенью 1851 г. Таковы же поправки к главе IV: описание владений Костанжогло на пути к Хлобуеву, описание имения самого Хлобуева, размышления Чичикова на пути к Платоновым о сделанной им покупке.

В новом описании хлобуевского имения есть одна разительная черта: двукратное возвращение читателя, при показе имения, к тому прибрежному ландшафту двух первых глав, на фоне которого развернута там история Тентетникова (см. выше, стр. 81*, 84*); на него нет и намек в соответствующих местах не только читанного в Калуге беловика, но и в первом московском слое приписок. Внесенное, следовательно, только в Одессе, новое напоминание о Тентетникове, в далекой от него по собственному содержанию главе IV, могло преследовать особую цель. Главы с возвращением рассказа к Уленьке и Тентетникову калужская редакция 1848–1849 гг., вероятно, не знала. Напротив, новые главы – сверх написанных ранее, – привезенные Гоголем из Одессы в Москву в июле 1851 г., насчитывали в своем составе как раз и такую. Об этой главе со слов Шевырева передает кн. Оболенский: «В то время, когда Тентетников, пробужденный от своей апатии влиянием Уленьки, блаженствует, будучи ее женихом, его арестовывают и отправляют в Сибирь; этот арест имеет связь с тем сочинением, которое он готовил о России, и с дружбой с недоучившимся студентом... Оставляя деревню и прощаясь с крестьянами, Тентетников говорит им прощальное слово (которое, по словам Шевырева, было замечательное художественное произведение). Уленька следует за Тентетниковым в Сибирь, – там они венчаются и проч.» [137] След этой не уцелевшей главы сохранился, как можно думать, в черновом наброске «Помещики, они позабыли...» (см. выше, стр. 273–274*). Содержащееся в нем обличительное обращение, в торжественном тоне, к «власти», от лица обиженного бюрократическими «ограничениями» помещика, едва ли не входило в упоминаемое Оболенским «прощальное слово». Такое расширение, в одесский период работы, эпизода о Тентетникове нельзя не поставить в связь с официально объявленными в самом конце 1849 г. [138] сведениями о сосланных в Сибирь петрашевцах. Еще с 1845 г. предназначавшаяся для второй части «Мертвых душ» тема революционно-политического подполья, неизменно связывавшаяся с тех пор (вплоть до калужских чтений) с мало нам известным персонажем по имени Вороной-Дрянной (что одно уже указывает на реакционно-памфлетный характер, приданный первоначально Гоголем этой теме), неожиданно получила теперь остроту злободневности.

На смену или в дополнение к памфлетному эпизоду о Вороной-Дрянной выступает в 1850–1851 гг. патетический эпизод о ссыльном Тентетникове и следующей за ним в Сибирь Уленьке. [139] Мог входить в этот эпизод и «штабс-капитан Ильин» – персонаж, которого упоминает под впечатлением прочитанных ему Гоголем двух новых глав поэмы Шевырев (в записке от 27 июля 1851 г.), прибавляя: «С нетерпением жду 7 и 8 главы». [140] Прочитаны были, следовательно, 5-я и 6-я.

О содержании дальнейших глав есть сведения в передаче духовника Гоголя, М. Константиновского, видевшегося с Гоголем в начале 1852 г. «Дело было так, – говорит Константиновский: – Гоголь показал мне несколько разрозненных тетрадей с надписями: глава, как обыкновенно писал он главами. Помню, на некоторых было написано: глава I, II, III, потом, должно быть, VII, а другие были без означения... В одной или двух тетрадях был описан священник. Это был живой человек, которого всякий узнал бы, и прибавлены такие черты, которых... во мне нет, да к тому же еще с католическими оттенками, и выходил не вполне православный священник. Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил уничтожить. В другой из тетрадей были наброски... только наброски какого-то губернатора, каких не бывает. Я советовал не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмеют за нее даже больше, чем за Переписку с друзьями». [141] Намерение изобразить священника известно было также Смирновой (см. выше). Работа над заключительной главой, в период одесский и после Одессы, дошла до нас в нескольких уцелевших черновых набросках (см. выше, стр. 274*–280). Три из них (1-й, 2-й и 4-й) сделаны теми же рыжими чернилами, что и второй слой приписок в

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru четырех тетрадях; они повторяют заново наставительную речь князя к чиновникам из заключительной главы первой редакции. Один из ее набросков (2-й) – рядом с предполагаемой речью Тентетникова (см. выше). В другом, самом обширном (№ 4), заметно стремление увязать самую речь с содержанием предшествующих глав.

Кроме перечисленных отрывков и приписок карандашом в четырех тетрадях от одесского периода до нас больше не дошло ничего. Последний текст Гоголя, «переписанный набело его собственной рукою, очень хорошим почерком» (по наблюдению лечившего его доктора), [142] был сожжен автором в Москве, в доме графа А. П. Толстого, на Никитском бульваре, 11 февраля 1852 г.

Не доведенный до конца десятилетний труд прошел, таким образом, следующие фазы: 1) работа над первой редакцией в 1843–1845 гг., от которой, после сожжения в июле 1845 г., уцелел первоначальный текст пятой тетради; 2) работа в Москве от октября 1848 г. до июня 1849 г., выразившаяся в семи главах, прочитанных в июле Смирновой, и частично представленная первым слоем текста четырех первых тетрадей; 3) работа по выправлению из этих семи глав первых четырех, прочитанных Аксаковым в течение августа 1849 г. – июня 1850 г., – работа, сохранившаяся в виде первого слоя приписок во всех пяти тетрадях; 4) работа над нецелевым беловиком 1850–1851 гг., отдельные наметки к которому сохранились как два последних слоя приписок в четырех наличных тетрадях и как черновые фрагменты к заключительной речи князя.

Характер воспроизведения перечисленных текстов вытекает из всего предыдущего.

Воспроизводим последний слой, принимая его за окончательный, т. е. текст, получившийся в результате московских приписок 1849–1850 гг., выправленный сверх того в отдельных случаях по позднейшим припискам одесского периода. В раздел «Другие редакции» отнесен первый слой текста четырех первых глав, как фрагмент редакции 1848–1849 гг. заключительная глава в редакции 1844–1845 гг. а также все перечисленные выше отрывки и наброски.

Варианты к окончательному тексту приводятся в особом разделе «Варианты». Варианты к первому слою даются в подстрочных сносках к публикации этого слоя. Как в «Варианте», так и в подстрочных примечаниях к «Другим редакциям» вариант обыкновенно предшествует тексту, к которому подводится. Если законченному тексту предшествовало несколько предварительных вариантов, они даются в хронологической последовательности по схеме: а – <вариант>; б – <вариант> и т. д. В немногих случаях, когда вариант является наметкой, сделанной уже после принятого законченного текста, он дается по схеме: а – как в тексте; б – <вариант>.

В печати второй том «Мертвых душ» впервые появился в 1855 г. (цензурное разрешение за подписью И. Бессомыкина от 26 июля), в виде дополнения к вышедшему тогда второму собранию сочинений («Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова или Мертвые души. Поэма Н. В. Гоголя. Том второй (5 глав). Москва. В Университетской типографии, 1855»).

Помещенные в разделе «Другие редакции» отрывки главы III впервые опубликованы: № 1, воспроизводящийся в настоящем издании факсимильно, – в 10-м издании, т. III, стр. 581–583; № 2 – в сборнике «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», выпуск третий, под ред. Г. П. Георгиевского, СПб., 1909, стр. 441–442. Из набросков к несохранившимся главам № 1 публикуется впервые, № 2 – впервые опубликован в 10-м издании, т. VII, стр. 896, № 3 – там же, т. VI, стр. 451. «Наброски к заключительной главе» были напечатаны впервые: № 1 – в сборнике «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», вып. третий, стр. 112, № 2 – в 10-м издании, т. VI, стр. 452, № 3 и 4 – там же, т. VII, стр. 895 и 446–451.

Текст первого издания представляет собой комбинированный текст первого и последнего слоев сохранившейся рукописи с привнесением в него ряда ошибок, явившихся результатом неправильного чтения С. П. Шевыревым трудно разбираемой рукописи, а в некоторых случаях, быть может, и произвольного редактирования.

В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в Московском Университете и в Институте украинской литературы Академии наук УССР в Киеве имеется шесть рукописных списков с несохранившегося экземпляра копии, сделанной С. П. Шевыревым с автографа. Между текстом сохранившегося подлинника и рукописными копиями, а также первопечатным текстом имеются разночтения. Однако эти разночтения по своему характеру не могут свидетельствовать о том, что в

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru распоряжении С. П. Шевырева имелся еще какой-либо, не дошедший до нас первоисточник.

Разночтения, как указано выше, бесспорно объясняются комбинированием слоев рукописи, неправильным прочтением ряда мест, а также типичными ошибками переписчика.

В предисловии Трушковского к первому изданию второго тома сообщалось, что «в августе 1851 г. Гоголь прочел С. П. Шевыреву шесть глав совершенно оконченных к печати и седьмую почти готовую». Следовательно, С. П. Шевырев мог лучше других знать содержание сожженной рукописи. Ввиду этого имеет значение его редакторская заметка в конце второй главы в первом издании:

«Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым; обед у генерала и беседа их о двенадцатом годе; помолвка Улиньки за Тентетникова; молитва ее и плач на гробе матери; беседа помолвленных в саду. Чичиков отправляется, по поручению генерала Бетрищева, к родственникам его, для извещения о помолвке дочери и едет к одному из этих родственников полковнику Кошкареву» (стр. 73). Эта заметка по содержанию совпадает с рассказом Арнольди. Остальные редакторские примечания не представляют интереса и свидетельствуют о том, что едва ли редактор пользовался другими первоисточниками. Так, в примечании на стр. 123 первого издания отмечен пропуск в разговоре между Костанжогло и Чичиковым. По поводу содержания этой утраченной части разговора редактор мог привести только предположение: «Здесь в разговоре между Костанжогло и Чичиковым пропуск. Должно полагать, что Костанжогло предложил Чичикову приобрести покупкою имение соседа его, помещика Хлобуева». Всё это ясно из самого текста и не вносит никакого дополнения. Такого же характера и две другие заметки: «Здесь пропуск, в котором, вероятно, содержался рассказ о том, как Чичиков отправился к помещику Леницыну» (стр. 168); «Тут должен быть пропуск» (стр. 232).

IV.

Непосредственно связаны со второй частью «Мертвых душ» те записные книжки Гоголя, которые содержат не только материалы к поэме, но также черновые наброски к ней. Таких записных книжек Гоголя дошло до нас две.

Первая записная книжка в отрывках по неполной копии Трушковского опубликована Н. С. Тихонравовым (в ряде случаев с ошибочным прочтением текста) в приложении к журналу «Царь-колокол» (1892 г., вып. III) и вторично по той же копии в 10 издании (т. VI, стр. 457–496). Полностью по автографу воспроизводится здесь впервые. Эта книжка датирована в 10 издании 1841–1842 годами; в действительности к этим годам относятся лишь первые записи. Гоголь пользовался этой книжкой до середины 1844 г. На начало в ней записей с 1841 г. прямо указывает первая же из них: упоминаемый тут «Петр Михайлович» – П. М. Языков, брат поэта и спутник Гоголя при его возвращении из-за границы на родину осенью 1841 г. Следующий затем перечень «дел Петра Михайловича», где между прочим значится: «вымыть коляску, уставить стекла фонарей», не оставляет сомнения в том, что запись сделана как раз в пути, т. е. в сентябре – октябре 1841 г. Что касается последних в этой книжке заметок, то, начиная с заметки «Дела, предстоящие» губернатору» и до конца, они все внесены сюда со слов графа А. П. Толстого, что подтверждается следующим отрывком из обращенного к нему письма Гоголя, служащего, вероятно, наброском статьи «Занимающему важное место» («Выбранные места из переписки с друзьями»):

«Вас удивляет, почему я с таким старанием стараюсь определить всякую должность в России, почему я хочу узнать, в чем ее существо? Говорю Вам: мне это нужно для моего сочиненья, для этих самых „Мертвых душ“, которые начались мелочами и секретарями и должны кончить<ся> делами покрупнее и должностями повыше, и это познание точное и верное должностей в том... в каком они должны у нас в России быть. Мне бы не хотелось дать промаха и погрешить против правды, тем более, <что> характер<ы> и люди в остальных двух частях выходят покрупнее обыкновенных и в значительных должностях. Я Вас очень благодарю, что Вы объяснили должность генерал-губернатора; я только с Ваших слов узнал, в чем она истинно может быть важна и нужна в России». [143]

Как раз разъяснению административной роли генерал-губернатора, в отличие от губернатора, посвящены последние заметки первой записной книжки. Да и непосредственно предшествующая им заметка «Сведения о Лыскове» тоже указывает на

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
сношения Гоголя с семьей Толстых: графиня А. Г. Толстая, урожденная княжна Грузинская, была дочерью того самого князя Грузинского, которому когда-то принадлежало Лысково, крупное приволжское село в шестидесяти верстах от Нижнего-Новгорода. Нетрудно, наконец, определить и время внесения всех этих заметок в книжку. Начало сближения Гоголя с А. П. Толстым падает на май – июнь 1844 г., когда Гоголь писал из Бадена Жуковскому: «Живу порожняком и беседую с одним гр. Толстым». [144] Летние беседы с ним в Бадене Гоголь вспоминал осенью этого года в письме к Н. М. Языкову (от 12 ноября). Из этого письма тоже между прочим видно, что беседы касались административных возможностей губернатора.

Простираясь, таким образом, от сентября 1841 г. до мая – июня 1844 г., заметки первой записной книжки охватывают и время завершения первого тома «Мертвых душ» и начальный период работы над вторым. Главным источником собранных здесь этнографических и статистических материалов послужили устные и письменные сообщения П. М. Языкова, уроженца Симбирской губернии и знатока своего края, этнографа, геолога. В письме к нему от 18 мая 1842 г., перед обратным отъездом за границу, Гоголь спрашивает: «Да зачем вы не прислали мне ничего на дорогу? Слов и всяких заметок теперь у вас без сомнения набралось вдоволь. Велите переписать всё, что ни набралось, на тоненькую почтовую бумагу и пошлите в письме к Николаю Михайловичу; если не поместятся за одним разом, – за двумя». Характер ожидавшихся Гоголем от П. М. Языкова «заметок» еще точнее определен в письме Н. М. Языкова от 25 марта 1842 г.: «Брат Петр Михайлович обещал прислать Гоголю собрание слов русских, им для него записанных, и описание крестьянских изделий или ремесл, им же составленное. Гоголю то и другое теперь очень нужно». [145] Не дошедшая до нас переписка П. М. Языкова с самим Гоголем несомненно и содержала все эти заметки, вносившиеся по мере поступления в записную книжку. Как видно из письма Гоголя к Н. М. Языкову от 2 апреля 1844 г., «драгоценные выписки» П. М. Языкова продолжали пересылаться и в 1844 г.

Материалом первой записной книжки Гоголь воспользовался для отдельных глав первой части поэмы в период ее окончательной доработки в октябре – декабре 1841 г.: для гл. IV – заметки, касающиеся псовой охоты (нач. «Густопсовые. Чистопсовые»; см. выше, стр. 321* и сл.), и выражения: «скалдырник», «Софрон» (стр. 326*), – они вошли в речь Ноздрева; для гл. V – имя «Милушкин» (из раздела «Мужички», стр. 343), перешедшее в перечень проданных Собакевичем «душ» («Милушкин, кирпичник!»); для гл. VI – названия хозяйственного скарба (из раздела «Сосуды», стр. 339), перенесенные в описание хозяйства Плюшкина; для варианта гл. VIII – описание турухтана весной (из раздела «Птичьи и звериные крики») в качестве сравнения с мужчиной, заслужившим одобрительный отзыв дам; более мелкие заимствования встречаются и в остальных главах. Материал, перешедший в уцелевшие главы второго тома поэмы, проанализирован выше. В истории создания второго тома «Мертвых душ» заметкам П. М. Языкова вообще принадлежит немаловажное значение: знакомя Гоголя с средним Поволжьем, они придали соответствующий местный колорит не только доминирующему в уцелевших главах пейзажу, но и внесенным туда чертам быта, народной речи и т. д.

Другая помещенная в этом томе записная книжка в выдержках опубликована (с ошибками) Н. С. Тихонравовым по копии Н. П. Трушковского в приложении к журналу «Царь-колокол» (1892 г., вып. III), вторично, по той же копии, – в 10 изд. соч. Гоголя (т. VI, стр. 527–541); полный ее текст по подлиннику печатается здесь впервые. Надпись на обороте переплета, с датой «1846, 8(20) октября», с точностью устанавливает, когда книжка попала Гоголю в руки. В тот же день он писал подарившему ему эту книжку Жуковскому: «Нельзя было лучше и кстати сделать подарка. Моя книжка вся исписалась. Подарку дан был поцелуй, а в лице его самому хозяину». Как долго пользовался ею Гоголь и когда именно вносились отдельные записи, видно из содержания этих последних, где встретилось, между прочим, и несколько новых дат (годы 1847, 1848 и 1849). Одна из первых записей – «Вексель № 12017» – говорит, конечно, о векселе от Прокоповича, упоминаемом в письме к Жуковскому из Неаполя от 4 марта 1847 г. по поводу соответствующего извещения от Плетнева; извещение, в виде номера, и занесено было тогда же, очевидно, в записную книжку, опять упоминаемую в названном письме к Жуковскому: «Видно, недаром было написано в записной книжке, данной мне во Франкфурте на дорогу: „до свиданья“ и вслед за этим прибавлено: „Франкфурт“». Ряд дальнейших записей, начиная со слов «Звезда освещена свечами» и кончая словами «гулянки ночные, называемые Петровками, продолжающиеся до Спаса» (см. выше, стр. 361*–371), представляют собой сжатые выборки из книги Снегирева «Русские простонародные праздники», которую выслал Гоголю Шевырев в июне 1847 г. [146] Гоголь же получил ее около 2 декабря; [147] следовательно, записи о праздниках датируются декабрем

Далее следует запись в русской транскрипции арабских слов (сирийский диалект); запись фонетическая и содержит некоторые неточности. Текст книжки, начинающийся этим словарем и заканчивающийся словами «В Назарете дождь задержал нас двое суток» (см. выше, стр. 371*), относится ко времени палестинского путешествия Гоголя, т. е. падает на январь – апрель 1848 г., а записи, озаглавленные «В Полтаве» и «В Киеве», падают на май – июнь этого же года, когда Гоголь действительно побывал и в Полтаве и в Киеве, о чем известно из его писем к Данилевскому от 4 и 16 мая. Дальнейшие записи, начиная с озаглавленной «Вопросы Хомякову» и кончая записью «Филатов в Севске, Постоялый двор» (см. выше, стр. 383*), охватывают московский период, от сентября 1848 г. до июня 1850 г., когда на пути в Васильевку с Максимовичем Гоголь, по воспоминаниям последнего, «в Севске, на Ивана-Купалу... неподалеку от постоялого двора» услышал заинтересовавшее его причитание трех сестер-девушек над покойницей матерью. [148] Среди дальнейших записей некоторые могут относиться к тому же московскому периоду (книжка заполнялась не всегда в одной и той же последовательности). Такова запись: «Платье гадз зефир» и т. п. (см. выше, стр. 388*), которая по своему положению в книжке должна быть отнесена к 1849–1850 гг. Но есть, несомненно, и более поздние. Таковы, например, записи об обязанностях мужа и жены (см. выше, стр. 386*), во многом совпадающие с июльскими письмами 1851 г. к матери и сестрам по поводу предстоящего замужества одной из них; или запись о митрополите Филарете (см. выше, стр. 387*), совпадающая, должно быть, с тем посещением его Гоголем, о котором идет речь в одной из записок конца 1851 г. к Шевыреву.

Этой записной книжкой Гоголь, следовательно, пользовался в течение пяти лет, вплоть до последних месяцев своей жизни. Значительная часть записей падает на наиболее интенсивный период работы над вторым томом поэмы. Записи, относящиеся непосредственно к ней, проанализированы выше. Обе записные книжки публикуются здесь как дополнительный материал к работе над «Мертвыми душами», и этой задачей ограничен комментарий к ним.

V.

Второй том «Мертвых душ» был последним литературным трудом Гоголя и единственным художественным произведением (за исключением только «Развязки Ревизора»), над которым Гоголь работал в последний период своей жизни, – в период, отмеченный «крутым поворотом» (выражение самого Гоголя) во всем его мировоззрении. Второй том «Мертвых душ» представляется не столько органическим продолжением первого, сколько новым, по существу, произведением – с иными идеологическими предпосылками, иными заданиями, иными во многом художественными приемами. В сознании самого Гоголя уже на первых приступах к работе над вторым томом он характеризуется прежде всего своим отличием от первого. Основные отличия Гоголь видел в большей, по сравнению с первым томом, значительности содержания и в ином, чем в первом томе, выборе героев.

Письма Гоголя за 1843–1845 гг. показывают, что во втором томе должны были найти выражение моралистические идеи Гоголя вообще, и что Гоголь связывает свой труд с собственным воспитанием. В письме к Н. М. Языкову от 14 июля 1844 г. Гоголь пишет: «так самый предмет и дело связано с моим собственным внутренним воспитанием, что никак не в силах я писать мимо меня самого, а должен ожидать себя». Тот же смысл имеют и слова в письме к Смирновой от 25 июля 1845 г.: «Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет „Мертвых душ“. Это пока еще тайна... и ключ от нее, покамест, в душе у одного только автора». Еще яснее развивается эта мысль в «Четырех письмах к разным лицам по поводу „Мертвых душ“», именно в письме четвертом, не названным адресатом которого является несомненно та же Смирнова. Основное содержание второго тома раскрывается не как изображение «прекрасных характеров», а как указание «путей и дорог» к «высокому и прекрасному», т. е. как тема нравственного возрождения.

Это объяснение не отменяло первоначального замысла, а только разъясняло его. Основное различие осталось в силе. Герои второго тома должны быть привлекательнее и сложнее героев первого тома. В нарочито упрощенной форме высказано это в предисловии к новому изданию первого тома (1846 г.): «Взял он <т. е. Чичиков> больше затем, чтобы показать недостатки и пороки русского человека, а не его достоинства и добродетели, и все люди, которые окружают его,

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru взяты также затем, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшие люди и характеры будут в других частях». Подобное же схематическое противопоставление встречаем в письме 1850 г. к А. Ф. Орлову, но оно явно вызвано официальным характером этого письма. В частной переписке Гоголь предъявляет к себе те же требования – раскрывать национальные «недостатки» и «достоинства», какие он выдвигал вообще для литературы в статье «В чем же наконец существо русской поэзии». Так, в письме от 29 октября 1848 г. к А. М. Виельгорской сказано – именно по поводу второго тома «Мертвых душ»: «Хотел бы я, чтобы по прочтении моей книги люди всех партий и мнений сказали: он знает, точно, русского человека; не скрывши ни одного нашего недостатка, он глубже всех почувствовал наше достоинство». В письме к К. И. Маркову (ноябрь 1847 г.) сказано прямо, что во втором томе видное место должна была занять тема «недостатков». На предостережения Маркова («если вы выставите героя добродетели, то роман ваш станет наряду с произведениями старой школы»)[149] Гоголь отвечал: «Что же касается до II тома „Мертвых душ“, то я не имел в виду собственно героя добродетелей. Напротив, почти все действующие лица могут назваться героями недостатков. Дело только в том, что характеры значительнее прежних и что намерение автора было войти здесь глубже в высшее значение жизни, нами опошленной, обнаружив видней русского человека не с одной какой-нибудь стороны».

Идейные задания второго тома определялись в период работы Гоголя над «Выбранными местами из переписки с друзьями» и отразили общее направление этой реакционной книги, в частности, центральную ее мысль о необходимости нравственного возрождения для каждого человека как единственного средства оздоровления общественной и государственной жизни. Однако, как указывал Чернышевский, «новое направление не помешало» Гоголю «сохранить свои прежние мнения о тех предметах, которых касался он в „Ревизоре“ и первом томе „Мертвых душ“». Чернышевский настаивал на том, что реакционные идеи, овладевшие Гоголем, не убили в нем великого художника, что он и «в эпоху „Переписки“ не видел возможности изменять в художественных произведениях своему прежнему направлению».[150]

Второй том открывается полемически-декларативным вступлением, где автор продолжает настаивать на изображении «бедности, да бедности, да несовершенств нашей жизни». Гоголь стремится к «верности действительности» не только в смысле типической жизненной правды, но и в деталях. Всеми возможными способами Гоголь собирает материалы по «вещественной и духовной статистике Руси».[151] Он обращается к различным своим корреспондентам с просьбой присылать ему характеристики общественных типов, рассказы о злоупотреблениях администрации, описания изб и мужиков и т. п.[152] Гоголь изучает русскую жизнь и по книжным источникам, читая, например, «Хозяйственную статистику России» В. П. Андросова, М., 1827,[153] труд Н. А. Иванова «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении», 1837,[154] различные путешествия по России и особенно по Сибири – вероятно, для изображения жизни Тентетникова в ссылке.[155] В этой же связи Гоголь проявляет особый интерес к литературным произведениям писателей, принадлежащих или близких к «натуральной школе». В статье «О современнике» он с этой именно точки зрения выдвигает Даля: «каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к познанию русского быта и нашей народной жизни... Его сочинения – живая и верная статистика России». А. О. Россету, который взял на себя ознакомление Гоголя с современной русской литературой, Гоголь писал 11 февраля 1847 г.: «Мне нужны не те книги, которые пишутся для добрых людей, но производимые нынешнею школою литераторов, стремящуюся живописать и цивилизовать Россию. Всякие петербургские и провинциальные картины, мистерии и проч.». В письме к тому же Россету от 15 апреля 1847 г. Гоголь прямо устанавливает связь своих просьб о присылке различных материалов со своей творческой работой: «Скажу вам не шутя, что я болею незнанием многих вещей в России, которые мне необходимо нужно знать... Все сведения, которые я приобрел доселе с невероятным трудом, мне недостаточны для того, чтобы „Мертвые души“ мои были тем, чем им следует быть». Обращаясь затем с новой просьбой о записи «мнений» и характеристик, Гоголь добавляет: «это в такой степени не игрушка, что если я не наберусь в достаточном количестве этих игрушек, у меня в „Мертвых душах“ может высунуться на место людей мой собственный нос и покажется именно всё то, что вам неприятно было встретить в моей книге». Наконец, вернувшись на родину, Гоголь попрежнему пользуется каждым случаем для того, чтобы пополнить свое «знание России» беседами с разнообразными встречающимися ему людьми.[156]

Очевиден более широкий по сравнению с первым томом общественный фон, на котором должно было развиваться действие. Второй том свидетельствует о новых творческих

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
исканиях Гоголя и его новых художественных достижениях, сказавшихся, например, в создании таких образов, как образ Тентетникова, Бетрищева, Петуха. Вместе с тем для второго тома характерны бледные образы Уленьки, Платонова, а также схематичные Костанжогло, его жены и др. [157] Мастерское начало второго тома и отдельные замечательные эпизоды чередуются с натянутыми сценами и дидактической риторикой. Реализм Гоголя оказался в вопиющем противоречии с его реакционно-моралистическими идеями.

В произведении, современном по заданию, не было ни правильного осмысления, ни даже правильного учета действительно борющихся в современности общественных сил. Действительность подчинена была более или менее элементарным схемам и зачастую подменялась изображениями наивно-утопическими (деятельность генерал-губернатора) или примитивными (филантропическое общество). В этом и заключалась основная причина творческой неудачи второго тома как художественного целого.

Критика второго тома «Мертвых душ» обычно сводилась к констатированию творческих удач и неудач Гоголя – удач в изображении «отрицательной» стороны действительности и неудач в изображении «светлой» стороны.

Одним из первых печатных откликов на второй том была статья А. Ф. Писемского. [158] Высоко оценивая образы Тентетникова, Бетрищева, Петуха, сыновей Петуха, Хлобуева, Писемский дал резко отрицательную оценку образам Уленьки и Костанжогло. О Муразове Писемский отозвался только бегло как о «решительном преобладании идеи над формой»; о генерал-губернаторе не упомянул вовсе. Отрицательно, как карикатуру, оценил Писемский и Кошкарева.

Статьи Н. Д. Мизко («Отечественные записки», 1856, № 6), А. Р[ыжо]ва («Библиотека для чтения», 1855, №№ 10 и 11) и анонимная статья в «С.-Петербургских ведомостях», 1855, № 205, не представляют большого интереса.

Самым важным был отзыв Н. Г. Чернышевского, давшего глубокий анализ последнего произведения Гоголя. Отзыв свой Чернышевский привел в качестве примечания к «Очеркам гоголевского периода русской литературы», гл. 1, впервые напечатанным в «Современнике», 1855, № 12. Критик рассматривал второй том в свете общей идейной эволюции Гоголя, насколько это было возможно по цензурным условиям. Чернышевский находил слабыми «отрывки, в которых изображаются идеалы самого автора». Таковы «дивный воспитатель Тентетникова, многие страницы отрывка о Костанжогло, многие страницы отрывка о Муразове». Но, по мнению Чернышевского, это «еще ничего не доказывает», т. е. не доказывает ущерба гоголевского таланта, так как изображение идеалов (там, где действительность их не давала) «было всегда слабейшею стороною в сочинениях Гоголя». Напротив, там, где Гоголь «переходит в близко знакомые ему сферы отношений», там «талант его является в прежнем своем благородстве, в прежней своей силе и свежести».

Чернышевский выделил прежде всего эпизоды второго тома, написанные в обычной для Гоголя обличительной манере: «разговор Чичикова с Бетрищевым о том, что все требуют себе поощрения, даже воры, и анекдот, объясняющий выражение „Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит“, описание мудрых учреждений Кошкарева, судопроизводство над Чичиковым и гениальные поступки опытного юрисконсульта; наконец дивное окончание отрывка – речь генерал-губернатора, ничего подобного которой мы не читали еще на русском языке, даже у Гоголя». Далее Чернышевский сочувственно отметил ряд мест, проникнутых юмором, «превосходно очерченные характеры» Бетрищева, Петуха и его детей, и многое другое. Общее заключение Чернышевского о втором томе таково: «преобладающий характер в этой книге, когда б она была окончена, остался бы все-таки тот же самый, каким отличается и ее первый том и все предыдущие творения великого писателя... программу художника остается, как видим, прежняя программа „Ревизора“ и первого тома „Мертвых душ“». [159]

Иллюстрации

1. Н. В. Гоголь. Рисунок В. А. Тропинина (итальянский карандаш и белила). 1840–1842 гг. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.
2. Страница рукописи из третьей главы второго тома «Мертвых душ». Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина в Москве
3. Начало заключительной главы второго тома «Мертвых душ». Государственная

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
библиотека СССР имени В. И. Ленина в Москве

4. Сохранившиеся части разорванного листа с текстом из третьей главы второго тома «Мертвых душ». Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина в Москве

5. Внутритекстовые иллюстрации (зарисовки Н. В. Гоголя в тексте Записных книжек)

Выходные данные

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

РЕДАКЦИЯ

Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ, Н. И. МОРДОВЧЕНКО, Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ

Текст подготовили и комментарии составили В. А. ЖДАНОВ, Э. Е. ЗАЙДЕНШУР и В. Л. КОМАРОВИЧ

Редактор издательства А. И. Корчагин

Оформление художника Н. В. Ильина

Технический редактор А. А. Киселева

Корректор Н. С. Родина

РИСО АН СССР № 4331. Т-00197. Издат. № 2783.

Тип. заказ № 1764. Подп. к печ. 4/IV 1951 г.

Формат бум. 60 × 921/16. Печ. л 27,25 + 7 вкл.

Уч. – издат. л. 25,25. Бум. л. 13,62. Тираж 6000.

Цена в переплете 25 руб.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР

Ленинград, В. О., 9 лин., д. 12.

Примечания

1

фраза не закончена.

2

В автографе пропуск недостающего текста ничем не отмечен.

3

В автографе – начинавшихся

4

В автографе – болдыри.

5

В рукописи далее недостает одного листа.

6

Не дописано.

7

Не дописано.

8

В автографе – липецк.

9

В автографе – накликать

10

Не дописано.

11

Продолжение в рукописи утрачено.

12

Начало фразы утрачено.

13

Из более ранней, чем остальные главы, редакции.

14

В автографе пропуск недостающего текста ничем не обозначен.

15

Фраза не закончена.

16

с любовью (итал.).

17

Не дописано.

18

с любовью (итал.).

19

В автографе – обнаруживается

20

фраза не дописана, и далее в рукописи пробел.

21

Текст начинается с новой страницы, и начало фразы в рукописи отсутствует.

22

Не дописано.

23

Край листа оторван и утрачены середина и окончание фразы.

24

Край листа оторван и утрачены середина и окончание фразы.

25

На этом рукопись обрывается.

26

Текст этой строки написан по стершемуся другому тексту; поддается прочтению только окончание: куда ходил <?> к губернатору

27

В подлиннике: по белой тропу

28

Слово «просить» исправлено из другого слова, не поддающемуся прочтению.

29

«простак» написано по слову: простоват

30

Далее начато: цве<тет>

31

Далее начато: цветет

32

В рукописи: Скалить

33

В подлиннике ошибочно повторена цифра: 4 и далее нумерация идет с ошибочным счетом (меньше на 1).

34

Перед этим было начато: Нагрузке судов му<кой>

35

Далее начато: когда те взошли

36

служат с отрубленных концов оглоблями

37

Далее начато: прик<рываются>

38

Далее начато: зер<нового>

39

из березовой кор<ы>

40

где висят

41

из осинов<ого> дерева, где к<ладут>

42

Далее начато: хват<ает>

43

Между строк ранее было записано: сыромоло<т>

44

В рукописи: Верест

45

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1aj.ru
далее, на пустой странице, над рисунком башенки, запись: Фантастич<еский> <?>
Обелиск

46

далее начато: обык<новенно>

47

далее начато: хлебо<пашество>

48

такие деревья носят <название>

49

далее начато: Картины пожаров

50

далее было: за нее

51

бурлаки идут впер<ед>

52

далее было: назначение чиновников, их увольнение

53

что в губерн<ии>

54

на каждого три или четыре уезда

55

всё, что случ<ится>

56

взятые

57

Перед «Рекрутские» начато: Относит <ельно>

58

которые подальше даже

59

Далее начато: всё это с распоряжения

60

Далее начато: свое к исполняющему>

61

Далее было: в которо<м> от губерн<атора> зависит>

62

Не дописано.

63

Далее начато: свидетельство с домом, процент

64

Далее начато: дает

65

начато: [Прокурор мож<ет>] Взятки прокурора

66

Далее начато: где

67

происшеств<иях>, делах и следств<иях>

68

Далее начато: это видно из

69

обращать<ся> в земский суд и в уездный суд

70

Вместо «о своем уме»: о своих качествах

71

Далее начато: Потому

72

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogo1niko1ai.ru
Далее начато: при

73

Далее начато: всякою

74

Далее начато: Игры <1 нрзб.>

75

с волынками

76

Далее начато: или потонет

77

Далее начато: поплывет

78

Далее зачеркнуто: которая развалилась посереде лужи

79

Далее зачеркнуто: со всех сторон

80

Далее начато: вышитый по к<раям>

81

Далее начато: и ноги обна<жены>

82

Далее начато: бежали, полные играющей крови

83

В подлиннике можно прочесть: дрова

84

Далее зачеркнута строка, не поддающаяся прочтению.

85

Перед этим зачеркнуты две строки, не поддающиеся прочтению.

86

Фраза не закончена.

87

Далее начато: в стройности и порядке

88

Фраза не закончена.

89

Далее начато: входя в европе<йскую>

90

Далее начато: и стало быть не мог знать, то

91

Над строкой начато: множеством своих

92

П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М. – Л., 1928, стр. 140–141.

93

В. И. Шенрок. «Материалы для биографии Гоголя», IV, стр. 104.

94

Во 2-м выпуске «Москвитянина» за 1841 г., в отделе «Литературные новости» (стр. 616) читаем: «Гоголь написал уже два тома своего романа „Мертвые души“. Вероятно, скоро весь роман будет кончен, и публика познакомится с ним в нынешнем году».

95

См. т. VI настоящего издания, стр. 223, 241, 242.

96

Письмо к М. П. Погодину от 8 июля 1847 г.

97

«Воззови, – обращается Гоголь к Языкову в статье „Предметы для лирического поэта в нынешнее время“ (в „Выбранных местах из переписки с друзьями“), – в виде лирического сильного воззвания, к прекрасному, но дремлющему человеку... О, если бы ты мог сказать ему то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома „Мертвых душ“!»

98

См. выше, стр. 318*.

99

Письмо к С. П. Шевыреву от 28 февраля 1843 г.

100

См. соч. Жуковского, изд. 7, т. VI, стр. 504.

101

П. В. Анненков. Литературные воспоминания, стр. 144–145.

102

Письмо к Н. М. Языкову от 14 июля 1844 г.

103

См. выше, стр. 349*–357.

104

См. ниже комментариев к записным книжкам, стр. 425*–426.

105

См. выше, стр. 255*–256.

106

«У мужиков давно уже колосилась рожь, высыпался овес, кустилось просо, а у него едва начинал только идти хлеб в трубку, пятка колоса еще не завязывалась» – ср. записи: «Рожь, ячмень, пшеница колосятся – когда из трубки показывается колос»; «Просо не колосится, а кистится»; «Хлеб пошел в трубку – когда является колосовая трубка»; «Завязалась пяточка – сначала образуется род молочка, когда снизу шелуха начинает затвердевать» (см. выше, стр. 337*).

107

Соответствующее место нынешней главы III ср. выше, стр. 75*–76.

108

См. т. VI настоящего издания, стр. 692–693.

109

См. письма к А. М. Виельгорской от 14 мая, П. А. Плетневу от 4 и 30 июля, 13 августа, 12 и 26 сентября, 3 и 5 октября 1846 г.

110

См. письмо к С. П. Шевыреву от 26 июля 1846 г.

111

См. письма к П. А. Плетневу от 4 декабря 1846 г., С. П. Шевыреву от 8 декабря 1846 г., Н. М. Языкову от 20 января 1847 г., А. О. Смирновой от 22 февраля, Д. К. Малиновскому в марте 1847 г., А. С. Данилевскому от 18 марта, А. О. Россету от 15 апреля 1847 г. и многие другие.

112

См. письма от 15 апреля к А. О. Россету, от 24 августа к П. А. Плетневу и к С. Т. Аксакову, от 2 декабря к С. П. Шевыреву.

113

Ср. письма к П. А. Плетневу от 3 января 1847 г., к А. М. Виельгорской от 16 марта и к А. П. Толстому от 8 и 21 августа того же года.

114

Письмо к С. П. Шевыреву от 2 декабря.

115

Ср. письма к С. П. Шевыреву от 14 июня, к В. А. Жуковскому от 15 июня и С. Т. Аксакову от 12 июля 1848 г.

116

Письмо к А. М. Виельгорской от 30 марта 1849 г.

117

Лев Арнольди. Мое знакомство с Гоголем. «Русский вестник», 1862, № 1, стр. 74–78.

118

«Записки о жизни Н. В. Гоголя», т. II, стр. 227.

119

Можно еще добавить – Воспоминания кн. Д. А. Оболенского, «Русская старина», 1873, кн. 12, стр. 941–943.

120

См. Барсуков. «Жизнь и труды Погодина», X, 322.

121

См. выше описание рукописи.

122

Ср. Вас. Гиппиус. «Гоголь», 1924, стр. 213–214. фамилия Костанжогло, упоминаемая
Страница 145

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru Смирновой, в первом слое этих тетрадей еще не встречается: там ей соответствует Скудронжогло. Но в двух-трех местах она там исправлена черными чернилами на Костанжогло, что могло предшествовать чтениям в Калуге.

123

Фамилия персонажа – Чагравин, а не Чагранов, как запомнили Смирнова с братом.

124

С. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем. М., 1890, стр. 186–188.

125

См. собственные признания об этом Гоголя в передаче Н. В. Берга, «Русская старина», 1872, т. V, кн. 1, стр. 124–125.

126

См. Н. В. Гоголь. Материалы и исследования, под ред. В. В. Гиппиуса, I, 1936, стр. 184.

127

С. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, стр. 188; см. также письмо С. Т. Аксакова к сыну от 10 января 1850 г. («Материалы и исследования», под ред. В. В. Гиппиуса, I, стр. 184–185).

128

С. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, стр. 188.

129

См. «И. С. Аксаков в его письмах», I, 271–273.

130

См. письма к А. С. Данилевскому от 5 июня, к А. С. Стурдзе от 6 июня и др.

131

См. С. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, стр. 188.

132

См. «Русская старина», 1873, т. VIII, № 12, стр. 952.

133

См. выше, стр. 394*.

134

См. Письма к А. О. Смирновой от 20 августа и к П. А. Плетневу от 2 декабря 1850 г.

135

Цензурная рукопись «Ревизора» в 1835 г. готовилась, например, по двум различным писарским копиям с несохранившегося автографа (см. том IV настоящего издания).

136

«Хотя в напечатанной первой главе все описательные места прелестны, но я склонен думать, что в окончательной редакции они были еще тщательнее отделаны». См. «Русская старина», 1873, т. VIII, № 12, стр. 943–947.

137

«Русская старина», 1873, т. VIII, № 12, стр. 943–947 и 952–953.

138

В «Русском инвалиде» от 23 декабря 1849 г., № 276.

139

Выдвигается предположение, что если верны свидетельства современников об изменениях в идейной направленности сюжетных линий второго тома, то они могли произойти под воздействием зальцбруннского письма Белинского; см. статью Н. Л. Степанова «Белинский и Гоголь» – сборник «Белинский – историк и теоретик литературы», изд. Академии Наук СССР, 1949, М. – Л., стр. 317–318.

140

См. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 г., стр. 68.

141

См. В. Гиппиус. Гоголь, стр. 455.

142

См. А. Тарасенков. Последние дни жизни Гоголя. 2-е изд., М., 1902, стр. 12.

143

См. Сочинения Гоголя, изд. 10, т. VII, стр. 450–451.

144

Письмо к В. А. Жуковскому от 23 мая 1844 г.

145

См. В. И. Шенрок. Материалы, IV, стр. 179, примечание 3.

146

См. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1893 г., стр. 51.

147

В письме от 2 декабря, известив Шевырева о получении посылки, Гоголь прибавил относительно автора: «Дивлюсь, как этого человека разбрасывает во все стороны... Нужно иметь четыре головы, чтобы его читать. Даже эту малую толику, которую он собрал в своей книге, трудно увидеть из его же книги».

148

См. «Записки о жизни Н. В. Гоголя» П. Кулиша, т. II, стр. 237–238.

149

См. В. И. Шенрок. Материалы, IV, стр. 552.

150

«Современник», 1857, № 8 («Сочинения и письма Н. В. Гоголя»). Ср. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. IV, М., 1948, стр. 641, 660.

151

Выражение из письма к Н. М. Языкову от 22 апреля 1846 г.

152

См. письма к сестрам 1844 г., к матери от 23 апреля 1846 г., к А. О. Смирновой от 22 февраля, к А. С. Данилевскому от 18 марта 1847 г.

153

Письмо к С. Т. Аксакову от 27 июля 1842 г.

154

См. Воспоминания Я. К. Грота, «Русский архив», 1864, стр. 178.

155

См. письма к С. П. Шевыреву от конца 1851 г.

156

См. воспоминания Л. И. Арнольди, «Русский вестник», 1862, № 1, стр. 62–68.

157

Имеются свидетельства о прототипах некоторых образов второго тома «Мертвых душ». Так, в откупщике Д. Е. Бенардаки видели прототип Костанжогло (свидетельство М. П. Погодина, «Русский архив», 1865, стр. 895); в родственнике Лермонтова Столыпине – прототип Муразова (соч. Лермонтова под ред. П. А. Висковатова, т. VI, стр. 245). Алексей Веселовский считал, что Хлобуеву приданы черты П. В. Нащокина (см. Алексей Веселовский, «Мертвые души» в его книге «Этюды и характеристики», т. 2, изд. 4, 1912, стр. 224, и М. О. Гершензон, «Друг Пушкина Нащокин» в книге «Образы прошлого», 1912, стр. 65–70). Кошкарёв имеет ряд прецедентов в жизни и в литературе (см. Н. О. Лернер, «Прототипы гоголевского полковника Кошкарёва» – «Нива», 1913, № 33). В основе образа Уленьки можно

Том 7. Мертвые души. Том 2. Николай Васильевич Гоголь gogolnikolai.ru
предположить черты А. М. Виельгорской.

158

«Отечественные записки», 1855, кн. 10.

159 Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. III, М., 1947, стр. 10–13.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gogolnikolai.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!